

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО**

**ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

**Научный журнал
Том 2 (68). № 2**

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала
«Ученые записки Таврического университета»,
который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2016**

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 – 61823 от 18 мая 2015 года

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № от 2016 г.

Учредитель – Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р. филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р. филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на Дону)
Габриелян О.А.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р. полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р. филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р. филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г.М	д-р. филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Фёдорова М. М.	д-р. полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р. полит. н., проф. КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь – Иванова Р. А.

Редакторы электронной версии:

Костромицкая А. В., канд. культур., ст. преп., КФУ им.
В. И. Вернадского

Ответственные за выпуск:

Берестовская Д. С., д-р. филос. н., проф., зав. каф. культурологии и
религиоведения философского факультета Таврической академии
КФУ им. В. И. Вернадского
Темненко Г. М., д-р. фил. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского

Контакты с редакцией:

Тел.: +7-978-782-64-61 Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: ga-la-te@mail.ru

Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Подписано в печать: 31 октября 2016 Формат 70x100 1/16

11 усл. п. л. Заказ № НП/40

Тираж: 50 экземпляров (цена свободная)

Журнал доступен в электронной версии: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности КФУ

имени В. И. Вернадского 295007, г. Симферополь, пр.

Академика Вернадского, 4

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КУЛЬТУРОЛОГИИ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 2. С. 3–9.

УДК 008

АРИСТОТЕЛЬ О СПЕЦИФИКЕ И НРАВСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСКУССТВА

Д. С. Берестовская

Статья анализирует произведения великого мыслителя эпохи античности Аристотеля, посвященные проблемам своеобразия искусства как системы художественных образов, его познавательной роли и эстетического воздействия. Рассматриваются основные положения трактата «Поэтика»; главное внимание обращается на содержание понятий «отражение», «подражание», которые, в понимании Аристотеля, имеют неординарное значение: они должны сочетаться с представлениями тех, кто о них говорит, думает, – произведение «открыто» для понимания, толкования читателем, зрителем, слушателем. Таким образом, указанные понятия включают объективное и субъективное начала.

Анализ произведений Аристотеля производится не только с философских, но и с культурологических позиций, рассматривающих культуру как целостный феномен, воплощающий роль нравственных ценностей, «человеческое» измерение культуры. В этом контексте рассмотрена проблема характера в различных литературных жанрах, основное внимание уделено нравственной основе героического характера в концепции Аристотеля и развитию его идей в философии и художественной культуре вплоть до XX века.

Ключевые слова: *культура, культурология, философские интенции, художественный образ, нравственные проблемы, традиция.*

Постановка проблемы. Культурология как обобщающая, синтезирующая наука формировалась на пересечении определенных теорий, методов и концепций, в том числе философской интерпретации культуры, получившей воплощение в ценностно ориентированных смыслах различных историко-культурных эпох. Эта особенность обусловлена самой сущностью культуры, которая «представляет собой единство, целостность» [8, с. 5].

Цель статьи – проанализировать философские интенции великого мыслителя эпохи античности Аристотеля, посвященные специфике проявления искусства в процессе создания художественного образа, а также затронутым им нравственным проблемам, стоящим и перед философом, и перед культурологом.

Один из самых загадочных художников мира Поль Гоген в названии своего полотна отразил глубокий смысл самого существования человечества: «Откуда мы? Кто мы? Куда идём?». «Ессе homo» – «вот человек», – могут сказать о смысле своих творческих исканий и философ, и культуролог, и художник, оперируя различными средствами: от логических категорий до художественных образов.

Цель нашей работы – не только рассмотреть эти проблемы на основе творчества Аристотеля, но и наметить линию традиции в истории культуры от Аристотеля до XX века, опираясь на определение А. Ясперса: «Философия означает быть в пути <...> это – в-пути-бытие – судьба человека во времени» [9, с. 277].

Изложение основного материала. Аристотель (384–322 г. до н. э.) – выдающийся ученик Платона, один из слушателей его Академии, в течение трех лет руководил воспитанием юного Александра Македонского. Вернувшись в Афины, основал свою философскую школу – Ликей. Наиболее значимые произведения Аристотеля: «Органон», «Метафизика» (оба названия появились после смерти автора); «Физика», «О душе», «Никомахова этика», «Политика», «Экономика», «Риторика», «Поэтика».

Основоположник логики, Аристотель понимал ее не как отдельную науку, а как орудие всякой науки («Органон»). Мыслитель создал учение о методе вероятностного знания, об определении и доказательстве как методе достоверного знания, об индукции как методе установления исходных положений науки. В своей концепции, обоснованной в «Поэтике», Аристотель поставил проблему познавательной роли искусства и его эстетического воздействия. Он считал, что в основе искусства лежит акт узнавания истинной природы вещей. Мастерство художника, проявляющееся в таком акте узнавания, доставляет нам эстетическое наслаждение. При этом Аристотель подчеркивал творческое начало искусства.

В свою концепцию философ ввёл момент долженствования, что позволило сблизить искусство с моралью. Образы искусства для Аристотеля должны быть столь же прекрасны, сколь морально высоки и чисты. С этим связано признание воспитательной этико-эстетической роли искусства. Мыслитель считал, что искусство должно облагораживать душу.

Остановимся подробнее на анализе «Поэтики» Аристотеля – на положениях великого мыслителя о специфике искусства, сущности художественного образа, на проблемах формы и содержания и других, ставших теоретическим обоснованием поэтики (имеются в виду не только вербальные тексты, но и искусство в его многообразных проявлениях).

Прежде всего, Аристотель обосновывает положение о специфике искусства и его соотношении с действительностью. Мыслитель видит задачу искусства в познании действительности. Но каким образом оно осуществляется?

Аристотель использует термин «подражание», основываясь на том, что подражание – свойство человеческой природы. Однако для Аристотеля «подражание» имеет множество значений, проявляясь в различных видах искусства по-разному.

Выделим основную мысль, дающую нам возможность отнести приписываемое Аристотелю мнение об «отражении» действительности лишь как ее копирование,

конкретном воспроизведении. В 25 главе «Поэтики» он говорит: «Так как поэт есть подражатель, <...> то необходимо ему подражать непременно чему-нибудь одному из трех: или он должен изображать вещи так, как они были или есть, или же как о них говорят и думают, или какими они должны быть» [1, с. 187].

Таким образом, особый путь искусства в познании истины Аристотель видел в изображении возможных по вероятности или по необходимости явлений, человеческих характеров и действий. Это касается различных видов искусств, поэт действует «... подобно живописцу или какому-нибудь другому художнику...» [там же]. Так мыслитель обозначает проблему, решение которой актуально и в наши дни (в XXI веке от Рождества Христова): соотношение истины (в ее философском понимании) и художественной правды, в создании которой участвует художник с его субъективным пониманием жизни, отличающейся многообразием. Именно художник (поэт, живописец, скульптор) определяет, кто «хороший или дурной», исходя из восприятия, впечатления, которое это произведение должно вызывать у людей.

В качестве примеров Аристотель приводит труды живописцев – Полигнота, Павсона, Дионисия, а также прозаиков и поэтов. Перед нами Гомер, который «представляет лучших, Клеофонт – обыкновенных», а творцы пародий – худших. Такое же различие и между трагедией и комедией: последняя стремится изображать худших, а первая – лучших людей, нежели ныне существующие [1, с. 43–44].

Одна из центральных проблем «Поэтики» – «катарсис» – явление, свойственное трагедии, которая, по утверждению Аристотеля, изображает людей лучших, чем мы. Мыслитель дает такое определение сущности трагедии: «Трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему определенный объем, подражание при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшенной посредством действия, а не рассказа, совершающее путем сострадания и страха очищение подобных аффектов» [1, с. 57].

В «Поэтике» Аристотель также обращается к проблеме художественных средств, необходимых для создания произведения искусства. Характер этих «средств» и «способа» зависит как от самого предмета изображения, так и от индивидуальности автора (Гомер, Софокл, Аристофан и другие). Гомер – автор эпических поэм, воспевающих героев (например, «Илиада»). Аристофан – автор комедий, т. е. драматических произведений («Мир»). Софокл – автор трагедий: т. е. он изображает «людей достойных» (например, «Царь Эдип») в драматических произведениях – трагедиях.

По-гречески «драма» – действие. Впоследствии к этим правилам обратится поэтика классицизма: принцип «единства действия» воспроизведет в «Поэтическом искусстве» Д. Буало (1636–1711).

Интересны и в наши дни замечания Аристотеля о фабуле, характере, ритме, языке трагедии, комедии, эпопеи, о законах гармонии.

Обратим внимание на определение предмета поэзии: «Задача поэзии говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы произойти, и о возможном согласно кажущейся вероятности или согласно необходимости» [3, с. 142–143]. В самой действительности поэт, по мысли Аристотеля, различает: 1) просто существующее

или присущее чему-либо (происшедшее); 2) возможность чего-либо (что может быть, а может и не быть); 3) невозможность чего-либо (то, что иначе быть не может).

Сравнивая поэзию с наукой, историей, Аристотель отдает предпочтение поэзии: «... поэзия говорит более об общем, история же об единичном» [там же, с. 144]. Аристотель обращает внимание как на соответствие поэтического образа объективной действительности, так и на соотношение его со способностью восприятия.

Подчеркнем еще раз: «... искусство может изображать вещи не только так, как о них говорят или думают, или так, какими они должны быть. А кроме того, ... художественное подражание ... не есть просто воспроизведение существующего образа, а создание нового образа, выражающего общее, то есть создание того, что могло бы произойти согласно кажущемуся вероятным или согласно необходимости» [там же].

В «Поэтике» мыслитель раскрывает свое понимание проблемы прекрасного. Для Аристотеля прекрасное не абстрактная идея, а объективное качество вещей: «... прекрасное и животное, и всякая вещь – состоящее из известных частей: должно не только иметь последнее в порядке, но и обладать не какою попало величиной: красота заключается в величине и порядке ...» [1, с. 63]. Аристотель выдвинул принцип соразмерности человека и прекрасного предмета: «... ни чрезмерно малое существо не могло бы стать прекрасным, так как обозрение его, сделанное в почти незаметное время, сливается, ни чрезмерно большое, так как обозрение его совершается не сразу, ни единство и целостность не теряются ...» [1, с. 63].

Таким образом, красота здесь обусловлена мерой, а мерилom всего является человек. Эта концепция прекрасного выросла из гуманистической художественной практики античного искусства и сохранила свое значение, оказав огромное влияние на всё последующее развитие художественной культуры.

Проблема добродетели как проблема нравственная находилась в центре внимания Аристотеля.

Известно, что философы античности, рассматривая нравственные основания связей личности с обществом, обратились к категории героического как выражению высоких духовных качеств человека в извечной борьбе добра со злом. Героическое рассматривалось в рамках концепции личности в связи с проблемами активности субъекта, его свободы и ответственности.

Античные философы отождествляли героизм с мужеством, объединяя в рамках этого понятия справедливость, благородство, мудрость, знания, бескорыстие, самоотверженность. Аристотель рассматривает мужество в числе основных этических добродетелей – их три: мужество, мудрость, умеренность: «... Тот человек мужественен, который переносит всё, что следует», «...мужественный страдает и действует соразмерно и разумно» [2, с. 51].

Как ясно из приведенных высказываний древнегреческого мыслителя, в рассуждения о мужестве вводится категория долженствования как определяющий момент в характеристике поведения мужественного человека, что напрямую зависит от внутренней убежденности, нравственного выбора свободного гражданина, действующего не по приказу, «а потому что это прекрасно». Именно такой «хороший

характер» может стать трагическим, гибель которого вызывает очищение – «катарсис». Таким образом, героическое связано с трагическим и прекрасным. Герой, павший на поле боя, бессмертен.

В связи с рассуждениями по поводу категории героического Аристотель обращается к анализу античной трагедии как воплощению диалектики героического и «узнавание бывает поразительно» [1, с. 85]. Неотвратимость трагической развязки воплощалась в идее рока, судьбы. По определению Аристотеля, трагический герой «безвинно несчастен», он жертва, на которую обрушивается гнев богов или роковое стечение обстоятельств. Пример, взятый им из трагедии Софокла «Царь Эдип», стал основой представления о трагической вине: Эдип в неведении совершил преступление: убил отца и женился на матери; «узнавание» было «поразительно»: Эдип ослепил себя и удалился в изгнание, тем самым искупив свой невольный грех.

Разрабатывая положение об очищении – «катарсисе», Аристотель формулирует мысль о силе воздействия трагического на человека – зрителя, читателя, – что заставляет задуматься над законами жизни.

Мысли Аристотеля нашли развитие в творчестве философов последующих эпох. Один из них – деятель Возрождения Джордано Бруно (1548 – 1600), автор трактата «О героическом энтузиазме» (1585). У «героических энтузиастов» Джордано Бруно видит «превосходство собственной человечности» [6, с. 53], объединяя героизм и гуманизм. Утверждаются нравственные основы подвига: «Нет сомнения, что лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф» [6, с. 62].

Образное воплощение эти размышления нашли в стихотворении Джордано Бруно, где он сравнивает себя с Икаром.

*Когда свободно крылья я расправил,
Тем выше понесло меня волной,
Чем шире веял ветер надо мной;
Так дол презрев, я ввысь полет направил.
Дедалов сын себя не обеславил
Паденьем; мчусь я той же вышиной!
Пускай паду, как он: конец иной
Не нужен мне, — не я ль отвагу славил?
Но голос сердца слышу в вышине:
«Куда, безумец, мчимся мы? Дерзанье
Нам принесет в расплату лишь страданье...»
А я: «С небес не страшно падать мне!
Лечу сквозь тучи и умру спокойно,
Раз смертью рок венчает путь достойный...» [6, с. 62].*

Смерть героя, считал Джордано Бруно, «дает жизнь во всех последующих веках» [6, с. 29].

Мысли Аристотеля нашли свое развитие и в «Эстетике» Гегеля. Трагическое Гегель взаимосвязывает с героическим. Именно героическое является той почвой, на которой может произойти трагическое действие. Персонажи героической и трагической ситуации – это «характеры высокие, абсолютно определенные», исполненные нравственной мощи, имеющие «нравственное право совершать определенное деяние» [7, с. 588].

Для них существует ситуация выбора, но они не выбирают, ибо действуют, «следуя определенному характеру и пафосу», для них нет нерешительности, они «по своей природе суть то, что они хотят и совершают. Они – то, что они есть, и таковы вовек, и в этом состоит их величие» [7, с. 593].

Этим «великим характерам» мыслитель противопоставляет индивиды, в душе которых нет твердо поставленной цели как субстанции собственной индивидуальности, пафоса и силы всей воли. Такой индивид в нерешительности переходит от одной цели к другой, принимая то или иное решение «по своему произволу» [там же].

Гегелем разработана теория трагической вины и трагической ошибки, суть которой раскрывается в деяниях, наносящих «ущерб другим и заключающим в себе вину» [7, с. 594]. Эти мысли Аристотеля и Гегеля о героическом и трагическом характере, трагической вине и ошибке находят глубокое воплощение в литературе на военную тематику: в произведениях Л. Толстого – «Севастопольские рассказы», «Война и мир»; в романах и повестях о Великой Отечественной войне: Ю. Бондарева, В. Быкова, Г. Бакланова, К. Симонова и других участников этих великих исторических событий.

Анализ произведений, воплотивших идеи Аристотеля, дан в наших монографиях «Очерки философии искусства», «Героическое и трагическое в литературе о Великой Отечественной войне» [4; 5].

Вывод. Таким образом, философская концепция Аристотеля, а именно анализ специфики художественных образов и нравственных проблем, искусства, литературы, получила дальнейшее развитие в истории культуры и явилась основой для формирования культурологических тенденций в современной науке.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика / Аристотель. – М.: Худож. лит., 1957. – 184 с.
2. Аристотель. Этика / Аристотель. – СПб., 1908. – 201 с.
3. Ахманов А. С. О содержании некоторых основ терминов «Поэтики» Аристотеля / А. С. Ахманов // Аристотель об искусстве поэзии – М.: ГИХЛ, 1967. – 184 с.
4. Берестовская Д. С. Очерки философии искусства / Д. С. Берестовская. – Симферополь: АРИАЛ, 2013. – 200 с.;
5. Берестовская Д. С. Героическое и трагическое в литературе о Великой Отечественной войне / Д. С. Берестовская – Симферополь: ДИАЙПИ, 2015. – 120 с.
6. Бруно Дж. О героическом энтузиазме / Дж. Бруно. – М.: Гослитиздат, 1953. – 412 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4-х т. / Г. В. Ф. Гегель. Т. 3 – М.: Искусство, 1971. – 621 с.

8. Лихачев Д. С. Русская культура. Сборник / Д. С. Лихачев [сост. Л. Р. Мариупольская]. – М.: Искусство, 2000. – 438 с.
9. Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР-СЭ; СПб.: Университетская книга, 2011. – 445 с.

Berestovskaya D. S. Aristotle about the Specifics and Moral Problems of Art // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 2. – P. 3–9.

This research is devoted to the analysis of the works of the great thinker of Antiquity Aristotle which were devoted to the art originality problems as a system of artistic images, its informative role and esthetic impact. The basic provisions of the treatise "Poetics" have been studied; the main attention is paid to the content of the concepts "reflection", "imitation" which, in Aristotle's understanding, have extraordinary value: they shall be combined with representation of those who speak about them, think what they can be, – the work is "open" for understanding and interpretation by the reader, viewer, listener, i.e. in an objective and subjective combination.

The analysis of works of Aristotle is made not only from the philosophical, but also from the culturological views considering culture as the holistic phenomenon realizing a role of moral values, the "human" measurement of culture. In this context the problem of the character in various literary genres has been considered, the main attention is paid to a moral basis of the heroic nature and to the development of the concept of Aristotle before the XX century of development of art culture.

Keywords: culture, cultural science, philosophical intensions, artistic image, moral problems, tradition.

References

1. Aristotel. Poehtika / Aristotel. – М.: Hudozh. lit., 1957. – 184 s.
2. Aristotel. Ehtika / Aristotel. – SPb., 1908. – 201 s.
3. Ahmanov A. S. O sodержanii nekotoryh osnov terminov «Poehtiki» Aristotelya / A. S. Ahmanov // Aristotel ob iskusstve poehzii. – М.: GIHL, 1967. – 184 s.
4. Berestovskaya D. S. Ocherki filosofii iskusstva / D. S. Berestovskaya. – Simferopol': ARIAL, 2013. – 200 с.; Geroicheskoe i tragicheskoe v literature o Velikoj Otechestvennoj vojne / D. S. Berestovskaya. – Simferopol': DIAJPI, 2015. – 120 s.
5. Bruno Dzh. O geroicheskom ehntuziazme / Dzh. Bruno. – М.: Goslitizdat, 1953. – 412 s.
6. Gegel' G. V. F. Estetika: v 4-h t. / G. V. F. Gegel'. – М.: Iskusstvo, 1968. – Т. 3, 1971. – 621 s.
7. Lihachev D. S. Russkaya kul'tura. Sbornik / D. S. Lihachev [sost. L. R. Mariupol'skaya]. – М.: Iskusstvo, 2000. – 438 s.
8. Put' v filosofiyu. Antologiya. – М.: PER-SEH; SPb.: Universitetskaya kniga, 2011. – 445 s.

УДК 008:140.8:502.1

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО И СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В НООСФЕРНОЙ КОНЦЕПЦИИ В. И. ВЕРНАДСКОГО

А. В. Синичкин

В различных текстах, отражающих проблемы истории науки, ее современного состояния, размышления о творчестве великих ученых, В. И. Вернадский раскрыл свое понимание научного творчества, его предпосылок и следствий. Идеи ученого о «взрывном» характере развития научной мысли предвосхитили появление в конце 60-х годов XX века синергетической теории и философии неустойчивости бельгийского физикохимика И. Р. Пригожина.

Рассмотрена синергетика в ее гуманитарном плане и «синергетическое мировидение» как свойство феномена человека во всех его разнообразных проявлениях: художественного и научного творчества, закономерностей познания, коммуникации. В статье обозначена связь между исследованиями по истории науки и научного творчества В. И. Вернадского и синергетической теорией И. Р. Пригожина, а также освещена этическая и гражданская позиция отечественного мыслителя.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, И. Р. Пригожин, научное творчество, синергетика.

Анализ научного и эпистолярного наследия крупного отечественного естествоиспытателя и мыслителя В. И. Вернадского, его законченных работ и отдельных высказываний, посвященных исследованиям ноосферного мировоззрения, продолжает оставаться одной из актуальных тем современных исследований по причине их синтетичности, универсальности и гениального предвидения проблем взаимодействия человечества и окружающего мира в современную эпоху [11–13]. Примером такого предвидения может стать взаимосвязь мыслей исследователя в работах по истории науки и научному творчеству с идеями синергетики, появившимися через 20 лет после смерти ученого.

Исследователи биографии и творчества В. И. Вернадского И. И. Мочалов и В. И. Оноприенко отмечали во взглядах ученого на историю науки в XX веке сочетание диахронного и синхронного анализов: «...Он смотрел одновременно и глазами историка, и глазами деятельного участника и свидетеля великих научных свершений» [1, с. 338]. Содержание этих высказываний сохранило свою актуальность и значимость и в XXI веке.

Прежде всего, это оценка периода конца XIX – начала XX вв., т. е. «переходной эпохи», как определил ее сам Вернадский. Стремясь к синтетичности, цельности в своих отзывах и оценках, Вернадский дает емкие и глубокие характеристики научной картины мира своей эпохи, превосходящая и терминологию, и оценку особенностей её развития на рубеже веков. В этапной работе «Научная мысль как планетное явление» [2] мыслитель отмечает рост научного знания, стирание граней между отдельными науками: «Мы всё больше специализируемся не по наукам, а по проблемам», что позволяет, с одной стороны, «чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой – расширяет охват его со всех точек зрения» [цит. по: 3, с. 338].

Сущность этого явления В. И. Вернадский сравнил со взрывом.

Приведем это высказывание великого ученого полностью: «Бурный поток нового, ускорение хода научных достижений – когда в немногие десятилетия достигается то, что обычно создается в столетия или в тысячелетия – очевидно, является проявлением какой-то силы, связанной с духовной творческой энергией; если нужна для нашего ума какая-нибудь аналогия этого природного процесса, мимо которого миллионы людей обычно проходят, его не замечая, то этой аналогией может быть – взрыв. <...> Мы живем в особую эпоху, находимся на гребне взрывной волны научного творчества». Отметим, что текст, где содержится это определение, имеет название «Мысли о современном значении истории знаний» [цит. по: 3, с. 338].

Эти размышления В. И. Вернадского обращают нас к идеям «синергетического мировидения» (Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов), к концепции Ильи Пригожина, к высокой оценке роли человека, о чем постоянно писал В. И. Вернадский, создавая теорию ноосферы. Подробный анализ данных проблем не входит в задачи нашего исследования. Но высказывание В. И. Вернадского: «Мы живем в особую эпоху, находимся на гребне взрывной волны», – отзывается в труде И. Пригожина «Философия нестабильности»; последний подчёркивал моменты неустойчивости, в которые «действия каждого отдельного человека могут влиять на макросоциальные процессы...» [4, с. 179].

Впервые характеристика этой эпохи как взрыва научного творчества дана В. И. Вернадским в 1926 году в «Записке о необходимости возобновления работ Комиссии по истории наук». До 1926 года он употреблял такие понятия, как «расцвет науки», «колоссальный рост научного знания» и другие. По своему содержанию термин «взрыв» в применении к науке означает «научную революцию». Именно этот термин употребляет Вернадский в упомянутой выше «Записке». Но этот взрыв не является разрушительным, это взрыв созидательный, охватывающий гипотезы, теории, научные модели, новые факты, новые эмпирические обобщения. Этот «взрыв научного творчества», заставляющий пересматривать «самые основные научные построения мира», побуждает строить новые гипотезы и новые теории, но это только стимулирует развитие науки. «Происходит резкое изменение конкретной природы» [5, с. 130].

Имеет ли это отношение к духовному миру человека и, прежде всего, самого Владимира Ивановича Вернадского? Да, отвечает он, определяя «резкий подъем научного сознания». Аналогии Вернадский находит в истории науки (синхронный и диахронный анализ): возникновение в VI веке до н. э. древнегреческой науки и

философии, расцвет искусства в эпоху Возрождения, наконец, современный для него этап – начало XX века. В работе «Мысли о современном значении истории знаний» Вернадский использует слова «резкая перестройка духовного сознания человека, расширение его кругозора и охвата окружающего его мыслью...» [6, с. 2]. Всё это открывает колоссальные перспективы будущего развития науки. «Эти отличия так велики, что позволяют предвидеть научное достижение такого размаха, которого в биосфере еще не было» [2].

«Затравкой взрыва», как называет это явление Вернадский, явилось открытие радиоактивности, что привело к «перестройке понимания окружающего мира». Отношение к теме нашего исследования определил сам В. И. Вернадский: охвачена «вся жизнь человечества, вся философская его мысль, всё его научное мировоззрение», и объясняет это ученый «единством научного знания» – «все науки одна за другой входят в вихрь движения» [7, с. 41].

Таким образом, проявляется синтетический характер мыслительного процесса великого ученого, глубина и многогранность его духовного облика, творческий характер не только научной деятельности в строго определенных рамках избранных тем и проблем, но и всеохватывающий взгляд на историю человеческой цивилизации, в эволюции которой «научная мысль» представляет, как он определил, «планетное явление». Натуралист-эмпирик, естествоиспытатель В. И. Вернадский видит глубокую закономерность коренного поворота в развитии научной мысли, который нельзя остановить ни «общественными и социальными» явлениями, никакими иными действиями, желаниями или проявлениями в жизни человека.

Рассмотрение синергетики в гуманитарном контексте создаёт возможность отнести «синергетическое мировидение» к свойствам феномена человека во всех его разнообразных проявлениях, к тайнам художественного и научного творчества, к закономерностям познания, коммуникации – вообще к гуманитарной человеческой практике. По мысли И. Пригожина, синергетическая парадигма влечет за собой диалог человека с природой [8], что является одной из доминант гуманитарной составляющей концепции ноосферы В. И. Вернадского. Именно творческое отношение к миру утверждается великим ученым в его «Мыслях о современном значении истории знаний», «Мыслях и набросках», различных «Записках», во многих письмах – к жене, ученикам (напр., Б. Л. Личкову), друзьям (С. Ольденбургу, В. Водовозову и другим), письмах в Академию наук и в других документах, которые мы относим к эпистолярному наследию В. И. Вернадского.

И. И. Мочалов отмечает две предпосылки, обуславливающие, по мнению В. И. Вернадского, «взрыв научного творчества»: 1) «массовое зарождение» талантливых людей в определенные исторические периоды, наличие своеобразных «пульсаций талантливости»; 2) создание определенных социально-политических и бытовых условий для появления талантливых людей.

«Сопоставляя эти предпосылки между собой, Вернадский подчеркивает ведущую роль первой предпосылки – зарождение талантливых людей, отмечая вместе с тем, что только единство обеих предпосылок приведет к взрыву научного творчества» [3, с. 316].

Обратим внимание на термин «пульсация талантливости», сопоставляя его с описанием синергетических процессов, которые не являются «равномерным, постоянным и однонаправленным» путем. Эволюционное восхождение по всё более сложным формам и организациям проходит через ряд циклов распада и интеграции, торможения хода процессов и их ускорения, подъема.

Из теории самоорганизации следует, что «великие открытые системы с сильной нелинейностью, скорее всего, пульсируют <...> По-видимому, мир идет к единству не монотонно, а через пульсации, посредством чередования распадов (хотя бы частичных) и более мощных объединений» [4, с. 181].

Владимир Иванович Вернадский не оставил стройной теории, связанной с историей науки, отличительной особенностью которой является «пульсация талантливости», но из его отдельных замечаний, оценок, мыслей и набросков, речей, записок и т. п. можно сделать вывод: эпистолярное наследие дает возможность назвать анализ процесса развития «истории знаний» (определение Вернадского) предвестьем «синергетического мировидения».

Свои мысли о научной революции Вернадский относил не только к XX веку. В статье «Мысли о современном значении истории знаний» (1927 год) он писал: «В дали веков перед нами открываются другие такие же перестройки духовного сознания человека, расширения его кругозора... Во всё растущей глубине веков с большой вероятностью должны мы допускать многократное повторение таких же созидательных творческих подъемов, поворотов в биении разума, в росте понимания нас самих и нас окружающего» [9, с. 4].

В. И. Вернадский высказывает наблюдение, что эпоха, предшествующая научной революции, «имеет ярко созидательный, а не разрушительный характер». В период научной революции «строится и создается новое, оно для своего создания часто использует, перерабатывая до конца, старое. <...> Это есть образ созидания, но не разрушения, образ невиданного раньше, но явно закономерно шедшего процесса, ожидающего для своего выявления своего завершения» [9, с. 5].

В «синергетическом мировидении» синергетика определяется как «междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучаются процессы перехода от хаоса к порядку и обратно... в открытых нелинейных» структурах [4, с. 201]. Хаос, революция в развитии культуры – образ не только разрушения, но и созидания, т. к. этот процесс – «переход от хаоса к порядку и обратно». Определение хаоса тоже соответствует представлению Вернадского о научной революции, имеющей не разрушительный, а созидательный характер: «Хаос конструктивен через свою разрушительность и благодаря ей, он разрушителен на базе конструктивности и через нее. Разрушая, он строит, а строя, приводит к разрушению. Хаос есть способ самообновления сложной организации» [4, с. 185].

Особое значение этот принцип приобретает в имманентных закономерностях развития социоприродной системы (общества в его взаимодействии с природой), что было особенно важно для В. И. Вернадского: проблемы коэволюции человека и природы.

Особое значение в ходе научных революций имеет одновременное появление ряда высокоодаренных личностей, олицетворяющих творческий подъем в той или

иной области. Именно они определяют ход научной революции, и происходит изменение в психологии научного мышления, что дает, по словам Вернадского, «любопытный психологический результат»: у ученых появляется инициатива, смелое устремление вперед, к новому, не останавливающееся перед ломкой устаревших понятий. К таким исследователям, по мнению Вернадского, относятся великие русские ученые, совершившие революционный переворот в естествознании: Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, М. И. Сеченов, В. О. и А. О. Ковалевские, И. И. Мечников, В. В. Докучаев, П. Л. Чебышев. К этой плеяде следует отнести и самого В. И. Вернадского.

Продолжая наблюдать соответствия его идей с «синергетическим мировидением», обратимся к понятию аттрактора, определяемого как «устойчивое состояние (структура) системы, которое как бы притягивает (лат.: *attrahere* – притягивать) к себе все «траектории» системы. Эту роль выполняют пассионарии – ученые, о которых пишет В. И. Вернадский. Стоя на гуманистических позициях, в своих эпистолярных текстах ученый рассматривал науку не только как индивидуальное деяние, но и как социальное явление, глубоко понимал ее место в жизни общества.

В послании к жене от 22 октября 1913 г. из Петербурга В. И. Вернадский написал: «Таланты редки, и их надо беречь и охранять – это настоящая, живая, вечная сила нации» [10, с. 173].

О «человеческой», гуманитарной сущности науки В. И. Вернадский высказал глубокие мысли в тексте, получившем название «Набросок речи при открытии кружка философии естествознания в студенческом историко-философском обществе Московского университета». Обращаясь к студентам, ученый доказывал, что в основе научной работы должно лежать «высокое гуманитарное чувство, уважение к человеческой личности. Мы часто говорим о значении успехов техники, об увеличении утилизации сил природы, об улучшении жизни человечества, но мы, кажется мне, недостаточно сознаем, что в основе этих успехов лежит сознательная деятельность, лежат идеалы и понимание тех лиц, работой мысли которых достигаются эти результаты» [5, с. 6].

В. И. Вернадский утверждает, что с самого начала развития научного мировоззрения в его основе лежали «гуманитарные взгляды», «уважение к человеческой личности, чувство взаимной солидарности и иной связи всех людей». Это «гуманитарное чувство» он связывает с философией и «некоторыми религиозными учениями», выделяя такие категории, как «общественная этика» и «общественная совесть», лежащие в основе стремления к достижению «лучших условий для жизни ... всего человечества» [там же].

Ученый ставит вопрос: как повлияют на будущее «те новые явления», над которыми работают молодые ученые? Как они улучшат жизнь, какие силы дадут человечеству? Вопрос – риторический, Вернадский сам формулирует ответ: они «повышают личное самосознание», «придают бодрость духа <...> в трудные годы неудач и разочарований».

В «Наброске речи...», предназначенной для выступления перед студентами, Вернадский связывает с проблемами науки категории «общественная этика» и «общественная совесть». К чему приведут результаты научных исследований?

Великий ученый предостерегал молодых: истинная ценность научных открытий не должна заслоняться экономическими, техногенными, социальными и другими ценностями.

Актуальность этих мыслей не вызывает сомнения и сегодня, в XXI веке. Эпоха экологического, экономического и иных кризисов поставила перед учеными свои задачи, в основе которых должно лежать «глубокое гуманитарное чувство».

Деятельность В. И. Вернадского по реорганизации научной жизни России нашла отражение в многочисленных работах, в том числе в эпистолярных текстах, к которым следует отнести записки, наброски его речей, докладов, особенно относящихся к созданию Ломоносовского института и других научно-исследовательских институтов в период 1911–1920 гг.

Весной 1911 года В. И. Вернадский по поручению Академии наук составил для городской думы записку «О Ломоносовском институте при Императорской Академии наук», которая была подписана, кроме него, Н. Н. Бекетовым, Б. Б. Голицыным, В. И. Ламанским, А. А. Шахматовым и другими учеными, входившими в состав академической Ломоносовской комиссии.

В. И. Вернадский связал идею создания института прежде всего с именем М. В. Ломоносова и с празднованием 200-летнего юбилея великого ученого и писателя (предполагалось отметить это событие в декабре 1911 года). Он писал о Ломоносовском институте как «наилучшем памятнике» создателю «духовной силы Петербурга», первому русскому ученому, который был «по своей работе, наряду с веком, впереди его». Кроме этого, Вернадский обращался к традициям Академии наук России, связанной с именем преобразователя России Петра Великого.

Идея создания института не получила разрешения, но Вернадский не оставил попыток ее осуществления. Не раз в своих письмах, дневниках, записках он обращался к мысли о личной ответственности ученого и о его гражданской позиции. Так, на рубеже 1916–1917 гг. ученый отметил, что жизнь потребовала перейти «от случайных единичных начинаний» к планомерной широкой государственной деятельности. Во исполнение этой задачи 18 декабря 1916 года он прочитал доклад «О государственной сети исследовательских институтов» на заседании комиссии по изучению естественных производительных сил, в котором опять подчеркнул необходимость соединения современных запросов развития науки с «насуущими нуждами хозяйственного и культурного развития страны» [5].

В своих записках, речах этого периода В. И. Вернадский неоднократно подчеркивает мысль о необходимости подобной связи. «Только при этом условии возможно сейчас широкое и глубокое творческое захватывание практических вопросов, связанных с использованием естественных производительных сил страны» [5, с. 7]. Другой особенностью работы подобных научных учреждений, отмечает автор, должна быть их широкая независимость и возможность инициативы руководства научных институтов.

Тексты В. И. Вернадского 1916–1920 гг. отразили его твердую позицию, поддержанную другими ведущими учеными России в борьбе за организацию научной творческой работы, связанной с практической деятельностью. Записки его были дополнены новыми идеями и проектами. В результате в

неспокойное время – переходную эпоху войн и революций (по его же определению, «опасных и разрушительных для текущей культурной работы») – был намечен, а впоследствии осуществлен план создания системы научных учреждений страны, начиная от селекционных станций до крупных исследовательских институтов.

Таким образом, эпистолярные тексты В. И. Вернадского (речи, записки, доклады) не только отразили личные мысли их автора, но и раскрыли его гражданскую позицию, понимание задач отечественной науки, идеи взаимосвязи и взаимообусловленности теоретической науки и практической деятельности, проходившие через все его творчество. Сам ученый выступает в роли пассионария-аттрактора: историка, организатора и новатора отечественной науки периодов классической и неклассической форм научной рациональности и стихийного развития, становления новой системы государственности.

Следует отметить также глубину и пронизательность мыслительной деятельности Вернадского, преодолевающую догматизм и одномерность мышления, в частности, понимание цикличности в развитии науки, а также своеобразия переходной эпохи как возможности перехода от хаоса к созиданию.

Список литературы

1. Мочалов И. И. В. И. Вернадский – человек и мыслитель / И. И. Мочалов. – М.: Наука, 1970. – 175 с.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
3. Мочалов И. И. В. И. Вернадский: Наука. Философия. Человек / И. И. Мочалов, В. И. Оноприенко. – М.: ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, 2008. – 408 с.
4. Князева Е. Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
5. Вернадский В. И. Очерки и речи / РСФСР. Науч.-техн. отд. ВСНХ. – Пг.: Науч. хим.-техн. изд-во, 1922. – Вып. 1. – 159 с.
6. Вернадский В. И. Мысли о современном значении истории знаний / В. И. Вернадский // Труды по всеобщей истории науки. – М.: Наука, 1988.
7. Вернадский В. И. На границе живого / В. И. Вернадский // Русская мысль, 1911. – № 3.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
9. Вернадский В. И. Мысли о современном значении истории знания / В. И. Вернадский // Труды Комиссии по истории знаний. – Л.: Из-во «Академия наук СССР», 1927. – Т.1. – 56 с.
10. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской 1909–1940 / В. И. Вернадский; сост.: Н. В. Филиппова, В. С. Чесноков; отв. ред. Б. В. Левшин; Российская акад. наук, Архив РАН – М.: Наука, 2007. – 299 с.
11. Берестовская Д. С. Духовный облик В. И. Вернадского: культурологический анализ эпистолярного наследия / Д. С. Берестовская, А. В. Синичкин – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 202 с.
12. Буряк В. В. Ноосферогенез, глобальные трансформации и проблематизация междисциплинарных исследований / В. В. Буряк // Научное наследие В. И. Вернадского и современность. – Симферополь, 2013. – С. 249–270.
13. Шоркин А. Д. Общество в ноосферном ракурсе / А. Д. Шоркин // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2011. – Т. 24. – № 2 (63). – С. 287–309.

Sinichkin A. V. Scientific Creativity and Synergetic Approach to the Concept of the Noosphere V. Vernadsky // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 2. – P. 10-17.

In various texts, reflecting the problems of the history of science and its current state of reflection on the work of great scientists, Vernadsky opened their understanding of scientific creativity, its causes and consequences. The ideas of the scientist, where he notes the "explosive" nature of the development of scientific thought, anticipated the emergence in the late 60s of the twentieth century philosophy of instability and synergetic theory Belgian physical chemist Ilya Prigogine.

Synergetics considered in its humanitarian spirit and "synergistic vision of the world" as a human phenomenon in all its various manifestations, artistic and scientific creativity, knowledge of laws, communications - even as humanitarian human practice. The article draws parallels between research Vladimir Vernadsky in the field of history of science and scientific creativity and synergetic theory Ilya Prigogine and illuminated the moral and civic position of domestic scientist.

Vladimir Vernadsky did not leave a clear theory related to the history of science, the distinguishing feature of which is the "ripple talent", but individual comments, judgments, thoughts and sketches, speeches, memos, etc. we can conclude that epistolary heritage enables call analysis of the development of the "History of Knowledge" (Vernadsky's definition) a harbinger of "synergetic worldview."

The relevance of these ideas is no doubt today, in the XXI century. The era of environmental, economic and political crisis has put the scientists their task, which should be based "profound humanitarian feeling".

Key words: Vernadsky, Prigogine, scientific creativity, synergetic.

References

1. Mochalov I. I. V. I. Vernadskij – chelovek i myslitel' / I. I. Mochalov. – M.: Nauka, 1970. – 175 s.
2. Vernadskij V. I. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie / V. I. Vernadskij. – M.: Nauka, 1991. – 271 s.
3. Mochalov I. I. V. I. Vernadskij: Nauka. Filosofiya. Chelovek / I. I. Mochalov, V. I. Onoprienko. – M.: IET im. S. I. Vavilova, RAN, 2008. – 408 s.
4. Knyazeva E. N. Osnovaniya sinergetiki. Sinergeticheskoe mirovidenie / E. N. Knyazeva, S. P. Kurdyumov. – M.: Kom Kniga, 2005. – 240 s.
5. Vernadskij V. I. Ocherki i rechi / V. I. Vernadskij. – Vyp. I. – Petrograd, 1922.
6. Vernadskij V. I. Mysli o sovremennom znachenii istorii znaniy / V. I. Vernadskij // Trudy po vseobshchej istorii nauki. – M.: Nauka, 1988.
7. Vernadskij V. I. Na granice zhivogo / V. I. Vernadskij // Russkaya mysl', 1911. – № 3.
8. Prigozhin I. Poryadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoy / I. Prigozhin, I. Stengers. – M.: Kom Kniga, 2005.
9. Vernadskij V. I. Mysli o sovremennom znachenii istorii znaniy / V. I. Vernadskij // Trudy Komissii po istorii znaniy (Tom 1). – L.: Akademiya nauk SSSR. Komissiya po istorii znaniy, 1927.
10. Vernadskij V. I. Pis'ma N. E. Vernadskoj 1909 – 1940 / V. I. Vernadskij. – M.: Nauka, 2007.
11. Berestovskaya D. S., Sinichkin A. V. Duhovnyj oblik V.I. Vernadskogo: kul'turologicheskij analiz ehpisto'yarnogo naslediya / D. S. Berestovskaya, A. V. Sinichkin. – Simferopol': IT «ARIAL» 2013. – 202 s.
12. Buryak V. V. Noosferogenez, global'nye transformacii i problematizaciya mezhdisciplinarnyh issledovanij / V. V. Buryak // Nauchnoe nasledie V. I. Vernadskogo i sovremennost'. — Simferopol', 2013. — S. 249–270.
13. Shorkin A. D. Obshchestvo v noosfernom rakurse / A. D. Shorkin // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. – 2011. – T. 24. – № 2 (63). – S. 287–309.

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В КУЛЬТУРЕ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 2. С. 18–26.

УДК 2:37.03:316.72.2

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

О. А. Грива

В статье рассмотрены вопросы, характеризующие влияние религии на личность, находящуюся в условиях поликультурности. Автор исходит из того, что религия традиционно играет важную роль в жизни общества и человека, помогая ему решать жизненно важные вопросы. Вопрос о влиянии религии на социальное становление личности в обществе автор рассматривает на стыке ряда социально ориентированных наук, таких как философия, религиоведение, социология, педагогика и психология. Автор подчеркивает зависимость оценок религиозного влияния от общей направленности эпохи и связывает их характер с уровнем религиозности сообщества в целом. В работе аргументированно доказано, что социализация личности в поликультурной среде тесно связана с разными векторами религиозных влияний на нее: деятельностью национальных религий, характерных для Республики Крым, религиозных организаций и неорелигиозных культов, характерных для данного региона.

В статье показаны возможности взаимодействия общественных и религиозных институтов, а также образовательных организаций в социальном воспитании личности, находящейся в стадии своего социального становления.

Ключевые слова: религия, религиозный фактор, Республика Крым, личность, поликультурная среда.

Введение. Религия традиционно играет важную роль в жизни общества и человека. Она помогала человеку решать для себя вопросы, связанные с целостностью его личности, с его трансцендентностью и отношением к вечности. Для социального становления личности значение религии всегда зависело от времени, страны, социального слоя, особенностей самой личности и, в первую очередь, от отношения самого человека к религии. Поэтому вопрос о влиянии религии на социальное становление личности в обществе необходимо рассматривать на стыке ряда социально ориентированных наук: философии, религиоведения, социологии, педагогики и психологии.

Большинство исследователей в сферах социальных наук первое место в социализации личности отдают семье. Второе место в этом ряду многие из ученых

отводят религии, то есть религиозному фактору [4; 5; 8; 9]. Вопросы влияния религиозной и церковной жизни на социальное становление личности активно рассматривались начиная с эпохи Возрождения Дж. Локком, Ф. Вольтером, Д. Дидро. В Новое и Новейшее время влияние религии на личность оценивалась исследователями обычно в соответствии с господствующей идеологией. Так, в период Российской империи каждый гражданин обязан был участвовать в жизни церкви. Соответственно, религиозному влиянию отводилась значительная роль. Напротив, во времена Советской власти влияние религии и церкви оценивалось властью как сугубо отрицательное. Поэтому личность, находящуюся в процессе социального становления, социум всемерно ограждал от религиозных влияний, более того, препятствовал проявлению даже интереса к данной области бытия. В отечественной традиции ситуация существенно изменилась с начала 90-х годов истекшего столетия. В исследованиях, касающихся вопроса о влиянии религиозного фактора на социальное становление личности, можно отметить, во-первых, дифференциацию позиций, во-вторых, рост положительных тенденций в оценках значения религиозного фактора для социального становления личности [1; 3; 4; 6; 9].

К моменту распада Советского Союза в его республиках были представлены все мировые религии – христианство, буддизм, иудаизм и ислам. На постсоветском пространстве существовало более 20 000 религиозных общин. Около 50 % населения считали себя верующими. В настоящее время количество религиозных организаций увеличилось так же, как увеличилось и количество людей, относящих себя к группе верующих. Поэтому рассмотрение вопроса о влиянии религиозного фактора на становление личности в условиях поликультурности и поликонфессиональности считаем актуальным. В связи с этим цель статьи – охарактеризовать влияние религии на социальное становление личности в поликультурном и поликонфессиональном обществе.

Изложение основного материала. Для человека важна не только общая картина религиозности или безрелигиозности общества, но прежде всего его собственная позиция по отношению к религии и вере. Отметим существование различной степени веры, религиозности и воцерковленности личности: от «верите ли вы во что-нибудь или кого-нибудь» – до церковного образа жизни.

Особую окраску аспект взаимоотношений личности с верой и церковью в контексте ее социального становления приобретает в поликультурной социальной среде, когда на человека воздействуют разные религиозные векторы, и немаловажным для него является фактор взаимоотношений разных религий и конфессий в обществе, а также характер государственно-церковных отношений.

Исторически так сложилось, что для России решающую роль играет христианство. Христианские традиции определили для наших соотечественников большинство основных жизненных позиций: роль семьи, отношение к детям, к родителям, к труду, к другим людям, соотношение внутреннего и внешнего мира человека, иерархию его ценностей. Особенности отношения к религии в современном обществе обусловлены рядом факторов, в том числе и культурно-историческими. С одной стороны, современные поколения сформировались в условиях атеизма и

атеистического воспитания. С другой стороны, роль религии и церкви в современном обществе всё возрастает – можно даже говорить об определенной моде на религию.

Выделим различные позиции человека в отношении его к религии:

- атеист – тот, кто отрицает существование Бога,
- безрелигиозный – человек, не нуждающийся в связи с Богом,
- верующий – человек, верящий в Бога, в сверхъестественные силы,
- религиозный – тот, кто придерживается определенной религии,
- церковный – человек, ведущий церковный образ жизни, подчиняющийся

уставу церкви.

Важным является формирование толерантных взаимоотношений у людей, представляющих различные (особенно полусные) позиции. История полна примерами, когда непримиримость в религиозных позициях приводила к ожесточению и кровопролитиям.

Анализируя современные проблемы терроризма и религиозного экстремизма, можно наблюдать, что вопрос о толерантности в западном мире возник прежде всего на религиозном уровне. Религиозная толерантность положила начало всем другим свободам: от свободы слова – до свободы гомосексуальных связей. Современность убеждает нас, что именно в религиозной плоскости труднее всего найти компромисс между представителями разных групп, поскольку религиозные взгляды имеют характер абсолютных истин. За нарушение религиозных правил (канонов, догматов и т. п.) полагалась не плохая отметка, а вечная смерть. Поэтому найти консенсус в спорных вопросах между представителями различных религиозных лагерей иногда бывает сложно. Но именно Христос – Бог-сын христиан, которого признают (правда, в разных качествах) представители и всех других мировых религий, завещал: «Блаженны миротворцы», «Любите врагов ваших» и самое главное – «Любите ближнего как самого себя» (Нагорная проповедь Христа [Матфея 5:1-7:29; Луки 6:12-41]). Вера – в идеале – порождает любовь, а как минимум – терпимость. Поэтому действительно верующий человек – терпимый и любящий. Нетерпимость в среде религиозной догматически допускается только тогда, когда есть необходимость защищать свою «крепость», будь то свой дом, город, или страна, свои взгляды или убеждения.

Локк исходил из того, что церковь – это объединение людей, которые верят в Бога во имя спасения души. Поэтому он расценивал религиозную веру как инстанцию, регламентирующую отношение человека к Богу и другим людям. В «Письмах о толерантности» он призывал человечество к религиозной терпимости.

К миру между религиями и разными социальными слоями, к толерантности призывал и один из основателей гуманистической философии Нового времени – Вольтер. В «Трактате о веротерпимости» он показал губительное действие межрелигиозной вражды и представил веротерпимость как главный путь к миру в мире, как основу развития человечества. Обратимся к высказыванию, которое приписывают Вольтеру: «Я не согласен с тем, что вы говорите, но пожертвую своей жизнью, защищая ваше право высказать свою мысль». В этом афоризме, при некоторой степени преувеличения, сосредоточена квинтэссенция теории толерантности.

Данные гуманисты заложили фундамент для последующего развития идеи толерантности во взаимоотношениях церквей и религий. С того времени толерантность трактовалась как возможность уступок со стороны государства и официальной церкви в вопросах веры и религии. Веротерпимость стала первой формой толерантности.

В развитии данного направления в Новое время проблема толерантности решалась в форме ответов на два главных вопроса: какими должны быть принципы взаимодействия враждующих церквей и как должно строиться взаимодействие светской и религиозной власти [9, с. 34].

Но и в более мягком варианте противоречия в позициях относительно веры и религии обязательно отражаются в общественной жизни, поскольку мораль, нравственность, культура и искусство в значительной степени базируются на религиозных образах и смыслах.

Обычно в современном европейском государстве общественная жизнь является декларативно-светской, что выражается в светском характере образования, науки и культуры. В связи с увеличивающейся значимостью религии и церкви в жизни современного общества в последние годы наметилась тенденция к более гармоничному единению религиозности и социальности. Можно отметить, что большинством граждан признается тот факт, что знание истории религии и церкви необходимо для того, чтобы понимать культуру, наполненную религиозными образами и символами, как, например, музыку И. Баха, В. Моцарта, П. Чайковского, живопись Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля; литературные произведения А. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого, Г. Сковороды, философские труды В. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского, древнерусскую иконопись, архитектуру средневековья, архитектуру Востока и т. д.

Кроме того, понимать суть истории, чтобы она не была хаотичным набором событий, невозможно без осознания того факта, что люди постоянно были ведомы религиозными смыслами: жизнь и смерть первых христиан, подвиги мучеников, жизнь праведников; мотивы крестовых походов, религиозных войн и т. д. Анализ истории и культуры подтверждает, что религиозные смыслы человеческой жизни были наиболее сильными, а значит и наиболее значимыми.

В подтверждение можно сослаться на результаты нашего исследования об отношении к жизни и смерти в разных культурных средах, подтвердившие факт значимой зависимости столь важных смыслообразующих установок от степени религиозности целых групп населения, в нашем случае – славянского и крымскотатарского населения Автономной Республики Крым [3]. Отношение к жизни и смерти, как не переменным явлениям собственной жизни, в значительной степени характеризует не только конкретную личность, но и дает возможность глубже познакомиться с существенными характеристиками определенного этноса, определённой культурной группы.

В ходе проведения исследования нами было обнаружено, что в отношении к жизни и смерти у представителей разных этнических групп (а именно крымских татар и славян) выявлены различия в их восприятии и отношении к этим категориям, хотя в целом семантика отношения к ним очень близка. Полученные в ходе

исследования результаты отношения к смерти представителей разных этнических групп указывают на то, что славяне в большей степени, чем крымские татары, не принимают и боятся ее, отрицательно относятся к смерти как явлению. В их сознании смерть представлена как неизбежность, конец жизни, выступающий в основном как источник негативных эмоциональных состояний и переживаний личности. А крымские татары относятся к смерти как чему-то естественному, не несущему особо негативной смысловой нагрузки. Данные исследования позволили сделать вывод о корреляции показателей (отношение к смерти) с уровнем религиозности испытуемых: в настоящем случае уровень религиозности крымских татар выше, чем уровень религиозности представителей славян, участвовавших в исследовании [3, с. 94].

Важным аспектом проблемы влияния религии на социальное становление личности является факт религиозной полифонии в поликультурной среде. Проанализируем с этой точки зрения ситуацию в поликультурной Республике Крым.

Социальная жизнь в Крыму тесно связана с деятельностью ряда церквей: Украинской православной церкви (Московского Патриархата, глава – митрополит Онуфрий), Украинской православной церкви (Киевского Патриархата, глава – митрополит Филарет), а также Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК, крымский муфтият) и Таврического муфтията, которые имеют статус исламских централизованных организаций на полуострове и объявляют себя защитниками традиционной для крымских татар версии ислама. Кроме того, на полуострове действует еще около пятидесяти религиозных организаций разного толка. При этом в определенную группу выделим древние христианские конфессии: протестантов, католиков, лютеран, евангелистов, а также секты: пятидесятников, хлыстов, баптистов, иеговистов и другие. Другая группа – это нехристианские религии: буддисты, иудеи, мусульмане. В разные периоды в Крыму действовали в том числе и тоталитарные секты: «Белое братство», «Аум Сенрике», «Сайентологии». Представители сект зачастую оказывают негативное влияние не только на неокрепшие души, находящиеся в стадии социального становления, но и на вполне взрослых граждан, находящихся, например, в тяжелой жизненной ситуации. На это неоднократно указывали многие педагоги, социологи и психологи [2; 6; 7; 8].

С 90-х годов прошлого столетия зарегистрировано большое количество новых религиозных организаций. Процесс интенсификации религиозной жизни характеризовался определенными тенденциями. В частности, возрастало количество христианских организаций, появлялись новые направления, такие как «Церковь Христа», «Церковь последнего завета», чему соответствовало вовлечение всё новых групп верующих, как возрастных, так и фокусных. Например, церковь Муна, активно действовавшая на полуострове в середине 90-х годов, была ориентирована на интеллигенцию, особенно учительскую и творческую аудиторию. Церковь «Филадельфия» вовлекала в свои ряды преимущественно молодежь. Увеличение количества молодежи в религиозных организациях – это еще одна тенденция последних десятилетий. Организаторы некоторых религиозных течений и церквей специально делают ставку на молодежь, используя ее природную активность, стремление к новому, определенное любопытство, а зачастую и элементарную незанятость молодежи в социальной и общественной жизни.

Другая тенденция – количественные и качественные изменения внутри конфессиональной жизни. О количественных изменениях говорит статистика, свидетельствующая об увеличении числа культовых действий, типа венчаний, крещений, отпеваний. На качественные изменения указывают изменения, происходящие в социально-психологической ситуации в обществе: религиозные и церковные символы становятся более используемыми и всё более значимыми; житейские и религиозные установки всё чаще совпадают. Так, например, в Великий пост уже редкие пары вступают в брак, поскольку широко распространилось мнение о том, что это не только запрещено церковью, но и не приносит удачи будущим семьям с вполне светской точки зрения. Такие явления социальной жизни как аборты, воровство, клевета, межнациональные распри и им подобные осуждаются как светской, так и религиозной моралью, что делает отношение общества к ним всё более нетерпимым.

Можно сделать вывод об общем оживлении религиозной жизни в современном обществе и о ее положительном влиянии на социально-психологический климат общества.

Но в то же время нельзя не отметить и негативные тенденции. Прежде всего, к ним отнесем усиление межконфессионального напряжения в поликультурной среде. Например, в Крыму эта проблема постоянно находится в сфере особого внимания и властей, и религиозных организаций. Многие годы проблемы межконфессиональных взаимоотношений решались в процессе деятельности Межконфессионального совета Автономной Республики Крым «Мир – дар Божий», уравновешенной социальной политики властных структур, а также благодаря определенной деятельности конфессиональных организаций.

Другой негативной тенденцией последних десятилетий является распространение нетрадиционных религий, тоталитарных сект («Белое братство», «Движение сознания Кришны»), активизации зарубежных миссий.

Можно сделать вывод о том, что для организации и реализации эффективной работы педагогов, психологов, социальных работников, участвующих в процессе социального становления личности в поликультурной среде, необходимо знание и учёт религиозного и конфессионального факторов в процессе социализации личности.

Обратимся к вопросу о возможностях взаимодействия общественных и религиозных институтов в социальном воспитании.

В современных условиях существует проблема воспитания гуманности у подрастающих поколений. В негуманных условиях среды возникает склонность к жестокости, агрессии, нетерпимости. Проблемы такого рода объединяют и светских, и религиозных педагогов, светские и религиозные институты. Но проблема взаимодействия светских и конфессиональных институтов в социальном воспитании сложна в силу ряда причин.

1. Разные подходы к мировоззренческим основам личности. Светская культура, образование в том числе, строится на идее «человек – превыше всего», из чего следуют логичные выводы: «всё для человека» (основа потребительской сущности

современной культуры) и «человек может всё». По образному выражению одного из персонажей Ф. Достоевского, «если Бога нет, то всё дозволено».

В религиозном мировоззрении – над всем – Бог, поэтому человек и человеческое общество подвластны ему. Он не только видит дела и поступки, но и «ведает сердца». Человек, находясь под его всевидящим оком, должен выполнять его заповеди.

2. Разное понимание духовности.

В светском понимании духовность – это, прежде всего, приобщенность личности к высшим культурным ценностям (в литературе, музыке, философии). То есть духовный человек – это образованный, порядочный, воспитанный, тонко чувствующий человек. И чем больше личность развивается интеллектуально, морально и эмоционально, тем более духовной она становится.

В религиозном понимании духовность определяется степенью личных отношений с Богом, подразумевающих веру, любовь, поклонение, послушание, смирение. Чем выше уровень религиозности и церковности человека, тем и выше уровень духовности.

При этом, по образному выражению В. Нечипорова, иногда в этот круг пускают и людей светских, нерелигиозных, считая, что их природная чистота, высокие душевные качества позволяют им быть людьми духовными, а по отношению к остальным или к другому уровню отношений – называют его нравственным. В данном отношении критерием нравственности является совесть, соответственно, духовности – Бог [6].

3. Разное отношение к религиозным ценностям.

В светском понимании их надо использовать в воспитании, но ровно настолько, насколько они могут быть полезны: знакомить с религиозными сюжетами в искусстве, с историей религии. Но не больше – то есть налицо прагматично-утилитарное отношение к религиозным ценностям человечества.

В религиозном понимании эти ценности – основа миропонимания, мироощущения и мера жизни. То есть нельзя знать их, понимать и при этом не следовать им. основополагающей формулой в этом отношении являются слова Христа: «Я – путь, и истина, и жизнь».

В связи с этим складывается следующая ситуация: с одной стороны, религиозная жизнь общества оживляется и интенсифицируется, но с другой – наблюдаются и попытки сдерживания: стремление не пускать в школы священников, не вводить в программы религиозных и околорелигиозных дисциплин, типа «Основы Православной культуры и светской этики». В то же время в некоторых местах, наоборот, родители требуют введения Закона Божия в качестве обязательного предмета, участия духовенства в воспитательном процессе образовательных заведений. Несомненно, описанные тенденции разъединяют общество, но объединяет его нечто большее: необходимость противостоять злу, влияниям тоталитарных сект, заокеанских проповедников и т. п. Можно констатировать попытки поиска общих начал в деле нравственного и духовного воспитания молодёжи.

Выводы.

В заключение назовем общие принципы и позиции в государстве по отношению вере и церкви, которые лежат в основе взаимодействия светских и религиозных институтов в процессе социального становления личности в Российской Федерации:

- Государство, культура и школа – светские.
- Свобода выбора религии, веры или атеизма для личности.
- Свобода действий для традиционных конфессий внутри конфессии.
- Взаимоуважение, толерантность по отношению друг к другу (верующих и неверующих, представителей разных конфессий друг к другу).
- Объединение различных институтов (светских и религиозных) для решения общих проблем, например экологических, этно-культурных, противостояния тоталитарным сектам и других.

Список литературы

1. Лосский Н. О. Характер русского народа // Старченко Н. Н. Мир, интуиция и человек в философии Н. О. Лосского [фрагмент из книги Н. О. Лосского «Характер русского народа». Диалог времен и народов]. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
2. Бех И. Д. Феномен «Біле братство»: погляд психолога / И. Д. Бех // Рідна школа. – 1994. – № 11.
3. Грива О. А. Исследование отношения к жизни и смерти в разных культурных средах / О. А. Грива // Нова парадигма. – 2007. – № 70. – С. 88–95.
4. Дадонкин А. С. Церква як засіб ресоціалізації засуджених / А. С. Дадонкин // Організація соціальної роботи з молоддю, що повернулася з місць позбавлення волі. – Сімферополь: КрЦССМ, 2001. – С. 8–9.
5. Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека. – М.: Московская школа политических исследований, 2006. – 616 с.
6. Нечипоров В. Введение в христианскую психологию / В. Нечипоров. – М., 1996. – 96 с.
7. Яблоков И. Н. Социология религии / И. Н. Яблоков. – М.: Макс Пресс, 2014. – 260 с.
8. Соціальна робота [за загальною ред. А. Й. Капської]. – К., 2005. – 214 с.
9. Христианская мораль и этика – основа общества. – М., 1993. – 297 с.

Griva O. A. Religious factor in the formation of the personality in a multicultural environment // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 2. – P. 18-26.

The questions that characterize the influence of religion on identity, which is in terms of multiculturalism. The author proceeds from the fact that religion has traditionally played an important role in the life of society and the individual, helping him to solve vital issues. The influence of religion on the social formation of the person in the society at the junction of the author examines a number of socially-oriented sciences, such as philosophy, religious studies, sociology, pedagogy and psychology. Questions of the social life of the individual and of religion still considered by philosophers-humanists since the Renaissance: J. Locke, Voltaire, D. Diderot.

The author emphasizes the dependence of estimates of religious influence on the general trend of the period, and connects them with the level of the character of the religious community as a whole. The author convincingly proves that the socialization of the individual in a multicultural environment is closely linked with various vectors of religious influences on it: the activities of national religions, characteristic of the Crimean Republic, religious organizations and cults typical for the region.

The author also notes the negative trends in the religious development of modern society. First of all, we refer to them strengthening inter-religious tension in a multicultural environment. For example, in the Crimea, the problem resides in the area of special attention, and the authorities, and religious organizations.

For many years the problem of inter-confessional relations were solved in the course of business, the Interfaith Council of the Autonomous Republic of Crimea "Peace - the gift of God", a balanced social policy authorities, and because of certain activities of confessional organizations.

Another negative trend of the last decades is the proliferation of non-traditional religions of totalitarian sects (White Brotherhood, for Krishna Consciousness), activation of foreign missions. The article shows the possibilities of interaction between public and religious institutions and educational organizations in the social education of the person which is in the stage of their social development. The inhumane conditions of modern social environment of young people is often a tendency to cruelty, aggression and intolerance. Problems of this kind are combined and the secular and religious teachers, secular and religious institutions. **Key words:** religion, religious factor, Republic of Crimea, personality, multicultural background.

References

1. Losskij N. O. Harakter russkogo naroda // Starchenko N. N. Mir, intuiciya i chelovek v filosofii N. O. Losskogo [fragment iz knigi N. O. Losskogo «Harakter russkogo naroda». Dialog vremen i narodov]. – M.: Znanie, 1991. – 64 s.
2. Bekh I. D. Fenomen «Bile bratstvo»: poglyad psihologa / I. D. Bekh // Ridna shkola. – 1994. – № 11.
3. Griva O. A. Issledovanie otnosheniya k zhizni i smerti v raznyh kul'turnyh sredah / O. A. Griva // Nova paradigma. – 2007. – №70. – S. 88–95.
4. Dadonkin A. S. Cerkva yak zasib resocializacii zasudzhennih / A. S. Dadonkin // Organizaciya social'noi roboti z moloddyu, shcho povernulasya z misc' pozbavlenyya voli. – Simferopol': KrCSSM, 2001. – S. 8–9.
5. Razmyshleniya o Rossii i russkih. «Vtoraya filosofiya» russkogo cheloveka. – M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2006. – 616 s.
6. Nechiporov V. Vvedenie v hristianskuyu psihologiyu / V. Nechiporov. – M., 1996. – 96 s.
7. Yablokov I. N. Sociologiya religii / I. N. Yablokov. – M.: Maks Press, 2014. – 260 s.
8. Social'na robota [za zagal'noyu red. A. J. Kaps'koi]. – K., 2005.
9. Hristianskaya moral' i ehtika – osnova obshchestva. – M., 1993.

УДК 27-722.51(092)(470.75)

НАСЛЕДИЕ АРХИЕПИСКОПА ТАВРИЧЕСКОГО ГУРИЯ (КАРПОВА) В ПРОСТРАНСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

А. В. Ишин

Статья посвящена анализу обширного духовно-интеллектуального наследия выдающегося церковного и общественного деятеля – Архиепископа Таврического и Симферопольского Гурия (Карпова). В работе используется широкий пласт как малоизвестных дореволюционных, так и архивных источников. Автор рассматривает такие аспекты деятельности Архиепископа Гурия, как организация церковной жизни, вклад в науку, культуру, миссионерскую деятельность, дипломатические отношения, философско-теологическое достояние.

Ключевые слова: *наследие, церковная жизнь, духовность, дипломатия, просветительская деятельность.*

Введение. Имя Архиепископа Таврического и Симферопольского Гурия (в миру Григорий Платонович Карпов) (1815–1882) золотыми буквами вписано в летопись отечественной духовности и культуры. Известный церковный историк Епископ Гермоген в своем описании Таврической епархии отмечал: «Преосвященный Гурий известен был многими добрыми чертами: это – преимущественно кротость, обходительность, осторожность, твердая преданность во всё воле Божией». Трудami Владыки Гурия в Таврической епархии развернулось широкое церковное строительство, были созданы духовная семинария, мужское духовное училище, преобразовано женское духовное училище, основано симферопольское Александро-Невское братство, начато издание епархиальных ведомостей. Обширные заслуги Святителя уже при жизни были отмечены многочисленными наградами: бриллиантовой панагией, орденами св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степеней; св. Владимира 4-й, 3-й и 2-й степеней, пожизненной государственной пенсией, золотым наперсным крестом и другими знаками отличия [7, с. 30].

Изложение основного материала. Труды Архиепископа Гурия по устройению и развитию церковной жизни неустанно дополнялись его просветительской деятельностью, богословским творчеством, которое пронизано необычайной глубиной и высокой научной эрудицией Архипастыря.

Глубоко примечательно, что, говоря об открытии новой подписки на издание «Опыта естественного богословия», Владыка отмечал: «Если при сочувствии общества наши усилия останутся не бесплодными, если правильно понятая наука

просветит ум настолько, чтобы приблизиться к уразумению своего Творца, то мы будем вполне вознаграждены за наш труд...» [7, с. 21].

В Слове на Новый Год Святитель Гурий совершенно по-особому размышляет о проблеме бытия: «Бог есть не только цель стремлений души нашей, но и единственный руководитель на пути к цели. Только в Боге и Богом разрешаются все задачи ума; только в Боге и Богом утоляется жажда высочайшего блага, которая томит наше сердце; только в Боге и Богом успокаивается чувство, жаждущее совершенной красоты. Господь, как истинное Солнце духовного мира, и согревает, и освещает, и оживляет нашу душу...» [6, с. 119–120].

Уже в XX столетии эти идеи блистательно развивал Святитель Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий), выдающийся ученый и богослов, профессор медицины, примером чему является его исключительно глубокая и универсальная монография «Дух, душа и тело» [6, с. 120].

В другом своем великом «Слове на Рождество Христово», произнесенном 26 декабря 1874 года в Семинарской церкви, Владыка Гурий с удивительной глубиной размышляет о том, что есть человек: «Человек – не маловажный предмет на земле. Материально он мал: есть много вещей массивнее его. Но он неизмеримо велик своею духовною стороною, своим умом. Изучив свойства и законы материи и силы физического мира, он в полном смысле слова владыка и господин! В отношении же к Богу он мал столько же, как и всё прочее, потому что конечное и бесконечное несоизмеримы...» [7, с. 22].

Прекрасное владение китайским языком, знание обычаев и традиций Китая во многом способствовали успешности миссионерских и дипломатических трудов Архимандрита Гурия в Пекинской духовной миссии, хотя внешние условия там были достаточно сложны. Об этом красноречиво свидетельствуют его письма Саратовскому Епископу (впоследствии Архиепископу Нижегородскому) Иакову (Вечеркову).

В середине XIX столетия Поднебесная находилась в состоянии упадка. Многолетняя гражданская война, «опиумные войны» с державами Запада, социальная неустроенность, равнодушие и лицемерие населения тяжелым образом сказывались на моральном состоянии и физическом здоровье будущего Архипастыря, который, тем не менее, мужественно боролся с унынием, с присущим ему природным чувством юмора, с тонкой наблюдательностью описывал Преосвященному Иакову бытовые особенности своего длительного странствования. Помимо блестящих переводов книг Священного Писания и других духовных книг на китайский язык, Святитель Гурий оставил исследования об истории Православия в Китае, о китайском буддизме, которые представляют несомненный интерес для современной науки. Неоценимы также заслуги Архимандрита Гурия в установлении добрососедских отношений между Россией и Китаем, в переговорах российского посольства с китайскими властями, увенчавшихся воссоединением с Россией Амурской области, включая исторически важный порт Владивосток, а также Уссурийского края [7, с. 9–11].

Возглавив с 1868 г. Таврическую епископскую кафедру, Владыка Гурий уделял огромное внимание организации исследований, сохранению и популяризации

христианских памятников Тавриды. Он поддерживал контакты с известными крымоведами, в частности с известным исследователем христианских древностей Д. М. Струковым.

В учрежденных Святителем «Таврических Епархиальных Ведомостях» публиковалось немало важных краеведческих материалов. Согласно его указанию, были сделаны фотографические копии уникальных памятников средневекового Крыма: греческого Евангелия, написанного на пергаменте XII в., и «Апостола» из знаменитого православного храма Святого Иоанна Предтечи в г. Керчи. Важное значение имело участие Архиепископа Гурия в установлении гармоничной модели взаимодействия Церкви и научно-археологических кругов. Так, например, архипастырская резолюция от 20 мая 1876 г. об организации раскопок в Херсонесе гласила: «Не худо войти в рассмотрение обстоятельств дела и составить план; и [правила] раскопок т.е. [показать] долю участия и прав[ославного] монастыря на могущие быть найденными вещи. Еп. Гурий» [4, л. 4].

Печать глубокой образованности и рассудительности Святителя проявлялась и в его спокойном взвешенном восприятии важных событий епархиальной и общественной жизни. Об этом свидетельствует ряд крайне интересных архивных источников.

Так, например, в резолюции Владыки Гурия от 23 июля 1875 г. на рапорт священника Космо-Дамиановской Церкви селения Тимошевки Дмитрия Дементьева об обращении скопцов говорилось следующее: «Искренности обращения скопцов я не верю. Советую и Вам быть осторожнее. Усердно наставляйте их в православной вере, обличайте заблуждение скопческое, но к св. причастию не допускайте скопцов по меньшей мере три года: /кроме смертного случая/. О ходе этого дела уведомляйте меня почаще и [пообстоятельнее]. [Впрочем] Вы ведете журнал Ваших беседований? Выдержки из него были бы очень любопытны. Прилежнее молитесь Богу о помощи. Еп. Гурий» [3, л. 1].

Узнав о том, что в Бердянском уезде верующие собирались для прославления обнаруженной ими в источнике иконы Божией Матери, Архиепископ отреагировал следующей резолюцией от 31 мая 1877 г.: «Икону прислать в Кафедральный собор для хранения; деньги (79 к.) хранить в Берд[янском] соборе показывая (до времени) особую статью; а народ убеждать, чтоб сами собою, без священников никаких собраний молитвенных не составляли и явленных икон не выдумывали. Еп. Гурий» [2, л. 1].

Вместе с тем, он был чрезвычайно внимателен ко всем начинаниям, направленным на развитие православного просвещения в Тавриде. Ознакомившись с одним из докладов о состоянии дел по епархии, Владыка собственноручно написал: «Дочери Пр[отоиерея] Павла Горбова, девице Марии за ее усердные и полезные труды по рубановскому училищу преподать наше архипастырское благословение. Гурий, Еп. Тавр.» [1, л. 6].

Преосвященный Гурий немало потрудился для просвещения многочисленных участников сект, наполнявших в то время Таврическую епархию. Так, в 1869 г. он посетил молоканскую колонию вблизи Ново-Григорьевки (Мелитопольский уезд), где лично познакомился с одним из лидеров молокан

донского толка крестьянином Зиновием Захаровым. Вследствие этого знакомства между Владыкой и З. Д. Захаровым началась деятельная переписка, которая не прекращалась вплоть до последних дней его земного служения. Письма Святителя к заблуждающемуся молоканину являются свидетельством огромного богословского таланта и глубочайшей эрудиции Архипастыря, его блистательных знаний Священного Писания и святоотеческой литературы и, вместе с тем, подлинно христианской любви к ближнему.

В одном из писем Владыки Гурия к З. Д. Захарову Святитель призвал последнего не бояться обращаться за разъяснениями сложных духовных вопросов, выяснять «святую правду»: «В рукописи Вы высказываете боязнь, нет ли в ней чего-либо подлежащего уголовным законам. Объявляю Вам, что в ней нет ничего подобного. Впрочем, если бы и было что-либо высказано Вами в какой-либо рукописи такое, что подлежало бы законному преследованию, то могу уверить вас, что я никогда не допущу этого, если только высказанное вами будет высказано без намерения нанести явное оскорбление Господу Богу или Преподобнейшей Власти. Пишите откровенно, без боязни, с чистою любовью к святой правде. Ожидаю от вас скорого и вполне правдивого ответа» [9, с. 335].

Выводы. Несомненно, что в своей деятельности этот выдающийся иерарх внес весомый вклад в возрождение на крымском пространстве культурных традиций Святой Руси, которые во многом именно здесь, в VIII–X столетиях, и закладывались [8, с. 19–33]. Эти традиции сегодня ассоциируются с концепцией Русского мира, которая также имеет весьма давние корни, соотносимые с временами Древней Руси [8, с. 19–20]. При этом сама концепция Русского мира, далеко выходящего за географические рамки собственно Российской Федерации и объективно чуждая проявлениям национализма и ксенофобии, в своих истоках опиралась именно на идеи соборности и созидания [8, с. 32–33]. Не будет преувеличением отметить, что у Святителя Гурия в Крыму (как и в Китае) были великие духовные наследники, продолжатели его деяний. К ним можно отнести, в частности, Архиепископов Димитрия (Абашидзе) [5, с. 40–45] и Луку (Войно-Ясенецкого) [6, с. 116–120], также причисленных Православной церковью к лику святых.

Читателю еще только предстоит прикоснуться к скрижалям с богатейшим наследием Архиепископа Таврического и Симферопольского Гурия, по-настоящему осознать их содержание. Архипастырь обладал удивительной способностью – в простых словах заключать истины, без преувеличения, космического масштаба. Его громадные многогранные труды, в которых остается еще немало нераскрытых страниц, несомненно, должны стать предметом серьезного осмысления современников.

Список литературы

1. Государственный архив Республики Крым, ф. 118, оп. 1, д. 775.
2. Государственный архив Республики Крым, ф. 118, оп. 1, д. 1184.
3. Государственный архив Республики Крым, ф. 118, оп. 1, д. 1429.
4. Государственный архив Республики Крым, ф. 118, оп. 1, д. 1445.

5. Ишин А. В. «Поистине трудное тяжелое время настало для Русской земли». Послание Архиепископа Таврического и Симферопольского Димитрия (Абашидзе). Март 1917 г. / А. В. Ишин // Исторический архив. – 2015. – Т. 1. – С. 40-45.
6. Ишин А. В. Святители Крымские Гурий и Лука: церковная традиция и духовная преемственность / А. В. Ишин // Материалы IV Международной духовно-научной конференции, посвященной 50-летию со дня преставления Святителя Луки, Архиепископа Симферопольского и Крымского, исповедника (7-9 июня 2011 г., Симферополь). – Симферополь: Изд-во Симферопольской и Крымской епархии. – С. 116-120.
7. Ишин А. В. Светильник Православия: жизнь и служение Архиепископа Таврического и Симферопольского Гурия (Карпова) / А. В. Ишин. – Симферополь: Изд-во Симферопольской и Крымской епархии. – 64 с.
8. Ишин А. В. Цивилизационное измерение Русского мира / А. В. Ишин // Проблемы постсоветского пространства. – 2015. – № 3. – С. 19–33.
9. Таврические Епархиальные Ведомости. – 1 июня 1873. – № 11. – С. 335.
10. Таврические Епархиальные Ведомости. – 15 марта 1882. – № 6. – С. 323.

Ishin A. V. A Legacy of Archbishop Tavricheskiy Guriy (Karpov) is in Space of Domestic Culture // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 2. – P. 27-32.

The article is devoted the analysis of vast spiritual-intellectual legacy of prominent church and public figure – Archbishop Tavricheskiy and Simferopol'skiy Guriy (Karpov). A wide layer is in-process used both not popular pre-revolution and the archived sources. An author examines such aspects of activity of Archbishop Guriy, as organization of church life, contribution to science, culture, missionary activity, diplomatic relations, philosophical-theology property. The separate aspect of work is conditioned the analysis of mutual relations of prominent church figure with the representatives of other religious flows. In particular, correspondence is examined with Z. Zakharov, which testifies to the high level of christian respect of Archbishop to the man of other looks, about his toleration and high level of formed. This experience is especially actual in the modern world. An author examines the ponderable contribution of Archbishop to science, marks his deep formed. Ethnography, religiovedenie, philosophy, theology, study of a particular region, linguistics was tested on itself substantial deposit from the side of this prominent church figure. By a serious landmark in development of education opening of the Tavricheskaya spiritual seminary which became the important center of education on the Crimean peninsula. A seminary was opened in 1873 and became the predecessor of higher education in a region. An author marks that in the activity this prominent hierarchy brought in a ponderable small contribution in a revival on Crimean space of cultural traditions of

Ancient Rus. These traditions are today associated with a category the «Russian world», which also has very old roots and historically related to the Crimean peninsula. The basic idea of the «Russian world» is directed on creation and peaceful coexistence of different people and cultures. In that behalf an important value had participating of Archbishop Guriy in establishment of harmonious model of cooperation of the Orthodox church and scientific-archaeological circles. Archbishop Guriy brought in a ponderable small contribution in the revival of the ancient Crimean temples and monasteries, actively supported scientific labours and charity. This experience is actual and in our days.

Key words: legacy, church life, spirituality, diplomacy, elucidative activity.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym, f. 118, op. 1, d. 775.
2. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym, f. 118, op. 1, d. 1184.
3. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym, f. 118, op. 1, d. 1429.
4. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym, f. 118, op. 1, d. 1445.

5. Ishin A. V. «Poistine trudnoe tyazheloe vremya nastalo dlya Russkoj zemli». Poslanie Arhiepiskopa Tavricheskogo i Simferopol'skogo Dimitriya (Abashidze). Mart 1917 g. / A. V. Ishin // Istoricheskij arhiv. – 2015. – T. 1. – S. 40-45.
6. Ishin A. V. Svyatiteli Krymskie Gurij i Luka: cerkovnaya tradiciya i duhovnaya preemstvennost' / A. V. Ishin // Materialy IV Mezhdunarodnoj duhovno-nauchnoj konferencii, posvyashchenoj 50-letiyu so dnya prestavleniya Svyatitelya Luki, Arhiepiskopa Simferopol'skogo i Krymskogo, ispovednika (7– 9 iyunya 2011 g., Simferopol'). – Simferopol': Izd-vo Simferopol'skoj i Krymskoj eparhii. – S. 116–120.
7. Ishin A. V. Svetil'nik Pravoslaviya: zhizn' i sluzhenie Arhiepiskopa Tavricheskogo i Simferopol'skogo Guriya (Karpova) / A. V. Ishin. – Simferopol': Izd-vo Simferopol'skoj i Krymskoj eparhii. – 64 s.
8. Ishin A. V. Civilizacionnoe izmerenie Russkogo mira / A. V. Ishin // Problemy postsovetskogo prostranstva. – 2015. – № 3. – S. 19–33.
9. Tavricheskie Eparhial'nye Vedomosti. – 1 iyunya 1873. – № 11. – S. 335.
10. Tavricheskie Eparhial'nye Vedomosti. – 15 marta 1882. – № 6. – S. 323.

УДК 008 [242:297] «18»Гаспринский

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ «РУССКИХ МУСУЛЬМАН» (ПО МАТЕРИАЛАМ ТРУДОВ И. ГАСПРИНСКОГО)

М. В. Кузячкина

Тема статьи — межкультурный диалог как фактор развития мусульманской культуры в свете идей крымскотатарского просветителя XIX века Исмаила Гаспринского. Поскольку Крым является многонациональным и поликультурным пространством, эта тема актуальна для нашего региона. Исмаил Гаспринский видел в диалоге русской и тюркско-татарской культур не только способ существования, но и фактор развития мусульманского общества. Еще до знаменитой работы Освальда Шпенглера «Закат Европы» Исмаил Гаспринский высказывал мысль о России как альтернативе Западному миру в культурном и цивилизационном развитии. Он призывал к полноправию «свободы, науки и образования» для всех граждан Российской империи, невзирая на этническую принадлежность. Благодаря этому Исмаил бей рассчитывал вывести мусульманское общество из того «состояния глубочайшего невежества и мертвой неподвижности во всех сферах деятельности», в котором оно пребывало. Труды Гаспринского, несомненно, стали большим вкладом в духовное и культурное развитие тюркско-татарских народов, существенным фактором эффективного межкультурного диалога в Крыму.

Актуальность обращения к проблеме диалога культур определяется тенденцией к глобализации во всех областях современной культуры. Глобализация сблизила не только экономические, но и культурные сферы. И теперь речь идет о взаимодействии не только близких по духу культур, но и о тех, что придерживаются совершенно разных традиций и ценностей.

Ключевые слова: *межкультурный диалог, «русские мусульмане», Крым.*

Современное общество переживает не лучший период истории. Этническая и религиозная разобщенность приводит к политическим и военным конфликтам. Все чаще звучат националистические идеи, основанные на ложном чувстве исключительности, призванные отгородить одну часть некогда дружественного народа от другой. Подобные тенденции не новы и уже не раз доказывали свою пагубность. «Разделяй и властвуй» – издревле известный лозунг правителей Древнего Рима.

Одним из способов преодоления межнациональных и межконфессиональных различий является диалог культур. Связанной с ним проблематике посвящено множество современных исследований таких ученых как М. М. Бахтин, Д. С. Берестовская, В. С. Библер, М. С. Каган и другие.

«Новая философская энциклопедия» дает такое определение: «Диалог культур – понятие, получившее широкое хождение в философской публицистике и эссеистике XX в. Чаще всего оно понимается как взаимодействие, влияние, проникновение разных исторических или современных культур, как формы их конфессионального или политического сосуществования» [8].

По мнению М. Бахтина, культура – это форма общения людей разных мировоззрений, а также механизм самовыражения личности [1, с. 85]. Истинная культура есть только там, где есть (как минимум) две точки зрения на человека и окружающую его действительность, где есть диалог. Диалогическую сущность культуры в различных выражениях видит и М. Каган, для него это «диалогические контакты прошлого и будущего, культуры и природы, Запада и Востока...» [7, с. 402]. М. Каган отмечает особую важность межкультурных взаимодействий в современном мире, когда благодаря развитию технических средств в общемировой коммуникативный процесс вовлечено подавляющее большинство существующих этнокультурных образований. К крымскому аспекту диалога культур обращается Д. С. Берестовская. В своих исследованиях она приходит к выводу, что «...если невозможно слияние, синтез разновекторных культурных миров (Восток и Запад), то возможно и необходимо образование многоуровневой и многоаспектной системы, своеобразие и особая ценность которой будет во взаимопроникновении, взаимопонимании, диалоге и полилоге этнических, национальных культур, находящихся на стадии расцвета, что обусловит “многоцветье” культуры Крыма» [3, с.146]. О. В. Брыжак в своих работах обращает внимание на диалогичность праздников народов Крыма: «Именно праздник, отличающийся эмоциональным воздействием, возбуждает стремление понять Другого – как единственную приемлемую форму взаимодействия между субъектами культурного процесса [2, с. 49].

Необходимость культурного диалога осознают во всем мире. «Крым – поликультурное пространство, несводимое к одному основанию, к этнической одномерности. Каждый крымчанин, к какому бы этносу или нации он ни принадлежал, постоянно соприкасается с памятниками иных культур, иных национальных достояний, иных представителей этих культур, для которых Крым тоже является родиной» [3, с. 147]. В Крыму, где проживает более ста пятидесяти этносов, проблема межкультурного диалога особенно актуальна. Понимал это и великий крымскотатарский просветитель Исмаил Гаспринский.

«Исмаил бей Мустафа оглу Гаспринский родился 8 марта 1851 года в деревне Улу-Сала в семье офицера русской службы, утвержденного 19 апреля 1854 года в дворянском достоинстве» [4, с. 9]. По вероисповеданию Гаспринский принадлежал к суннитской ветви ислама и был человеком глубоко верующим. Разделяя основополагающую догматику Корана, Исмаил бей в то же время придерживался просветительских взглядов восточных философов, выступавших за интеграцию

ислама и науки. По свидетельству крымского историка Ю. Ганкевича, «И. Гаспринский был сторонником духовно-культурного единения всей мусульманской уммы. Именно в синтезе европейского научно-технического прогресса и мусульманской религиозной духовности он видел перспективный путь развития исламского общества. Свои идеи по вопросам взаимоотношения европейской культуры, науки, и техники с мусульманской духовностью, традициями и бытом И. Гаспринский воплотил в известных своих художественных произведениях» [4, с. 15]. Имеется в виду прежде всего знаменитый роман «Французские письма» [6].

Будучи знакомым с учениями западных философов, Гаспринский не разделял социалистические взгляды некоторых из них и считал их губительными для мусульманского общества. По его мнению, западноевропейская культура унаследовала от Древней Греции и Рима не только все достижения, но и все пороки. Поэтому альтернативу западному миру великий просветитель, как и О. Шпенглер [9], видел в России, так как по своей духовной и нравственной составляющей русская культура ближе к мусульманской, чем западноевропейская. «Цивилизация, родившись на крайнем востоке и постепенно до сих пор продвигаясь на запад, ныне, кажется, начала обратное движение на восток, и на пути ее русские и русские мусульмане, мне кажется, предназначены быть лучшими проводниками [3, с. 45].

Шпенглер тоже считал русских близкими к тюркским народам, о чем он заявлял в своем докладе на съезде экономистов Рейн Вестфалии: «"Россия и Европа" или "матушка" Россия против "отечества" западных народов, – вот два мира, которые друг от друга далеки. Русский хорошо понимает эту необычность. Он никогда не преодолеет, если он чисто русский, своей антипатии или наивного восхищения по отношению к немцу, французу и англичанину. Татарин и турок ему и понятнее и ближе» [10, с. 1].

Еще до Шпенглера в статье «Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения» Гаспринский высказывался за сближение русской и восточной культур. «Мне кажется, – считал Исмаил бей, – что в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы» [5, с. 36]. Следует сразу оговориться, что Исмаил Гаспринский не мечтал о Великом российском халифате. Говоря о России как об одном из значительных мусульманских государств, мыслитель подразумевал высокий уровень культуры и образования среди мусульманского населения России, который бы не уступал уровню других этнических и религиозных групп.

Гаспринский сокрушался по поводу обособленности татарских общин, в которых процветали суеверия и устаревшие взгляды на мир. Вследствие подобной самоизоляции тюркские народы в России не имели должного культурного развития, несмотря на то, что в социальном плане они имели те же права и льготы, что и остальные граждане Российской империи. Гаспринский писал об этом с болью: «Общественная и умственная изолированность мусульман, глубочайшее невежество,

мертвая неподвижность во всех сферах их деятельности, постепенное обеднение населения и края и, по окраинам, гибельная эмиграция!» [5, с. 37]

Одним из путей решения проблемы, по мнению Гаспринского, являлась ассимиляция. Но, проанализировав различные исторические примеры подобного явления, Исмаил бей приходит к выводу, что это процесс долгий и временами болезненный. Поэтому он предлагает другой путь: «Итак, если мы находим, что обрусение тюрко-татар России невозможно и, следовательно, единение этим путем недостижимо, то что же остается? Остается возможность единения, сближения нравственного, на почве равенства, свободы, науки и образования. Достигнуть этого не так трудно, как может показаться с первого взгляда. Подобное единение может быть весьма прочно и не отразится никаким дурным явлением в сфере государственной и экономической жизни нашего отечества, напротив, поведет к быстрому умственному и экономическому преуспеянию областей, населенных русскими мусульманами» [5, с. 45–46].

Что, по мнению Гаспринского, мешало диалогу тюрко-татарского и русского народов? Незнание, отсюда – недоверие, отсутствие учебной литературы и преподавания на татарском языке, сложности условий печатного дела на татарском языке, отсутствие толковых переводчиков в органах власти. Устранение этих преград, считал Гаспринский, нисколько не повредит ни русскому языку, ни российскому государству, но послужит благу мусульманского общества. В качестве примера подобного взаимодействия Гаспринский приводит Ирландию. Там под английским господством развивалась ирландская литература и печать, что совершенно не вредило Англии.

Особого внимания, по мнению И. Гаспринского, требовало образование мусульманской молодежи. «Братья, примитесь серьезно за дело народного образования: при помощи и содействии просвещенных русских обсудим лучшие способы к тому. Выучиться самому – достоинство, но передать незнающему свое знание еще большее достоинство и благое, святое дело. Наша религия учит, что добро можно творить трояко: трудом, словом и подаянием – и то, и другое, и третье одинаково угодны Богу и благородны: бедный помогает ближнему работой, ученый – поучением, богатый – подаянием. Итак, вы выучились, приобрели знания и добрые правила: не храните их лишь при себе, постарайтесь передавать ваши знания ближним, соплеменникам; переводите на татарский язык хорошие русские книги, пишите для бедных, темных татар, старайтесь открывать и улучшать школы, распространять искусства и ремесла» [5, с. 50]. Просветитель понимал, что молодежь – это будущее любой нации.

Исмаил Гаспринский верил, что культурное сближение русского и тюркских народов принесет пользу и тем, и другим. Межкультурный диалог может обогатить обе культуры, став стимулом для развития исламского общества. В наши дни идеи Гаспринского не менее актуальны, поскольку позволяют мирно сосуществовать и духовно обогащаться как русскому, так и тюрко-татарскому народам.

Мечты и идеи Исмаила Гаспринского воплощаются в современном культурном пространстве Крыма. Русские и крымскотатарские ученые успешно сотрудничают в различных научных и культурных проектах. Александр Горяинов и Вадим Миреев

совместно с Сейраном Усеиновым издали уникальный «Современный русско-крымскотатарский словарь». Виктор Юрьевич Ганкевич много лет занимался исследованием жизни и общественно-политических взглядов И. Гаспринского. Адиле Мемедовна Эмирова занимается проблемами развития русского языка. В бытовой сфере мы тоже можем наблюдать диалог культур на различных примерах. Нередко на столах крымчан стоят рядом блины и самса, котлеты и манты, а хозяйки делятся с соседями рецептами своих национальных блюд. И сколько существует восторженных отзывов русских, побывавших на татарских свадьбах. Таких примеров в современном культурном пространстве можно найти множество. Диана Сергеевна Берестовская точно выразила суть происходящего: «Крым – наш общий дом... дом этот причудлив и многообразен, стены его украшены орнаментами различных культур. Цель крымских культурологов – поиск путей и средств осуществления мирного взаимодействия и взаимообогащения культур народов Крыма, с гордостью называющих себя крымчанами» [3, с.149].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Берестовская Д. С., Брыжак О. В. Диалогичность праздника (на примере культуры народов Крыма) / Д. С. Берестовская, О. В. Брыжак. – Симферополь: Ариал, 2015. – 148 с.
3. Берестовская Д. С. Мыслители XX века о культуре / Д. С. Берестовская. – Симферополь: Ариал, 2010. – 150 с.
4. Ганкевич В. Ю., Шендрикова С. П. Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения / В. Ю. Ганкевич, С. П. Шендрикова. – Симферополь: ДОЛЯ, 2008. – 192 с.
5. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения / И. Гаспринский // Другая Россия. Революция как предмет мусульманской политической мысли. – М.: Клуб Красная площадь, 2006. – С. 56–58.
6. Гаспринский И. Французские письма / И. Гаспринский. – Симферополь: ДОЛЯ, 2003. – 222 с.
7. Каган М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 584 с.
8. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. – М.: Мысль, 2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8262/%D0%94%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%9E%D0%93.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Всемирноисторические перспективы / О. Шпенглер. – Т. 2. – М., 2003. – 370 с.
10. Spengler O. Das Doppelantlitz Russlands und die Deutsche Ostrolerne / O. Spengler // Politische Schriften. – Munchen: Verlag C.H. Beck, 1933. – 178 с.

Kuzjachkina M. V. Cross-Cultural Dialogue as a Factor in Development of “Russian Muslims” Culture (Based on the Work of I. Gasprinsky) // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 2. – P. 33–38.

The theme of the article is a cross-cultural dialogue as factor of development of muslim culture in the light of ideas of Crimean Tatar educator Ismail Gasprinsky XIXth century. Since Crimea is inter-ethnic and multicultural space, this topic is relevant for our region. Ismail Gasprinskii saw in the dialogue of Russian and Turkic-Tatar culture not only as a way of existence, but also as a factor of the development of Muslim society. Long before the famous work of Oswald Spengler's "Decline of the West", Ismail Gasprinskii expressed the idea of Russia as an alternative to the Western world in the cultural and civilizational development. I.Gasprinskiy called for equality of "freedom, science and education" for all citizens of the Russian empire, regardless their ethnicity. This Ismail Bey hoped to bring the Muslim community from the

"state of profound ignorance and dead stillness in all spheres of activity", in which it resided. Gasprinsky's works undoubtedly made a great contribution to the spiritual and cultural development of the Turkic-Tatar people and became a factor of effective intercultural dialogue in the Crimea.

The urgency of addressing the problem of dialogue of cultures is determined by the trend towards globalization in all spheres of modern culture. Globalization pull together not only economic, but also a cultural space. And nowadays we are talking about cooperation, not only congenial cultures, but also of those that adhere to very different traditions and values.

Key words: cross-cultural dialogue, "Russian Muslims", Crimea.

References

1. Bahtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* / M. M. Bahtin. – M.: Iskusstvo, 1979. – 424 s.
2. Berestovskaya D. S., Bryzhak O. V. *Dialogichnost' prazdnika (na primere kul'tury narodov Kryma)* / D. S. Berestovskaya, O. V. Bryzhak. – Simferopol': Aerial, 2015. – 148 s.
3. Berestovskaya D. S. *Mysliteli XX veka o kul'ture* / D. S. Berestovskaya. – Simferopol': «ARIAL», 2010. – 150 s.
4. Gankevich V. Yu., Shendrikova S. P. *Ismail Gasprinskij i vzniknovenie liberal'no-musul'manskogo politicheskogo dvizheniya* / V. Yu. Gankevich, S. P. Shendrikova. – Simferopol': DOLYA, 2008. – 192 s.
5. Gasprinskij I. *Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nablyudeniya* / I. Gasprinskij // *Drugaya Rossiya. Revolyuciya kak predmet musul'manskoj politicheskoy mysli*. – M.: Klub Krasnaya ploshchad', 2006. – S. 56–58.
6. Gasprinskij I. *Francuzskie pis'ma* / I. Gasprinskij. – Simferopol': DOLYA, 2003. – 222 s.
7. Kagan M. S. *Filosofiya kul'tury* / M. S. Kagan. – SPb.: Petropolis, 1996. – 584 s.
8. *Novaya filosofskaya ehnciklopediya: V 4 tt.* – M.: Mysl', 2001. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa k izdaniyu: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8262/%D0%94%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%9E%D0%93.
9. Shpengler O. *Zakat Evropy. Vsemirnoistoricheskie perspektivy* / O. Shpengler. – T. 2. – M., 2003. – 370 s.
10. Spengler O. *Das Doppelantlitz Russlands und die Deutche Ostroleme* / O. Spengler // *Politische Schriften*. – Munchen: Verlang C. H. Beck, 1933. – 178 s.

ИСКУССТВО КАК ФОРМА КУЛЬТУРЫ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 2. С. 39–47.

УДК 008. (075.8)

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ

Н. М. Акчурина-Муфтиева

Статья посвящена малоисследованной в искусствоведческой литературе теме художественного наследия Крыма – крымскотатарскому декоративно-прикладному искусству. Развитию декоративного искусства крымских татар в последние двадцать лет способствовал ряд источников: духовное стремление народа к сохранению и приумножению культурных традиций; разработка и финансирование международными институтами ряда программ возрождения культуры крымских татар; помощь различных диаспор за пределами Крыма, а также правительственных и общественных организаций; подготовка профессиональных художников-мастеров в высших учебных и профессиональных учреждениях; открытие и функционирование в Крыму ряда культурно-этнографических центров; самоорганизация крымскотатарского народа, проявившаяся в деле возрождения ремесел, в дальнейшем развитии национальных традиций, в готовности к культурным инновациям.

Современное развитие крымскотатарского декоративного искусства связано не только с наследием, но и с новаторством, которое находится на пересечении социокультурных влияний Запада и Востока и проявляется в активном поиске своеобразного современного «крымского стиля».

Ключевые слова: *традиции, крымскотатарский, символика, декоративное искусство, тенденции развития.*

Крым богат ценнейшим культурным наследием. Активные этнокультурные наслоения, как внешние, так и внутренние, явились одной из характерных черт исторического развития проживавших здесь народов. Симбиоз культурных составляющих издревле был обусловлен полиэтничностью региона, дружественными взаимоотношениями и религиозной толерантностью народов, населявших полуостров.

На протяжении ряда эпох сложная эволюция созидательных принципов и этнокультурных традиций, имеющих в своей основе древнейшие пласты истории культуры, находит отражение и в искусстве крымских татар. Культура крымских татар, как одна из существенных составляющих богатого культурного наследия народов Крыма, в настоящее время играет значительную роль в возрождении

духовности. Интерес к ней и ее изучение, с одной стороны, инициированы как ростом культурного самосознания, так и процессами интеграции в мировое сообщество, стремлением к диалогу с различными странами мира в политической, экономической и культурной областях жизни. С другой стороны, эта тема уже давно вызревает в недрах культурологической науки, требует дальнейшей разработки методов исследования, тщательной систематизации имеющихся данных.

Отмечая самобытность народного искусства крымских татар, многие ученые, общественные и культурные деятели еще в конце XIX – начале XX вв. говорили о необходимости сохранения, развития материальной и художественной культуры народа. В этой области делалось немало в последнее двадцатилетие. Однако возможность всестороннего исследования и объективного анализа культуры крымских татар появилась совсем недавно.

Развитие культуры в современном обществе – достаточно сложный процесс. С одной стороны, налицо тенденция всеобщей глобализации, которая охватывает своим влиянием весь цивилизованный мир, угрожая нивелировать национальные культуры, усреднить или вовсе заменить их новой эрзац-культурой, псевдо-, по- или антикультурой. С другой стороны, в мире растет тенденция к сохранению и приумножению национальных культурных ценностей, к укреплению самосознания каждого народа, обеспечению расцвета его культуры, к возрождению истоков народного искусства и его развитию.

Противодействие этих двух тенденций нередко принимает драматический характер. В этих условиях крайне трудно защитить историческое наследие каждого народа, донести до сознания современников те самобытные культурные ценности, что откладывались в его национальных традициях, чувствах, образе жизни, эстетических вкусах.

Традиции, сопровождающие человечество на протяжении всей его истории, являются базовой частью культуры, отражающей систему ценностей и социальных норм общества. Общество развивается благодаря традициям, существующим во всех формах духовной культуры, в том числе и в искусстве. «Любая традиция – это бывшая инновация, и любая инновация – в потенциале будущая традиция» [1, с. 173]. В связи с этим одной из важнейших проблем является наличие ресурса самосохранения, на основе которого происходит дальнейшее развитие культуры народа. Но прежде чем говорить о дальнейшем развитии, необходимо напомнить об актуальности процесса возрождения крымскотатарской национальной культуры, развитие которой было прервано на многие годы депортацией народа в 1944 г. Процесс этот важен в нескольких аспектах: как для проблемы самоидентификации народа в этнокультурном пространстве полиэтничного и поликонфессионального Крыма, так и для формирования толерантности, готовности к диалогу, поддержанию в регионе мирного соседства.

Обращение к культурному наследию как источнику культурной динамики означает его переоценку и использование в новых условиях всей совокупности культурных достижений данного общества и его исторического опыта. Развитие самобытных видов декоративно-прикладного искусства – уверенные шаги к

восстановлению преемственности поколений, культурного наследия народа, постижения духовных источников, этнокультурной памяти и традиций.

Дальнейшее развитие крымскотатарского народа органично связано с возрождением и эволюцией его культуры. Это поможет молодому поколению постигать духовные источники своего народа, сберегать этнокультурную память, традиции. Это сложный процесс обогащения духовного опыта крымскотатарского народа, содержанием которого является воспроизводство и передача от поколения к поколению ценностных смыслов явлений, норм, идеалов, отношений и действий. В. М. Шейко рассматривает этническое возрождение как одну из основных особенностей развития человечества второй половины XX–XXI вв. Исследователь определяет, что повсеместный интерес к своим корням у отдельных людей и целых народов проявляется в самых разнообразных формах: от попыток реанимации старинных обычаев и обрядов, фольклоризации профессиональной культуры, поисков «загадочной народной души» до стремления создать или восстановить свою национальную государственность [2]. В контексте сказанного возрождение и дальнейшая эволюция крымскотатарской культуры в целом и декоративного искусства в частности актуальны не только сами по себе, но прежде всего с точки зрения развития полнокровной жизни крымских татар.

Во время нахождения Крыма в составе Украины была проделана определенная работа по возрождению культурного наследия, и в частности декоративного искусства крымских татар. Этому способствовал ряд факторов.

Прежде всего, это стремление крымскотатарского народа к сохранению и приумножению традиций духовной культуры своего этноса, желание образованных талантливых мастеров и мастериц сохранить традиции национального искусства.

Ряд народных умельцев с энтузиазмом направил свою деятельность на передачу творческого опыта молодому поколению, а также на создание современных изделий декоративного искусства. В г. Бахчисарае старейшим ювелиром Айдером Асановым была организована ювелирная мастерская, в которой он начал обучать молодежь национальному мастерству крымскотатарской филигрании. С целью возрождения и пропаганды ценностей традиционных народных ремесел художник и меценат Мамут Чурлу создает творческое объединение «Чатыр-Даг» и воплощает в жизнь проект «Крымский стиль». Объединение и проект позволили раскрыть молодым художникам-прикладникам широкие горизонты творчества, познакомить не только крымчан, а и всю Украину с уникальным самобытным крымскотатарским искусством.

Усилиями любителей-коллекционеров открываются частные музеи татарской народной культуры. Так, в Старом Крыму Февзие Куртнебиева собирает предметы быта крымских татар и коллекцию керамики XIX–XX вв. Сегодня эти коллекции экспонируются в различных крымских музеях. А Эльвира Акимовна Бариева в 1999 году в старом крымскотатарском доме открывает успешно функционирующий и сегодня частный этнографический музей, в котором представлены различные предметы декоративно-прикладного искусства, воссозданы интерьеры жилой комнаты и комнаты невесты, а также экспонируются картины крымскотатарского художника Нури Якубова.

В Симферополе создается музей крымскотатарского искусства, коллекции которого пополнились за счет предметов народного искусства, сохраненные людьми в годы депортации. Сюда же были переданы в дар коллекции крымскотатарских поясов, различных украшений, тканых и вышитых изделий, собранные и сохраненные в годы депортации А. Неметуллаевым, Ш. Консул, А. Умеровым и его женой Х. Доброй [3].

Инициаторами разработки ряда программ возрождения культуры крымских татар выступили различные международные институты, которые осуществили материально-финансовую помощь и моральную поддержку. Фонды крымскотатарского музея искусств были пополнены благодаря Фонду «Возрождение», организовавшему экспедиции по сбору предметов декоративно-прикладного искусства крымских татар в Турции, Румынии, Узбекистане [4].

Большую помощь в деле возрождения декоративного искусства крымских татар оказали крымскотатарские диаспоры Турции, Румынии, Германии, Голландии, Австрии, США, а также правительственные и общественные организации Турции и Украины. В Республиканский крымскотатарский музей искусств в 1996 г. поступила коллекция предметов ювелирного искусства и орнаментального шитья Г. Закирьяевой, выкупленная Фондом «Крым». Коллекцию составили предметы, собранные у депортированных южнобережных и горных татар Крыма, переехавших в Краснодарский край с Урала [3]. В 2009 г. Венский этнографический музей безвозмездно возвратил в Бахчисарайский историко-культурный заповедник этнографическую коллекцию, вывезенную немцами из Крыма во время оккупации 1944 года [5].

Фонды музеев Крыма и в настоящее время продолжают пополняться предметами искусства из частных коллекций. Так, например, в октябре 2012 года коллекционер из Людвигсбурга (Германия) Тито Херре передал Бахчисарайскому дворцу двадцать девять предметов времен Крымского ханства, датированных семнадцатым-восемнадцатым веками – карты и гравюры. А в марте 2013 г. – 41 экспонат (медную, бронзовую посуду и другие предметы исламского искусства).

В подготовке кадров для мастерских и предприятий, связанных с изготовлением изделий декоративного искусства, существенная роль принадлежит просвещению и профессиональному образованию. Решение этой проблемы взял на себя Крымский инженерно-педагогический университет, созданный в 1995 г. В его стенах готовят профессионалов-художников, мастеров декоративно-прикладного искусства, а профессорско-преподавательский состав проводит научные исследования в области крымскотатарского искусства.

Значительный вклад в процесс возрождения крымскотатарского народного искусства внесли функционирующие в Крыму культурно-этнографические центры: в Бахчисарайском районе (центр «Коккоз» в с. Соколиное, центр «Богатое Ущелье» в с. Богатое), Евпатории (центры «Текие дервиш», «Одун-базар кьапусы»), в Белогорске (центр «Карасубазар»), в Алуште, Судаке (центр «В гостях у Айше-абла»).

Культурно-этнографические центры определяют следующие основные задачи своей деятельности:

– возрождение и популяризацию культуры крымских татар в области традиционных ремесел, путем привлечения и создания условий для творчества мастеров, а также передачи опыта молодому поколению;

– демонстрацию старинной и изготовление современной этнокультурной продукции декоративно-прикладного искусства, внедрение ее в туристическую отрасль;

– изучение и пропаганду мусульманской крымскотатарской культуры и, в частности, декоративного искусства [6].

Вместе с тем, важная роль принадлежит самоорганизации молодого поколения крымских татар в деле возрождения ремесел, дальнейшего развития национальных традиций, введения культурных инноваций.

Накопленные в предыдущие эпохи образцы материальных и духовных ценностей являются источником преемственности, на основе которой происходит возрождение и становление культуры народа. Культурные ценности и образцы народного искусства прошлых веков дают импульс для творчества современных мастеров. Сохранение и обращение к традициям в современном мире обусловлено в первую очередь общими процессами глобализации, размывающими этнические культуры. Актуализируются вопросы сохранения многообразия культур, поддержки «динамического равновесия» между миром традиционных и современных культур. В этих условиях национальные традиции обеспечивают безопасность собственной этнокультуры от разрушающего проникновения элементов псевдокультуры, способствуют сохранению социальной памяти этноса.

В повседневной жизни современная культура крымских татар развивается в русле общемировых процессов, среди которых доминирует процесс глобализации. Одной из важнейших традиций в сфере современного крымскотатарского искусства является утверждение свободы творчества, выражающегося в индивидуальности авторского стиля, богатстве жанровой тематики. Вместе с тем наблюдаются присущие работам всех крымских мастеров общие тенденции: широкое использование традиционной орнаментики, ее символики, предпочтения в использовании цветовой палитры.

В процессе возрождения национального искусства молодым художникам, с целью выявления своего творческого потенциала, понадобилось определенное количество времени для знакомства с прошлым наследием, для восстановления этнической памяти и традиций предков.

Первая выставка современного крымскотатарского декоративно-прикладного искусства, открывшаяся в 2005 г. [7], положила начало регулярным выставкам «Крымского стиля», получившим широкое признание как в Крыму, так и в Украине. Благодаря этим выставкам было раскрыто творчество многих крымскотатарских художников-мастеров, стало возможным судить о новых традициях и направлениях в современном крымскотатарском декоративном искусстве. Новаторство стало основным посылом в возрождении крымскотатарского декоративного искусства, а источником новаций – творчество молодых художников. На протяжении последних пятнадцати лет на основе древних традиций крымскотатарской культуры идет активный поиск своеобразного современного «крымского стиля», выражающегося

через интерпретацию и стилизацию этнических мотивов в декоративно-прикладном искусстве и современном костюме.

Современное декоративное искусство крымского стиля развивается на основе традиционных элементов, испытывая влияние славянской и узбекской культур. Это объясняется длительным проживанием крымскотатарского этноса на территории Узбекистана, а затем в Украине.

Тенденции развития крымского стиля сводятся в основном к использованию и стилизации этнических орнаментальных мотивов, авторской интерпретации их семантики, трансформации в сторону увеличения традиционных орнаментальных элементов, усилению колорита изделий, использованию новых технологий и приемов, разнообразию назначения артефактов. Получили большое распространение изделия из керамики (декоративные блюда, керамические панно, различные бытовые сосуды, сервизы), вышивки (сумочки, чехлы различного назначения, подарочные головные уборы, чехлы для Корана, небольшие картины в раме и т.п.), декоративные панно интерьерного назначения, выполненные в смешанной технике вышивки и аппликации. Используя исторический и культурный опыт народных традиций, молодые художники-дизайнеры возрождают самобытность и неповторимую красоту национальных костюмов, создают высокохудожественные выставочные образцы и современные модели в этническом стиле. Вышивка, роспись, ювелирные украшения в виде стилизованных традиционных крымскотатарских мотивов становятся неотъемлемой частью этнического костюма, как современного повседневного, так и костюма для свадеб и различных торжеств.

Анализ выставок «Крымский стиль» (2005–2013 гг.) показал, что современные художники широко используют в своих работах такие традиционные орнаментальные мотивы как древо жизни, эгри-дал (Изогнутая ветка), изображения дюрбе, райского сада, различные цветочные мотивы, стилизуя их начертание и по-своему интерпретируя семантику.

Крымскотатарский орнамент имеет свою знаковую систему и символику, связанную с обычаями, религией, культурными традициями. Так, например, мотив древа считается своеобразным родовым гербом – амулетом, знаком мира и цельности, счастья и процветания семьи [8, с. 249]. Этот мотив стал излюбленным в декоративных панно, выполненных в смешанной технике аппликации и вышивки, на керамических тарелках, в вышивке современной сувенирной и подарочной продукции. В работах художников прослеживается стилизация традиционного мотива, его трансформация в цветущий куст, в основе которого лежит гиперболизированное изображение тюльпана, кипариса, плода граната. При этом наблюдается усиление звучания цветовых контрастов [9; 10; 11].

Тема райского сада в традиционном крымскотатарском искусстве была широко развита в вышивке. Райский сад – место бесконечного цветения, вечной гармонии и совершенства, к которому стремятся и которое заслуживают души людей, проживших праведную жизнь. На вышивках XVIII в. Рай изображался в виде «горы или пещеры с куполом на берегу р. Мухит» в окружении невиданных растений, расположенных на корабле, плывущему по морю [8, с. 259]. Современные художники на декоративных панно и керамических тарелках изображают Рай в образе древних

городов Крыма, расположенных под сенью плодоносящего дерева. Город представлен разноцветными минаретами, цветущими деревьями, кустами и птицами, многочисленными звездами и полумесяцами на небе – исламскими символами вечности, высоких стремлений, идеалов. Крымский полуостров с его богатой природой, архитектурными памятниками, благоприятным климатом – это и есть Рай, земля предков. Образ Рая в виде бесконечного множества вариаций цветочных мотивов на сувенирной и подарочной продукции изображают современные мастерицы золотого шитья из Бахчисарая, Белогорска и Симферополя. Изучив и восстановив традиционные крымскотатарские швы, они комбинируют их с жемчугом, блестками и особенно бисером, добавляя новые приемы. Так понимают символа Рая молодые художники, для которых религия сегодня не имеет первостепенного значения [12; 10; 13].

В современном искусстве находит отражение арабская каллиграфия, получившая распространение в Крыму еще в Дозолотоордынский период. На художественных изделиях керамики, вышивки, резьбы по дереву, в гравировке по металлу, а также в дизайне полиграфической продукции она чаще всего выполняет декоративную и реже – смысловую функцию. Получили применение панно, где орнаментальные композиции объединены с каллиграфической надписью (именем Аллаха, молитвой, выдержкой из Корана). Такие работы предназначены для украшения современного интерьера в этническом стиле, они подчеркивают национальный колорит и нередко выполняют функции оберегов.

Анализ показал, что глобализационные процессы повлияли в работах молодых художников на изменение трактовки мотивов и на появление новых образов. Так, на керамических тарелках присутствуют изображения дюрбе с нехарактерными для Крыма голубыми куполами, коней, словно сошедших с восточных миниатюр, «ангелов» в виде стилизованных мотивов птиц и других символов христианского мира. В отличие от традиционного мягкого и пастельного колорита, в таких работах появляются яркость, звучность красок, усиление контрастов. Традиционные техники и материалы комбинируются с привнесенными извне. Например, в вышивках встречаются приемы и швы узбекских сюзане, в керамике – полихромия. Изменяется и масштабность изделий в связи с их назначением – показательно появление вышитых и комбинированных панно для жилого интерьера [13].

Таким образом, этнокультурные традиции, прерванные на длительные годы, возродились и приобрели новый поворот в своем развитии. Формирование национальной культуры в современном крымскотатарском обществе находится на пересечении социокультурных влияний Запада и Востока и ведет к симбиозу традиционного и нового. При этом этнокультурные традиции остаются доминирующими, определяющими духовный облик этноса, а новации способствуют дальнейшему развитию этнической культуры. Благодаря подвижническому труду ярких самобытных художников по прошествии десятилетий мир убедился: никакие депортации не в состоянии уничтожить сокровенные созидательные знания, деяния искусных рук, взлелеянные веками на крымской земле. Создаваемые сегодня руками крымских мастеров цветные килимы, разноцветные и золотые вышивки, расписная керамика, ювелирные украшения источают тепло крымского солнца, блистание гор,

красоту природы, неповторимый колорит, самобытность крымского полуострова. Поэтому сохранение и продолжение этого бесценного наследия – один из путей, ведущих к согласию, взаимопониманию между народами, взаимообогащению культур, решению многих вопросов, остро стоящих на сегодняшний день.

Список литературы

1. Парфьонова О. І. Традиції в моральній культурі українського народу (друга половина XIX– XX ст.) [дис. канд. іст. наук: спец. 17.00.01 «Теорія і історія культури»] / О. І. Парфьонова. – К., 2004. – С. 173.
2. Шейко В. М. Культура. Цивілізація. Глобалізація (кінець XIX — початок XXІст.) [монографія] / В. М. Шейко. – Харків: Основа, 2001. – Т. 2. – 400 с.
3. Qırım tatar dekorativ-ameli sanatı (XIX–XX asır). – Simferopol: SONAT, 2001.
4. Акчурина-Муфтієва Н. М. Мистецтво кримських татар в музеях України / Н. М. Акчурина-Муфтієва // XI Могилянські читання 2006. – Київ, 2006. – С. 5-11.
5. Абдураманова С. Н., Акчурина-Муфтієва Н. М. Коллекция женских головных покрывал в фондах Бахчисарайского историко-культурного заповедника / С. Н. Абдураманова, Н. М. Акчурина-Муфтієва // Материалы II Бахчисарайских научных чтений памяти И. Гаспринского «Исмаил Гаспринский и мусульманский мир России»: (Бахчисарай, 23-25 сентября 2014 г.). – Бахчисарай, 2014. – Вып. 1. – С. 17-22.
6. Вейсова В. Е. Відродження духовної культури кримських татар (на прикладі театрального і декоративно-прикладного мистецтва 1990–2010 рр.) [автореф. дисс. ... канд. культурології: 26.00.01] / В. Е. Вейсова. – Сімферополь, 2011.
7. Материалы выставки “Крымский стиль” / Выставочный зал НСХ. Сімферополь, 2005.
8. Акчурина-Муфтієва Н. М. декоративно-прикладное искусство крымских татар XV – первой половины XX вв. / Н. М. Акчурина-Муфтієва. – Сімферополь: ОАО СГТ, 2008. – С. 249.
9. Персональная выставка М. Чурлу / Выставочный зал НСХ Украины. – Сімферополь, 2011.
10. Материалы выставки “Крымский стиль” творческого объединения “Чатыр-Даг” / Художественный музей им. Крошицкого. Севастополь, 2008.
11. Материалы выставки “Крымский стиль” / Выставочный зал НСХ Украины. Сімферополь, 2009.
12. Материалы выставки-конкурса, посвященного 150-летию П. Я. Чепуриной / Выставочный зал Этнографического музея. Сімферополь, 2007.
13. Материалы выставки “Крымский стиль” / Выставочный зал НСХ Украины. Сімферополь, 2010.

Akchurina-Muftieva N. M. The Continuity of Traditions // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 2. – P. 39–47.

The article is devoted to topical issues. Nowadays we can trace the splash tendency to revival and usage of Crimean Tatar national symbols among the young artists of Crimean decorative arts. During the last ten years we can observe the search of original Crimean style being realized by means of interpretation and stylization of ethnic motives in ceramics, embroidery, appliqué work and painting on cloth and modern dress. The fact that a great number of very interesting creative works appeared lately is connected with publication of scientific investigations of forgotten Crimean Tatar arts. In a whole, contemporary art is a reflection of Arabic calligraphy that was extended in Crimea.

In works of young artists usage of ethnic symbols, taking into consideration modern points of view on life and mutual influence of cultures, goes on with considerable interpretation of its meaning, contextual meaning and its placing on goods. Influence of Uzbek and Ukrainian cultures is quite evident there. It reveals itself in usage of new, despite of traditional techniques of embroidery, ceramics, textile panel. In figurative decision of motives one can trace notes of Middle Asian style. New interpretation of motives appears being influenced by Ukrainian culture. In the art products, such as ceramics, embroidery, wood carving, engraving in metal, as well as in the design of printed products is most often serves a decorative and, at least, semantic

function. Have obtained an application decorative panel, which ornamental compositions combined with calligraphic inscription. Such works are used for decoration of modern interiors in ethnic style, also emphasize the national flavor and often perform the function of warding.

Keywords: traditions, Crimean Tatar, symbols, decorative art and trends.

References

1. Parfonova O. I. Tradicii v moral'nij kul'turi ukrains'kogo narodu (druga polovina XIX–XX st.) [dis. kand. ist. nauk: spec. 17.00.01 «Teoriya i istoriya kul'turi»] / O. I. Parfonova. – K., 2004. – S. 173.
2. Shejko V. M. Kul'tura. Civilizaciya. Globalizaciya (kinec' XIX — pochatok XXst.) [monografiya] / V. M. Shejko. – Harkiv: Osnova, 2001. – T. 2. – 400 s.
3. Qirimtatar dekorativ-ameli sanati (XIX–XX asir). – Simferopol: SONAT, 2001.
4. Akchurina-Muftieva N. M. Mistectvo krims'kih tatar v muzeyah Ukraïni / N. M. Akchurina-Muftieva // HI Mogilyans'ki chitannya 2006. – Kiïv, 2006. – S. 5-11.
5. Abduramanova S. N., Akchurina-Muftieva N. M. Kollekcija zhenskih golovnyh pokryval v fondah Bahchisarajskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika / S. N. Abduramanova, N. M. Akchurina-Muftieva // Materialy II Bahchisarajskih nauchnyh chtenij pamyati I. Gasprinskogo «Ismail Gasprinskij i musul'manskij mir Rossii»: (Bahchisaraj, 23-25 sentyabrya 2014 g.). – Bahchisaraj, 2014. – Vyp. 1. – S. 17-22.
6. Vejsova V. E. Vidrozhennya duhovnoï kul'turi krims'kih tatar (na prikladi teatral'nogo i dekorativno-prikladnogo mistectva 1990–2010 rr.) [avtoref. diss. ... kand. kul'turologii: 26.00.01] / V. E. Vejsova. – Simferopol', 2011.
7. Materialy vystavki “Krymskij stil” / Vystavochnyj zal NSKH. Simferopol', 2005.
8. Akchurina-Muftieva N. M. dekorativno-prikladnoe iskusstvo krymskih tatar XV – pervoj poloviny XX vv. / N. M. Akchurina-Muftieva. – Simferopol': OAO SGT, 2008. – S. 249.
9. Personal'naya vystavka M. Churlu / Vystavochnyj zal NSKH Ukrainy. – Simferopol', 2011.
10. Materialy vystavki “Krymskij stil” tvorcheskogo ob"edineniya “Chatyr-Dag” / Hudozhestvennyj muzej im. Kroshickogo. Sevastopol', 2008.
11. Materialy vystavki “Krymskij stil” / Vystavochnyj zal NSKH Ukrainy. Simferopol', 2009.
12. Materialy vystavki-konkursu, posvyashchennogo 150-letiyu P. Ya. CHepurinoj / Vystavochnyj zal Etnograficheskogo muzeya. Simferopol', 2007.
13. Materialy vystavki “Krymskij stil” / Vystavochnyj zal NSKH Ukrainy. Simferopol', 2010.

УДК 13.01: 75

СЕМИОЗИС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ИСКУССТВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Ю. Кугушева

В статье рассмотрена проблема порождения значения и интерпретации знака в культуре на примере различных направлений в искусстве. Рассмотрено изменение коннотации образа винограда и виноградника: от одного из знаков культа Диониса в античности образ трансформируется в сакральный символ в раннехристианской традиции. В данном контексте интересны параллели с трактовкой образа виноградника и виноградной лозы в крымской живописи середины XX в.

В творчестве художников феодосийской школы Н. С. Барсамова и С. Г. Мамича христианский символ виноградной лозы переплетается с образом родной земли, сведенным к одному конкретному натюрморту или пейзажу. Через мотив виноградников и виноградной грозди в живописи крымских художников раскрывается тема красоты природы, ее величия и плодородия, познаваемых не через целое, но через малую часть. Таким образом, процесс семиозиса художественного объекта находит свое завершение в восприятии зрителя, который способен придать символу новое толкование.

Ключевые слова: семиозис; мимесис; знак и символ, Ю. М. Лотман, Н. С. Барсамов, С. Г. Мамич.

Постижение смыслов, порожденных знаковой системой в сфере культуры, – одна из первоочередных задач, стоящих перед современными представителями гуманитарных наук. Проблема интерпретации символов и культурных традиций, привычных для предыдущих поколений, становится все более актуальной в свете глобализации и стирания границ между отдельными этносами.

Культурное наследие человечества насчитывает не одну тысячу лет. И сегодня, вглядываясь в тонкую штриховку петроглифов, в причудливые линии рисунков, оставленных на темных стенах пещер, превращенных течением времени в открытые гроты, в монументальную мощь менгиров каменного века, исследователи стремятся понять их назначение, «перевести» на современный нам язык. Но многие тайны так и остаются нераскрытыми, объясненными на уровне догадок, из-за колоссального разрыва в миропонимании между представителями верхнего палеолита и человеком космической эры.

Одна из основных проблем понимания знаковой системы культуры связана с интерпретацией произведений прикладного и изобразительного искусства. Вопрос о прочтении смысла художественного образа всегда волновал исследователей. Попытку философского осмысления основных принципов искусства одним из первых осуществил Аристотель в трактате «Об искусстве поэзии» (более употребительное название «Поэтика»).

В основе всякого искусства философ видел принцип мимесиса, подражания, воспроизведения, вместе с тем уточняя, что искусство изображает не действительно происшедшее, но возможное. [1, с. 14.]. Конечно, в «Поэтике» речь идет, в первую очередь, о литературном творчестве, но и изобразительные искусства упоминаются в его труде упоминания применительно к гармонии, которая лежит в соотношении меры и числа, соразмерности отдельных частей и единого целого.

Исследователь «Поэтики» А. С. Ахманов считает, что мимесис, или художественное подражание Аристотеля «не есть просто воспроизведение существующего образа, а создание нового образа, выражающего общее» [2, с. 31–32].

В данном контексте, по мнению автора, слово «подражание» в концепции Аристотеля должно быть заменено на «созидание», поскольку искусство трагедии или живописи не представляет собой прямого и неискаженного цитирования, но следует художественному замыслу и подчиняется общей фабуле: «... если бы кто без всякого плана употребил в дело лучшие краски, то он не произвел бы на нас такого приятного впечатления, как просто нарисовавший изображение» [1, с. 59].

Само понятие «созидания» здесь применительно в том смысле, что, взяв за основу реальный предмет или событие, художник преобразует их и вкладывает новый смысл в привычные вещи. Так, в трагедии Еврипида «Медея» традиционные обрядовые предметы – диадема и пеплос – в течение одного действия меняют свое предназначение: из свадебного дара, обладающего сакральной функцией преобразования и перехода невесты к новой жизни, они превращаются в дар смерти, знаменующий гибель царевны и ее отца.

В комедии Аристофана «Лягушки» шкура немейского льва, один из неизменных атрибутов Геракла, становится объектом двойной траверсии, фабульного «перевертыша». Сперва в нее облачается Дионис, обозначенный Аристофаном как «бог театра» и переодеваний, чтобы проникнуть в царство теней. Затем, чтобы избежать наказания от рук торговков, которых настоящий Геракл успел обокрасть в преисподней, а равно и угроз привратника Эака, Дионис просит своего раба Ксанфия притвориться его господином и одеться в львиную шкуру. Несмотря на присутствие в сценическом действии самого Геракла, его атрибут живет своей жизнью, становится символом, заменяющим самого героя, и все участники комедии неизменно принимают того, кто облачился в нее и вооружился палицей, за сына Зевса и Алкмены, сколько бы раз ни происходило шуточное переодевание.

В «Истории» Геродота, где правда соединяется с немалой толикой художественной выдумки, приводится немало примеров различного понимания смысла предметов разными людьми и народами. Так, в своеобразном «послании» скифских царей Дарию, состоявшем из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел, персы

усмотрели знак капитуляции, скифы же подразумевали прямую угрозу: «Если вы, персы, как птицы, не улетите в небо, или, как мыши, не зароетесь в землю, или, как лягушки, не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами». Один и тот же набор предметов-символов становится источником различных, диаметрально противоположных толкований.

Приведенные примеры, близкие по времени создания к «Поэтике» Аристотеля, отражают общую тенденцию не столько «подражания», сколько «созидания» как художественного образа, так и смыслов, придаваемых тому или иному предмету и претворяющих его в символ.

По мнению Ю. М. Лотмана, высказанному в его статье «Иконическая риторика», искусство выступает в роли отражения и удвоения реальности; сама его метафорическая природа является «онтологической предпосылкой превращения мира предметов в мир знаков: отраженный образ вещи вырван из естественных для нее практических связей (пространственных, контекстных, целевых и пр.) и поэтому легко может быть включен в моделирующие связи человеческого сознания» [4, с. 83]. В примерах с изображением лица и отпечатком ноги, которые рассматриваются как продолжение и неотъемлемая часть человека, Ю. М. Лотман подводит нас к совершенно особой сфере понимания искусства, где само произведение является не только самостоятельным, автономным явлением, порожденным культурой, но и своеобразным «оттиском» личности своего автора.

Принимая деятельное участие в аристотелевском созидании смыслов нового произведения, автор *volens nolens* руководствуется культурным контекстом, к которому принадлежит сам. История искусства содержит массу примеров символов, спрятанных в тексте наподобие шифра, понятного для всех, – как обстоит дело с упоминаниями афинянина Клеона, символа презираемой изнеженности, имя которого Аристофан не раз использует в комедиях разных лет. Существует немало примеров утраты понимания первоначального смысла, когда живой и полнокровный образ превращается в формальность и приобретает сугубо декоративное значение.

Так, в романском стиле при оформлении капителей колонн часто использовался образ лучника, натянувшего тетиву или изображенного с острыми стрелами в руках, как мы можем это видеть в базилике Сен-Сернен в Тулузе. Этот мотив, хорошо понятный и мастерам-каменщикам, и прихожанам XI в., сегодня практически не привлекает внимания. В эпоху Средневековья, время постоянных войн и великих эпидемий в Старом Свете, этот образ был связан со смертью, наступающей человека так же быстро и неотвратно, как стрела, пущенная из лука.

В подобном ключе может быть рассмотрена и музыкальная цитата, использованная П. И. Чайковским в опере «Пиковая дама». Вернувшись с бала, в полузабытье графиня предается воспоминаниям о молодости, проведенной во Франции, и поет известную арию «*Je crains de lui parler la nuit*» – не что иное, как арию Лоретты, позаимствованную из оперы Андре Грети «Ричард Львиное Сердце». По первоначальному замыслу директора Императорских театров И. А. Всеволожского, действие оперы было перенесено в XVIII век, в эпоху Екатерины II. Но, если отметить время создания арии, молодость, проведенная графиней в Париже в окружении «*le duc d'Orlean, la duc d'Ayen, de Coigni*» и самой

маркизы де Помпадур, должна была прийти на 1780-е годы, непосредственно перед Французской революцией (опера Грети увидела свет в 1784 году). Нельзя не увидеть здесь тонкой иронии анахронизма, характерной для искусства конца XIX столетия: в действительности «сама, сама маркиза Помпадур!» умерла в 1764 году, но с высоты 1890 года создания «Пиковой дамы» прошлый век соединился в причудливый монолит времени и пространства, где екатерининская эпоха смешалась с царствованием Людовика XV, и музыкальная цитата становится его символом.

Не менее интересна в плане утраты значения символа натюрмортная живопись XVII–XVIII вв. Проблема раскрытия тайного смысла предметов *stilleven* подробно представлена Б. Р. Виппером в монументальном труде «Проблема и развитие натюрморта», который прослеживает появление и развитие этого жанра в пластах изобразительного искусства от древнейших цивилизаций до наших дней. Здесь функция предмета переходит от случайного и декоративного значения к символизму и «индивидуализации самих вещей» [3, с. 200]. Широко известна трактовка символов нидерландской живописи на примере портрета четы Арнольфини кисти Яна ван Эйка, предложенная Эрвином Панофским в труде «Ранняя нидерландская живопись», где изображение собачки «читается» как символ домашнего уюта, а привезенные из Италии апельсины – плодovitости [7, р. 202–203]. К XVII столетию количество этих символов настолько преумножилось, что в 1614 г. Румер Висхер был вынужден издать одну из первых и наиболее подробных книг по эмблематике. Но и сегодня, несмотря на обилие подобных словарей символов, скрытый смысл натюрморта привлекает к себе внимание исследователей. Наконец, в изобразительном искусстве XVIII–XIX вв. натюрморт становится своеобразным портретом вещи, подчеркивая ее автономность и самодостаточность как отдельного явления.

Проблема созидания художественного образа в изобразительном искусстве соприкасается с вопросом о его претворении в двухмерной плоскости, о своеобразном «закреплении» символа. Здесь решение сугубо практических задач передачи объема, фактуры и цвета соединяется с внутренней борьбой стихий «воздвигания и ограничения», как характеризует их К. С. Петров-Водкин в труде «Пространство Эвклида». Художник описывает становление предмета и окружающего его пространства в контексте давления атмосферы и внутреннего сопротивления, «воздвигания» массы, придавая самому факту появления объекта в искусстве значение космической борьбы первостихий, фона и предмета, который стремится «расширяться безгранично» [см.: 5, с. 487]. Это противостояние формирует внутреннюю структуру пространства художественного произведения и оказывает прямое влияние на решение композиции. Изображая действительность, художник способен преобразовать ее и в качестве демиурга сотворенной реальности внести в нее дополнительный смысл, оперируя формой, пространственными линиями, цветом и конечным образом как послушными инструментами. Художественное пространство несет на себе отпечаток личности автора и в то же время оно неотделимо от текста породившей его культуры. Напротив, отдельный предмет-символ, включенный в это пространство, может быть перенесен в иной контекст и получить новое толкование.

Так, образ винограда и виноградника, распространённый в культурах Средиземноморья как декоративный элемент, связанный с культом Диониса, в раннехристианской символике приобретает сакральное значение и связывается с изречением Христа: «Аз есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает, и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (Ин. 15, 1–2). В дальнейшем развитии символа виноградная лоза и виноградник связываются с самой фигурой Христа, а вино, соответственно, и с кровью Христовой и с обрядом святого причастия.

В данном контексте интересны параллели с трактовкой образа виноградника и виноградной лозы в крымской живописи середины XX в. Беглого взгляда на серию натюрмортов известного феодосийского художника Н. С. Барсамова (1892–1976) достаточно, чтобы отметить, что виноградная гроздь становится одним из излюбленных мотивов в его живописи. Настоящей одой крымским виноградникам стал натюрморт «Дары Крымской земли» (1973). Старый глиняный кувшин, потертый и матовый, выгодно подчеркивает блеск едва срезанных с лозы бордово-синих гроздей винограда на приглушенном горчичном фоне. Мягкий каскад желто-зеленых листьев оттеняет рубиновый цвет вина в фужере. Игра с фактурами, влажность ягод и блеск прозрачного фужера позволяют ощутить материальность – если не сказать «телесность» – каждого предмета.

Плотная, корпусная живопись, тем не менее, не отвлекает зрителя от внутреннего содержания натюрморта, прославляющего плодородие Восточного Крыма. Здесь виноград приобретает дополнительное значение, становится символом родной земли. В отличие от К. Ф. Богаевского, воспевшего хтоническую мощь крымской природы в монументальных пейзажах, Барсамов рассказывает о красоте и величии земли через плоды, ею порожденные. Здесь мы вновь возвращаемся к мысли, высказанной Ю. М. Лотманом в статье «Иконическая риторика», о том, что «отраженный образ... легко может быть включен в моделирующие связи человеческого сознания», он включается в семиотические связи через отождествление части и целого [4, с. 83].

В подобном контексте может быть нами рассмотрена и работа ученика Н. С. Барсамова, представителя младшего поколения Киммерийской школы живописи С. Г. Мамчича (1924–1974) «Красный виноградник» (1966), отчасти перекликающаяся с «Красными виноградниками в Арле» Винсента Ван Гога. В зыбком ночном свете передано движение оранжево-красных листьев виноградника, словно тронутых дыханием ветра. Внутренняя динамика композиции подчеркивается плавными, текучими очертаниями теней, лежащих на посеребренную лунной каменистую почву. Христианский символ виноградной лозы переплетается с образом родной земли, воплощенным в одном конкретном пейзаже. Через мотив виноградников и виноградной грозди в живописи крымских художников метонимически раскрывается тематика красоты природы, ее величия и плодородия, познаваемых не через целое, но через малую часть.

Современный исследователь эпистолярного наследия Винсента Ван Гога Патрик Грант видит основную цель упрощения формы и выделения колорита в живописи в извлечении «сущности» предмета, которая служит своеобразным «зеркалом» опасений и чаяний своего зрителя: «The aim of simplifying and exaggerating is to reveal

what Van Gogh, writing from The Hague, calls the "essence" (336/2:322) of a thing – the place where, in its depths, a thing responds to and mirrors the human concerns and experience of the observer» [6, p. 148]. Зерно значения художественного образа находит свое развитие и завершение в самом зрителе, «читающем» предложенный ему текст и трактующем его в зависимости от своей эпохи и культуры.

Выводы

Одна из основных проблем понимания знаковой системы культуры связана с интерпретацией произведений прикладного и изобразительного искусства. Вопрос «подражания» и «созидания» художественного образа, впервые обозначенный в «Поэтике» Аристотеля, связан с метафорической природой искусства, наделяющего объект «второй природы» дополнительным символическим значением. Художественное пространство несет на себе отпечаток личности автора, и в то же время оно неотделимо от текста породившей его культуры. Напротив, отдельный предмет-символ, включенный автором в это пространство, может быть перенесен в иной контекст и наделен новым значением. Процесс семиозиса художественного объекта находит свое завершение в зрителе, который способен придать символу новое толкование. Обозначенные проблемы не могут быть изучены полностью в рамках одной статьи и будут рассмотрены в дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Аристотель. Об искусстве поэзии / Аристотель. – М.: ГИХЛ, 1957. – 184 с.
2. Берестовская Д. С. Очерки философии искусства / Д. С. Берестовская. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 200 с.
3. Виппер Б. Р. Проблема и развитие натюрморты / Б. Р. Виппер. – СПб.: Азбука–классика, 2005. – 350 с.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2014. – 416 с.
5. Петров–Водкин К. С. Пространство Эвклида / К. С. Петров–Водкин // Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. – Л.: Искусство, 1982. – 655 с.
6. Grant P. The letters of Van Gogh: a critical study. (Cultural dialectics) / P. Grant. – AU Press, Athabasca University (December 4, 2014). – 225 p.
7. Panofsky E. Early Netherlandish Painting / E. Panofsky. – Cambridge: Harvard University Press, 1953. – 358 p.

Kugusheva A.Ju. Semiosis of the Artistic Image in the Art // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 2. – P. 48–54.

This article is devoted to the problem of generation of meaning and interpretation of a sign on the example of works of art. The question of interpretation of meaning of an art work had always interested researchers. One of the first attempts to understand the basic principles of art as an "imitation" and "creation" was made by Aristotle in his treatise "The Poetics". The artist «creates» and converts the real object or event and puts a new meaning in familiar things. But every object endowed with a new meaning transforms into a symbol which meaning can change depending on the context. Yuri Lotman points to the fact that the artwork itself is not only independent autonomous phenomenon generated by the culture but also it is a kind of "imprint" of its author's personality. The author takes an active part in the Aristotelian "creation" of new meanings according to the cultural context to which he belongs himself.

At the same time there are many examples of loss of understanding of the symbolic meaning or its transformation to another context and getting a new interpretation. The article takes as an example change of the connotation of the image of grapes and the vineyard from one of the characters of the Dionysus cult in Antiquity to the sacred image in the early Christian tradition. In this context exists an interesting parallel with the interpretation of the image of the vineyard and the grape in the Crimean painting of the mid XX century.

In the creative work of artists of Feodosian school Nickolay Barsamov and Stephan Mamchich the Christian symbol of a grapevine interlaces with the image of the native land reduced to a one particular still-life or landscape. Theme of beauty of the nature its greatness and fertility is revealed through the motif of grape vines in the painting of the Crimean artists, not through the whole but a small part. So the process of semiosis of an art object completes in the viewer which is able to give a new interpretation of a symbol.

Key-words: semiosis; mimesis; sign and symbol, Yuri Lotman, Nickolay Barsamov, Stephan Mamchich.

References

1. Aristotel'. Ob iskusstve poezii / Aristotel'. – M.: GIHL, 1957. – 184 s.
2. Berestovskaya D. S. Ocherki filosofii iskusstva / D. S. Berestovskaya. – Simferopol': IT «ARIAL», 2013. – 200 s.
3. Vipiper B. R. Problema i razvitie natyurmorta / B. R. Vipiper. – SPb.: Azbuka–klassika, 2005. – 350 s.
4. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchih mirov / Yu. M. Lotman. – SPb.: Azbuka, Azbuka–Attikus, 2014. – 416 s.
5. Petrov–Vodkin K. S. Prostranstvo Evklida / K. S. Petrov–Vodkin // Hlynovsk. Prostranstvo Evklida. Samarkandiya. – L.: Iskusstvo, 1982. – 655 s.
6. Grant P. The Letters of Van Gogh: a Critical Study (Cultural Dialectics) / P. Grant. – AU Press, Athabasca University, (December 4, 2014). – 225 p.
7. Panofsky E. Early Netherlandish Painting / E. Panofsky. – Cambridge: Harvard University Press, 1953. – 358 p.

УДК 008:793

ТАНЕЦ КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. Никулина

В статье рассматривается танец как предмет культурологического исследования. Целью статьи является анализ работ искусствоведов, философов культуры и культурологов. Выделяются и описываются характерные особенности основных подходов к толкованию понятия «танец». Основное внимание акцентируется на культурологическом подходе к исследованию танца. Обосновывается мысль о том, что культурологический подход является мало разработанным, но наиболее важным. На основании анализа работ по исследованию танцевальной культуры устанавливается, что данный подход требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: культура, искусствоведческий подход, культурологический подход, танец, танцевальная культура, феномен, форма, явление.

Постановка проблемы в общем виде

Танец во все эпохи являлся частью художественной культуры. Он возник из разнообразных движений и жестов, связанных с трудовыми процессами и эмоциональными впечатлениями человека от окружающего мира. Искусствовед и теоретик танца С. Н. Худеков утверждал: «Танец – первая глава в истории человечества» [17, с. 8]. Танец, танцевальная культура не были изолированы от общекультурных тенденций. Танец всегда находился в динамическом развитии, отбирая и закрепляя в целом взаимосвязь между окружающим миром и обществом, в частности же – события, жизненные ситуации, мысли и чувства, наиболее важные в конкретных условиях определенной исторической эпохи.

Методологической основой нашего исследования стали труды зарубежных и отечественных ученых. Существует значительное количество искусствоведческих работ, но культурологический подход к исследованию танца остаётся мало разработанным. С. Н. Худеков в начале XX века отмечал, что наука часто приходила на помощь и разъясняла всем видам искусства пути и задачи, которым они должны были следовать в своем дальнейшем развитии, особняком стояла только хореография [17]. И хотя в первой половине XX века появилось большое количество серьезных работ, посвященных хореографическому искусству, большинство из них были искусствоведческими. Немногочисленные попытки выйти за рамки искусствоведческого анализа часто встречали непонимание и непризнание. Примером может послужить вышедшая в 1925 г. работа А. Л. Волынского «Книга ликований».

Азбука классического танца» [4], в которой особенности классического танца сопоставлялись с общекультурными категориями. Среди тех, кто не принял этот труд Волынского, был и М. М. Фокин.

В научной литературе проблемы танцевальной культуры рассматривались искусствоведами, философами культуры и культурологами. Среди них философскую направленность имели работы И. А. Герасимова, С. Н. Куракина, Ф. И. Спаршота. Исследованиями истории танца занимались Ю. А. Бахрушин, М. В. Васильева-Рождественская, В. И. Гаевский, К. Я. Голейзовский, Р. В. Захаров, В. М. Красовская, Ф. В. Лопухов, Е. С. Суриц, В. И. Уральская, Л. В. Якобсон и другие. Большинство этих объемных работ носит описательный характер. Исключение составляют «Классический танец: история и современность» Л. Д. Блок и «История танцев всех времен и народов» С. Н. Худекова.

С точки зрения культурологии специфику танца рассматривали М. Ю. Еремина, М. С. Каган, В. В. Ромм, В. И. Уральская. Исследования танца в качестве культурного текста, выраженного в невербальной, знаково-символической форме, вели Ю. М. Лотман, А. Г. Лукина, Р. П. Макарова, М. З. Сивцева и другие.

Цель данной статьи – на основании анализа научной литературы выделить и рассмотреть характерные особенности основных подходов к толкованию понятия «танец». Основное внимание в статье акцентируется на культурологическом подходе к исследованию танца.

Изложение основного материала статьи. Основными подходами к толкованию определения понятия «танец» на современном этапе можно считать эстетико-искусствоведческий и культурологический. Эстетико-искусствоведческий подход используется в области гуманитарного знания, например, в театроведении, хореографии, балетоведении и т. п. Их представители определяют танец только как вид художественного творчества, одну из разновидностей искусства. Такую трактовку искусствоведческого осмысления танца можно встретить и в философской среде. «Танец требует осознанности работы тела в пространстве, скорости его передвижения, высоты и ширины шага, а также осознанной позы и жеста» [11, с. 133]. «Человек – единственное живое существо, которое может выражать свой голос и свое телесное движение в упорядоченной ритмической форме и манере» [19].

К танцу можно применить и высказывание Н. Л. Мусхелишвили «С когнитивной точки зрения коммуникация – это процесс передачи некоего содержания адресату, воспринимающему это содержание в рамках своей когнитивной структуры. Передаваемое содержание кодируется сигналом, из которого адресат может извлечь определенную информацию, опираясь на систему знаний, которыми этот адресат владеет» [12, с. 33].

Довольно пространное определение дает балетмейстер и теоретик танца И. Г. Есаулов: «Хореография (танец) – это одна из невербальных систем духовного освоения мира, его сущностей, систем общения и передачи информации, воспитания и познания, действующая во времени, пространстве, в ритме, темпе, в определенной форме, атмосфере звуков, цвета, света (колорита), красоты» [6, с. 28]. Это

определение довольно абстрактно, так как в нем нет характеристики свойств и качеств танца, а акцент сделан на его дополнительные возможности.

Эстетико-искусствоведческий – это ограниченный, узкий подход, в котором сам танец определяется только сферой специализированной, высокой культуры. В рамках данной трактовки танец выступает как разновидность творчества, требующая соответствующих профессиональных навыков от исполнителя. Для примера можно привести определение, гласящее, что танец – «вид пространственно-временного искусства, художественные образы которого создаются средствами эстетически значимых, ритмически систематизированных движений и поз» [7, с. 21]. По определению А. С. Фомина, танец является «видом творческой деятельности, в которой обязательно используются «па», т. е. ритмические сочетания поз, обладающие функциональным и эстетическим единством... Такой танец преимущественно зрелищный и обычно сочиняемый специалистом-хореографом» [15, с. 229–230]. Данную позицию объясняет большинство определений танца в различных справочниках, словарях, а также печатных и электронных энциклопедиях. Эта позиция акцентируется лишь на эстетическом аспекте и для научного интереса является ограниченной.

В последнее время в науке утверждается более широкий – культурологический подход к танцу. Данный подход связан с повседневной жизнедеятельностью социума. Социокультурная природа танца позволяет ему способствовать более полному пониманию мира культуры. И. А. Герасимова считала, что «по «мудрым движениям» можно судить о проявленности особых аспектов сознания, определяющих специфику когнитивной ситуации в ту или иную конкретно-историческую эпоху» [5, с. 50]. В философской и культурологической научной литературе можно найти и другие трактовки определения понятия «танец». Например, Т. С. Кюрегян в Музыкальной энциклопедии определяет танец как «вид искусства, основанный на выразительности ритмического движения и пластики человеческого тела» [10, с. 423]. Эта трактовка гораздо шире, чем определение, которое дает Большая Советская Энциклопедия – «Танец (польск. *Taniec*, от немецкого *Tanz*), вид искусства, в котором средством создания художественного образа являются движения и положения человеческого тела», [3, т. 25, с. 254–255], а также Театральная Энциклопедия [14, т. 5, с. 50] и энциклопедия «Балет» [2, с. 503–504]. Определение Т. С. Кюрегян в Музыкальной энциклопедии приближено к пониманию самой сути танца, так как делает акцент на ритмичных движениях и пластике человеческого тела, необходимых для развития любых стилей и направлений танца. Близкое по смыслу определение можно найти и в «The New Encyclopedia Britannica»: «Искусство танца – искусство перемещения объекта (тела) ритмичным способом, обычно в музыке, выражать эмоцию или идею содержания, или просто восхищение непосредственно движением» [20, с. 451]. При появлении согласованности движений всех частей человеческого тела, соответствующих ритму данной музыки, и появляется собственно танец (например, танцы на дискотеках и танцплощадках).

С культурологической точки зрения интересно определение танца, которое дает дансолог из Кореи Чой Кьонг Сук: «Тело танцующего человека представляет собой

важный культурный объект и инструмент культуры, который способен познавать и выражать смыслы человеческого существования» [18, с. 22].

В отличие от узкого искусствоведческого подхода, в культурологическом условно можно выделить две группы определений понятия «танец». Одна группа трактует его как особый феномен человеческой культуры и позволяет исследователям танца в своих определениях актуализировать одну из многих его функций или смыслов. «В широком понимании танец – это вид творческой деятельности, предназначенный для игрового воздействия на самого исполнителя или для зрелищного эффекта, достигаемого путем ритмической смены поз и па (жестов), их имитации, служащих образным языком, способным выразить эмоциональное состояние человека» [16, с. 56].

Н. В. Атитанова в определении понятия сделала акцент на коммуникативную функцию танца и его знаковую природу – «танец является специфическим языковым выражением, и результатом знаковой деятельности, и определенным “феноменом”, “текстом”, “культурой”» [1, с. 8].

Другая группа, в результате слишком широкого толкования данного феномена, также не может дать исчерпывающего определения. «Танец есть явление культурологическое, социальное, то есть общественное, историко-общественное или теоретико-общественное» [13, с. 60]. «Танец – явление культуры, которое пронизывает всю жизнь» [13, с. 26]. Такую трактовку определения данного понятия дает В. В. Ромм.

Жюли Шарлотта Ван Кэмп (Julie Charlotte Van Camp) выделила в своей диссертации основные признаки танца: 1 – человеческое движение, выполняемое в определенном стиле или по определенным шаблонам (т.е. формализованно); 2 – включает в себя такие качества как грациозность, элегантность, красота; 3 – исполняется под музыкальный аккомпанемент, или ритмичные звуки; 4 – ставит перед собой цель рассказать истории или выражение чувств, тем, идей, с помощью пантомимы, костюма и прочего. [8, с. 21].

С точки зрения социальной психологии танец можно определить как показатель ценной информации об индивидуальных особенностях человека, о его взаимодействии с внешним миром.

В связи с тем, что танец помогает интеграции человека в социокультурное пространство, выделяют следующие его функции:

- эстетическую – основная задача которой состоит в формировании художественных вкусов, а также в приобщении к искусству и культурному наследию;
- развлекательную – создающую определенный комфорт, позволяющий приятно проводить время, пробуждая интерес к танцу и отвлекая от повседневности;
- воспитательную – формирующую определенные качества, свойства и отношения личности, которые помогают правильно выстроить иерархию ценностей;
- обучающую – способствующую освоению системы знаний, умений, навыков и опыта познавательной и практической деятельности;
- коммуникативную – позволяющую танцу установить полноценное общение, связь внутри коллектива, и способствующую развитию навыков социального взаимодействия.

Коммуникативная функция танца имеет большое значение для социализации личности. О танце как коммуникации впервые заговорила Мэри Уигман (танцовщица, хореограф и преподаватель танцев). В настоящее время эти понятия неразделимы. Еще древние осуществляли посредством танца коммуникацию с богами. Танец можно назвать невербальной формой коммуникации, выявляющей культурное содержание, которое находится за пределами словесного (вербального) способа общения. Язык его зрим и отличен от значимости слова. Стимулирование усвоения богатства культуры, формирования личности является основной задачей социокультурных функций танца.

Этот анализ определений танца показывает, что танец является видом деятельности, способной одновременно охватить и телесную, и духовную стороны существования человека. В своем трактате «О пляске» еще Лукиан утверждал: «...в прочих зрелищах проявляется лишь одна сторона человеческой природы: либо его душевные, либо телесные способности. В пляске же неразрывно связано то и другое: ее действие обнаруживает и ум танцора, и напряженность его телесных упражнений» [9, с. 49–80].

Выводы

Танец – самый древний способ общения, и именно он помогает человеку передавать накопленный веками опыт поведения в природной среде. Танец во все времена имел большое значение в общественной жизни, в гармоничном, эстетическом и физическом развитии человека. Большинство работ, посвященных исследованию танца, затрагивают исторический аспект его становления и развития профессионального уровня. Понимание роли танца в жизни социума является одной из задач в изучении танцевального искусства в широком культурологическом пространстве. Культурологический подход к его изучению позволяет в историческом аспекте рассмотреть формирование и эволюцию танцевальной культуры. Изучение истории танца с культурологической точки зрения, то есть ее взаимодействия с общими культурными и историческими процессами, дает возможность увидеть многие факты в его истории как часть культуры в целом. Применение культурологического подхода обусловлено необходимостью определения места танца в системе культуры и его значения. Культурологический подход к исследованию танца, внедрение в образовательную программу лекционного курса по теории и истории танца позволят повысить эффективность преподавания хореографии, так как дадут возможность более широкого и осмысленного усвоения знаний, в том числе и практических.

Список литературы

1. Атитанова Н. В. Танец как смысловая универсалия: от выразительного движения к «движению» смыслов [автореф. дис. ... канд. культурологии] / Н. В. Атитанова. – Саранск, 2000. – 18 с.
2. Балет: Энциклопедия. – М.: Сов. Энциклопедия, 1981. – 623 с.
3. Большая Советская Энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1972–1978.
4. Волынский А. Книга ликований (1925). Азбука классического танца / А. Волынский. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992. – 297 с.
5. Герасимова И. А. Философское понимание танца / И. А. Герасимова // Вопросы философии, 1998. – № 4. – С. 50–63.

6. Есаулов И. Г. Введение в эстетику классической хореографии. Письма к Ж. Ж. Новерру / И. Г. Есаулов. – Ижевск: Издательский дом «Удмурдский университет», 2005. – 296 с.
7. Королева Э. А. Ранние формы танца / Э. А. Королева. – Кишинев: Штиинца, 1977. – 215 с.
8. Кэмп Д. Философские проблемы танцевальной критики / Д. Кэмп. – М., 1981.
9. Лукиан. Собрание сочинений. В 2 т. [под ред. Б. Л. Богаевского]. – М.–Л.: Academia, 1935. – Т. 2. – 789 с.
10. Музыкальная энциклопедия: в 6 т. Т. 5: Симон Хейлер [под ред. Ю. В. Келдыш]. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1981. – 528 с.
11. Осинцева Н. В. Гносеологическое значение танца / Н. В. Осинцева. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1 (51): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 132–134.
12. Рабинович В. Л. и др. Когнитивная эволюция и творчество / В. Л. Рабинович, Н. Л. Мухелишвили, Ю. А. Шрейдер, Е. Н. Князева / М.: Ин-т философии РАН, 1995. – 225 с.
13. Ромм В. В. Танец и секреты древнейших цивилизаций / В. В. Ромм. – Новосибирск: НГК, 2002. – 456 с.
14. Театральная энциклопедия: В 5 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1961–1967.
15. Фомин А. С. Социокультурные аспекты философии танца / А. С. Фомин // Философия образования. 2007. – № 4 (21). – С. 229–230.
16. Фомин А. С., Фомин Д. А. Осмысление танца в образовательных технологиях / А. С. Фомин, Д. А. Фомин // Современные наукоемкие технологии, 2004. – № 5. – С. 55–58.
17. Худеков С. Н. Всеобщая история танца / С. Н. Худеков. – М.: Эксмо, 2009. – 608 с.
18. Чой Кьонг Сук. Корейская хореография: культурный контекст и опыт феноменологической интерпретации танцевальной практики [автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к.ф.н.]. – СПб., 2010. – 24 с.
19. Quintilianus A. Von der Musik (Übers. v. R. Schäfer) / Quintilianus A. – Berlin, 1937. – P. 248.
20. The New Encyclopedia Britannica: 32 volumes. Volume 22: Knowledge in Depth 15th edition USA: Encyclopedia Britannica Inc., 1995. – 981 p.

Nikulina E. A. Dance as a Subject Cultural Studies // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 2. – P. 55–61.

Dance was always part of the culture, accompanying a person in different eras. Its value as a form of communication capable of solving the problem of communication, it is difficult to overestimate. In this regard, the study of dance, with the culturological point of view, it is important and relevant. The article considers dance as a subject of cultural studies, as it is dance, because of its socio-cultural nature, it contributes to a better understanding of the culture of peace.

The aim of the article is the analysis of works of art, philosophy of culture and cultural studies. The methodological basis of this work was scientific literature investigating, in terms of cultural studies, the specificity of the dance. Stand and describes the characteristics of the main approaches to the interpretation of the definition of «dance». A comparison between the aesthetic and art history approach, which is for a limited scientific interest, and the broader cultural studies.

The main attention is focused on the cultural approach to the study of dance. The use of this approach is necessary for determine the value of dance and its place in the culture system. It substantiates the idea that the cultural approach is little developed, but the most important. Most studies involve the historical aspect of the dance formation and professional skills development. Cultural urological approach gives the opportunity to see many of the facts in the history of dance as part of the culture. Based on the analysis of studies on dance culture it is established that this approach requires further research. Implementation of the results of these studies in the educational program will improve the efficiency of teaching choreography.

Key-words: culture, art criticism approach, cultural approach, dance, dance culture, phenomenon, form, appearance.

References

1. Atitanova N. V. *Tanec kak smyslovaya universalija: ot vyrazitel'nogo dvizheniya k «dvizheniyu» smyslov* [avtoref. dis. ... kand. kul'turologii] / N. V. Atitanova. – Saransk, 2000. – 18 s.
2. *Balet: Enciklopediya*. – M.: Sov. Enciklopediya, 1981. – 623 s.
3. *Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya: V 30 t. 3-e izd.* – M.: Sov. Enciklopediya, 1972–1978.
4. Volynskij A. *Kniga likovaniy (1925). Azbuka klassicheskogo tanca* / A. Volynskij. – M.: Artist. Rezhisser. Teatr, 1992. – 297 s.
5. Gerasimova I. A. *Filosofskoe ponimanie tanca* / I. A. Gerasimova // *Voprosy filosofii*, 1998. – № 4. – S. 50–63.
6. Esaulov I. G. *Vvedenie v ehstetiku klassicheskoy horeografii. Pis'ma k Zh. Zh. Noverru* / I. G. Esaulov. – Izhevsk: Izdatel'skij dom «Udmurtskij universitet», 2005. – 296 s.
7. Koroleva E. A. *Rannie formy tanca* / E. A. Koroleva. – Kishinev: Shtiinca, 1977. – 215 s.
8. Kehmp D. *Filosofskie problemy tanceval'noj kritiki* / D. Kehmp. – M., 1981.
9. Lukian. *Sobranie sochinenij. V 2 t.* [pod red. B. L. Bogaevskogo]. – M.-L.: Academia, 1935. – T. 2. – 789 s.
10. *Muzykal'naya ehnciklopediya: v 6 t. T. 5: Simon Hejler* [pod red. Yu. V. Keldysh]. – M.: Izdatel'stvo «Sovetskaya ehnciklopediya», 1981. – 528 s.
11. Osinceva N. V. *Gnoseologicheskoe znachenie tanca* / N. V. Osinceva. – Tambov: Gramota, 2015. – № 1 (51): v 2-h ch. – Ch. I. – C. 132–134.
12. Rabinovich V. L. i dr. *Kognitivnaya ehvolyuciya i tvorchestvo* / V. L. Rabinovich, N. L. Muskhelishvili, Yu. A. Shrejder, E. N. Knyazeva / M.: In-t filosofii RAN, 1995. – 225 s.
13. Romm V. V. *Tanec i sekrety drevnejshih civilizacij* / V. V. Romm. – Novosibirsk: NGK, 2002. – 456 s.
14. *Teatral'naya ehnciklopediya: V 5 t.* – M.: Sov. enciklopediya, 1961–1967.
15. Fomin A. S. *Sociokul'turnye aspekty filosofii tanca* / A. S. Fomin // *Filosofiya obrazovaniya*. 2007. – № 4 (21). – S. 229–230.
16. Fomin A. S., Fomin D. A. *Osmyslenie tanca v obrazovatel'nyh tekhnologiyah* / A. S. Fomin, D. A. Fomin // *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 2004. – № 5. – S. 55–58.
17. Hudekov S. N. *Vseobshchaya istoriya tanca* / S. N. Hudekov. – M.: Ehksmo, 2009. – 608 s.
18. Choj K'jung Suk. *Korejskaya horeografiya: kul'turnyj kontekst i opyt fenomenologicheskoy interpretacii tanceval'noj praktiki* [avtoreferat diss. na soisk. uch. st. k.f.n.]. – SPb., 2010. – 24 s.
19. Quintilianus A. *Of Music* (translated by R. Schäfer). – Berlin, 1937. – p. 248.
20. *The New Encyclopedia Britannica: 32 volumes.* – Volume 22: *Knowledge in Depth* 15th edition USA: Encyclopedia Britannica Inc., 1995. – 981 p.

УДК 008: 168.522

МУЗЫКАЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СИНТЕЗА ИСКУССТВ

А. П. Петренко

В данном исследовании поставлена проблема гармонического взаимодействия архитектуры и музыки в контексте синтеза искусств и обосновывается необходимость исследования этого феномена в условиях развития современных городов. Рассматривается представление об архитектуре как «застывшей музыке» в трудах различных мыслителей. Анализируется городское пространство как объединяющая система языка — символов и знаков. В данном исследовании осуществляется попытка выяснить, какие законы архитектоники городских сооружений совпадают с законами создания музыкальных произведений. Анализируются примеры «музыкальности» архитектуры современных сооружений в пространстве крымских городов.

Ключевые слова: синтез, архитектура, музыка, город.

Городское пространство является единой упорядоченной средой. Распознавание и восприятие этой среды происходит через изучение многогранной формы и содержания ее атрибутов. Единство среды обеспечивает общий для всех составных элементов порядок применения семиотических систем — «языков» архитектуры как вида искусства. В процессе изучения данных феноменов необходимо понимание основных закономерностей формирования облика города и культурных мероприятий, происходящих в нем. Городское пространство является местом функционирования различных тенденций, логических схем, сущность которых находит художественное воплощение в знаковых символических системах. Архитектура насыщает культурные ландшафты города множеством свойств и характеристик, которые в наши дни являются предметом изучения и анализа.

Следует отметить, что условия развития современного города обуславливают необходимость гармонического сочетания в его функционировании различных искусств: монументальных и пластических (архитектура, живопись, скульптура), драматических (театр и кино), музыкального и словесного. С нашей точки зрения, актуальным направлением в изучении своеобразия городского пространства является воплощение синтеза искусств как одного из принципов формирования культурной картины мира. К проблеме синтеза искусств обращаются Д. С. Берестовская, В. Г. Власов, Б. М. Галеев, А. Н. Никифоренко и другие, но обозначенная нами проблема еще не получила достаточного освещения.

Анализ архитектурных сооружений показывает возможность взаимопроникновения музыкального и архитектурного языков, возможность и необходимость исследования этих феноменов в контексте синтеза искусств. В данной работе раскрывается проблема гармоничного взаимодействия архитектуры и музыки в городском пространстве.

Н. А. Прядуха в статье «Музыкальная логика как фактор формирования культурного ландшафта городской площади» раскрывает понятие «музыкальный язык», а «логикой музыки» исследователь называет гармонию [8]. По его определению, музыке присущи симметрия, равновесие, повторения моментов, напряжение, доминанты и акцент. Музыкальный язык допускает самые разнообразные проявления симметрии, в частности, проецируемой из пространственного измерения на временное. Все это присуще и архитектуре. В статье о «Священных песнопениях» И. Стравинского приводится пример подобного взаимопроникновения музыки и архитектуры, где музыкальная форма произведения является не только гимном Святому Марку, но и знаменитому венецианскому собору Святого Марка, где пять частей песнопения соответствуют пяти куполам собора, аркам и порталам. Фасад здания зеркально симметричен соответственно частям музыки. А в музыке отражена не только архитектурная конструкция собора, но и его многовековая история. Архитектура же насыщена различными структурными, музыкально-стилистическими и композиционно-техническими фигурами. В этом случае архитектура собора является «застывшей музыкой», а песнопения — «озвученной архитектурой» [6, с. 291—302].

Теоретическое изучение данного феномена вошло в концепцию искусства немецкого философа Ф. В. Й. Шеллинга, который, опираясь на закономерности математических пропорций, считал, что архитектура — музыка в пространстве. По его словам, архитектура является как бы застывшей в процессе звучания музыкой, и, наполняясь музыкой, оказывается собственно архитектурой, а не просто строением. Архитектура, по мнению Шеллинга, будучи музыкой пластики, включает в себе ритмическую, гармоническую и мелодическую основу [9].

Архитектура так же эмоциональна, стихийна и интуитивна, как и музыка. Шеллинг отмечал, что архитектура — музыка в пространстве, как бы застывшая музыка. Его мнение разделяли и развивали Г. Гегель, А. Шопенгауэр, Й. Геррес. Жермена де Сталь в своем романе «Коринна» писала, что архитектура собора святого Петра в Риме подобна непрерывной и закрепившейся музыке. И. В. Гете, великий немецкий поэт, говорил об архитектуре как онемевшей музыке — «Музыка, застывшая в камне». А изречение А. Г. Мордвинова, Президента Академии архитектуры СССР в 1950—1955 гг.: «Архитектура как музыка в камне, звучащая в веках», — стало крылатой фразой.

Некоторые мыслители пытаются понять, какие законы построения архитектурных сооружений совпадают с законами построения музыкальных произведений и почему, глядя на произведения какого-либо гения архитектуры, мы воспринимаем в глубине души неуловимые впечатления, заставляющие слышать музыку. Проводя аналогии, можно установить не только ассоциативные, но и более глубокие связи, которые порождены синестетическим восприятием искусств.

К вопросу синтеза искусств и синестезии обращается Д. С. Берестовская в статье «Экфрасис и (или?) синтез искусств». Автор уделяет внимание аспектам включения мотивов изобразительного искусства в творчество писателей, способностей «слышать» музыку в живописных образах или «видеть» живопись в музыкальных произведениях [2]. С точки зрения Д. С. Берестовской, психологической основой соотносимости цвета, звука, слова, формы и других ощущений является синестезия, которая не исчерпывается субъективностью человеческого восприятия. Следовательно, данный феномен объясняет и представления о движении в статических произведениях и о звучании музыки в архитектуре.

Исследователь Б. М. Галеев в своей статье «О романтической синестезии» раскрывает идею сопоставления и синтеза музыки и архитектуры, что, по его сообщению, стало вызывать интерес у представителей самих сравниваемых искусств уже с начала XIX века. По наблюдениям автора, такие дискуссии относительно данной аналогии зачастую касаются не самой сути этих двух искусств, а авторства высказывания о них. Но в спровоцированных спорах об авторстве высказывания о синестетической аналогии раскрывается понимание того, что музыка – это архитектура звуков, это пластическое искусство, формирующее вибрации воздуха, архитектура – застывшая музыка во времени [5].

По мнению Ю. Борева, музыка близка архитектуре огромной значимостью в ней ритма и далека от нее из-за высокой степени абстрагирования от художественного материала, входящего в образ [3]. Тем не менее, А. Белый определял монументальные соборы Средневековья как музыку Нового времени Баха, как застывшие фуги [1]. Чешский исследователь синестезии А. Хошек наделяет определенными тональностями соборы Праги, «слышит» аккорды в сочетании улиц и площадей, башен костелов [10]. В. Г. Власов в своей статье об архитектуре как застывшей музыке также рассматривает эту проблему. По его словам, архитектурные сооружения в трехмерном пространстве воспринимаются во времени и движении, благодаря чему формируется особенное концептуальное пространство. Опираясь на это положение, автор дает определение архитектурному сооружению не как «застывшей музыки», а как «движущейся мелодии». По его мнению, архитектурная пластика уравнивается гравитацией и устойчивостью, а сам образ архитектурного сооружения складывается в движении и трансформации плоскости [4].

Современный архитектурный дизайн – это заложено в самой природе архитектуры – включает в себя поэзию, музыку и другие виды искусств с помощью идейно-композиционных средств. Единство также наблюдается и в сфере различных средств выражения: мелодической и архитектурной линии, архитектурно-пластическом и мелодическом рисунке и т. д. По мнению А. Н. Никифорова, всё это только образно-эмоциональные, философские трактовки взаимодействия архитектуры и музыки. Автор статьи «Синтез архитектуры и музыки в пространственной среде био-тека» предлагает объективный анализ взаимодействия этих искусств, которое стало возможным в современной культуре благодаря достижениям науки и инновационным технологиям. В современном стиле архитектуры, который

воплощает в себе синтез архитектуры и музыки — био-тек, важной чертой строения является не столько функциональность, сколько образная и визуальная выразительность. Автор этой статьи обращается к анализу архитектурных сооружений в образах музыкальных инструментов и называет их своеобразными урбанистическими музыкальными инструментами, которые демонстрируют синтез архитектуры и музыки [7].

Архитектурное пространство крымских городов характеризуется синтезом искусств. Так, дом князя Леонида Николаевича Ратиева в Ялте, вилла «Ксения» в Симеизе, дом Чирахова и особняк Крижановского в Симферополе, доходный дом городского головы Семена Эзровича Дувана в Евпатории, доходный дом в Севастополе и дача «Виктория» в Феодосии являются яркими примерами архитектурной музыкальности. Здесь происходит сближение и реализация разных архитектурно-скульптурных форм, «вхождение» их друг в друга, что создает впечатление музыкальности.

Особое внимание исследователей привлекает особняк Крыжановского в Симферополе. Сооружение представляет собой одноэтажную асимметричную постройку с парадной изящной башней-порталом, с навершием в виде ажурной плетеной металлической конструкции, словно ветвями обвивающей стеклянную крышу башни. По всему фасаду здания, в оформлении крытых галерей и металлических решеток, можно увидеть стилизованные орнаментальные мотивы, которые создают музыкальный ритм на плоскости. Архитектура Дома бракосочетаний в городе Симферополе обладает целостностью, невзирая на контраст своих соотношений. Целостность проявляется в форме и в использовании архитектурных элементов ордерной системы. Наличие этих элементов в архитектуре дает возможность анализа синтеза музыки и архитектуры на основе музыкальных характеристик архитектуры — ритма, гармонии элементов, мелодии линий. Анализ ритма символических архитектурных элементов на фасаде здания показывает присутствие четкой структуры, единого ритмического начала и взаимосогласованности элементов в исполнении украшения фасада.

Рассматривая творческую деятельность художника П. Грейсера в Симферополе, можно утверждать, что музыкальная тема с вариациями в объемно-пространственных композициях металлопластики на фасадах зданий характерна для архитектуры спортивного комплекса «Дружба», дворца культуры производственного объединения «Фотон», а также пансионата «Изумруд» в Николаевке. Композиции П. Грейсера легки и порывисты, в каждой из них прочитывается своя мелодия.

Здание дачи «Виктория» в Феодосии имеет сложное строение, а декоративное сочетание элементов создает впечатление ритмического звучания архитектуры. Использование множества декоративных элементов в структуре этажей, оконных и арочных проемов говорит о полифоничности звучания архитектурной композиции.

Действительно, архитектура и музыка создают гармоническое единство, так как композиционные свойства этих видов искусства имеют много общего. И архитектура, и музыка являются абстрактными формами и сложными структурными построениями. И нотный текст, и архитектурные формы в объективном мире обладают свойствами неподвижности на листе или в пространстве, но при этом

восприятие любого из этих произведений несет массу разнородной информации, а их художественные образы играют значительную роль в духовной жизни общества.

В процессе нашего исследования были рассмотрены примеры архитектурных сооружений в городском пространстве, которые являются воплощением синтеза искусств. Мы можем сделать вывод, что в настоящее время анализ архитектурного пространства в контексте синестезии и синтеза искусств в архитектурном облике городов является актуальным и остается предметом научных исследований дальнейших поисков многих современных мыслителей.

Список литературы

1. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. — М.: Республика, 1994. — С. 269.
2. Берестовская Д. С. Экфрасис и (или?) синтез искусств / Д. С. Берестовская // Уникальные исследования XXI века. — Казань, 2015. — № 7. — С. 30–38.
3. Боров Ю. Эстетика / Ю. Боров. — М.: Политиздат, 1981. — 291 с.
4. Власов В. Г. Архитектура — застывшая музыка или движущаяся мелодия? (спасет гравитация, а не крещендо) / В. Г. Власов // Архитектон: известия вузов, 2016. — № 53.
5. Галеев Б. М. О романтической синестезии «Музыка — архитектура»: От Шеллинга до Гете, и далее — без остановок / Б. М. Галеев // Мир романтизма: Материалы международной конференции. — Тверь: Изд-во ТГУ, 2000. — Вып.3. — С. 90–96.
6. Кон Ю. Г. «Священное песнопение» («Sanktum Sacrum») Стравинского и риторика формы / Ю. Г. Кон // Музыка и незвучащее. — М.: Наука, 2000. — 327 с.
7. Никифорова А. Н. Синтез архитектуры и музыки в пространственной среде био-тека / А. Н. Никифорова. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://repository.buk.by:8080/xmlui/handle/123456789/4339>.
8. Прядуха Н. А. Музыкальная логика как фактор формирования культурного ландшафта городской площади / Н. А. Прядуха // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 375.
9. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Й. Шеллинг. — М.: Мысль, 2003. — 367 с.
10. Hosek A. Architektura a hudba / A. Hosek. — Acta Scaenographica, 1964. — № 5/V.

Petrenko A. P. The Musicality of Architecture in the Context of Synthesis of Arts // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. — 2016. — Vol. 2 (68). — № 2. — P. 62 – 67.

In this study, the problem of unity and a harmonious interaction between architecture and music in the context of synthesis of arts and the necessity of the study of this phenomenon in the development of modern cities. Describes the architecture as "frozen music" in the writings of various thinkers. Analyzes urban space as a unifying system of language: symbols and signs. In this study an attempt is made to find out what the laws of architectonics urban structures coincide with the laws of creating music. Examines examples of "musicality" architecture of modern buildings in the space of Crimean cities. Urban space is a single streamlined environment. The recognition and perception of the environment occurs through a multifaceted study of the form and content of its attributes. Unity provides a common environment for all the constituent elements the order of application of semiotic systems — "languages" of architecture as an art form. In the process of studying these phenomena requires an understanding of the basic regularities of the formation of the image of the city and cultural events taking place in it. Analysis of architectural structures shows the possibility of the interpenetration of music and architectural languages, the possibility and necessity of the study of these phenomena in the context of synthesis of arts. This work deals with the problem of harmonious interaction of architecture and music in urban space. The musical language allows a variety of manifestations of symmetry, in particular, projected with spatial dimensions on time. All this is inherent to the architecture. The architecture is full of various the structural, musical and stylistic and compositional-technical figures.

Architecture is music in the space, based on geometric proportion. Architecture, as an art form, emotional, spontaneous and intuitive, like music. From our point of view, the current direction in the study of the identity of urban space — the embodiment of the synthesis of arts as one of the principles of the formation of the cultural picture of the world. The problem of synthesis of arts turn D. S. Berestovskaya, V. G. Vlasov, B. M. Galeev, A. N. Nikiforenko and others, but underlined the problem has not yet received sufficient illumination. Some thinkers are trying to understand what the laws of the construction of architectural structures coincide with the laws of the construction of musical works and why, looking at the works of a genius of architecture, we experience in the depths of the soul subtle processes, forcing to hear the music. Indeed, architecture and music create a harmonic unity as compositional properties of these art forms have much in common. Architecture and music are abstract shapes and complex structural builds. In the process of our study were considered examples of architectural structures in urban spaces that are the epitome of synthesis of arts. Currently, the analysis of architectural space in the context of synesthesia and synthesis of arts in architectural appearance of the cities is relevant and remains the subject of scientific research for further exploration of many modern thinkers.

Key words: synthesis, architecture, music, city.

References

1. Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie / A. Belyj. — M.: Respublika, 1994. — S. 269.
2. Berestovskaya D. S. Ekfrasis i (ili?) sintez iskusstv / D. S. Berestovskaya // Unikal'nye issledovaniya XXI veka. — Kazan', 2015. — № 7. — S. 30–38.
3. Borev Yu. Estetika / Yu. Borev. — M.: Politizdat, 1981. — 291 c.
4. Vlasov V. G. Arhitektura — zastyvshaya muzyka ili dvizhushchayasya melodiya? (spaset gravitaciya, a ne kreshchendo) / V. G. Vlasov // Arhitekton: izvestiya vuzov, 2016. — № 53.
5. Galeev B. M. O romanticheskoy sinestezii «Muzyka — arhitektura»: Ot Shellinga do Gete, i dalee — bez ostanovok / B. M. Galeev // Mir romantizma: Materialy mezhdunarodnoj konferencii. — Tver': Izd-vo TGU, 2000. — Vyp.3. — S. 90–96.
6. Kon Yu. G. «Svyashchennoe pesnopenie» («Canktum Sacrum») Stravinskogo i ritorika formy / Yu. G. Kon // Muzyka i nezvuchashchee. — M.: Nauka, 2000. — 327 s.
7. Nikiforenko A. N. Sintez arhitektury i muzyki v prostranstvennoj srede bio-teka / A. N. Nikiforenko. — [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://repository.buk.by:8080/xmlui/handle/123456789/4339>.
8. Pryaduha N. A. Muzykal'naya logika kak faktor formirovaniya kul'turnogo landshafta gorodskoj ploshchadi / N. A. Pryaduha // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2013. — № 375.
9. Shelling F. V. J. Filosofiya iskusstva / F. V. I. Shelling. — M.: Mysl', 2003. — 367 s.
10. Hosek A. Arhitektura a hudba / A. Hosek. — Acta Scaenographica, 1964. — № 5/V.

УДК 792.8:73/76

РОЛЬ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО НАЧАЛА В БАЛЕТНОМ ТЕАТРЕ XX–XXI ВВ.

Ю. И. Шепотенко

В статье рассмотрена близость выразительных средств хореографии и изобразительного искусства, выявлены нюансы взаимодействия этих искусств в балетном театре XX–XXI вв. В статье акцентируется внимание на том, как живопись, графика, скульптура влияют не только на сценографию балета, но и на принципы создания хореографического образа. Данная статья представляет попытку исследования подобного синтеза искусств, рассматривая особенности проникновения изобразительных искусств в хореографию на примере балетов XX–XXI вв., что помогает осмыслить специфику образного языка балета.

Ключевые слова: балетный театр, изобразительные искусства, синтез искусств, изобразительный ряд сценического пространства, хореографический образ.

Постановка проблемы в общем виде. Исследование российского балета не может не быть актуальным, поскольку, во-первых, он на протяжении более чем столетия занимал ведущие позиции в мировом хореографическом искусстве и представляет собой значимый феномен русской культуры, во-вторых, являясь «живым» явлением в культуре, балет сам развивается, обогащая свою внутреннюю природу, откликаясь на тенденции времени. Таким образом, проблема синтеза искусств в аспекте общности художественных средств изобразительного искусства и хореографии затрагивается в этой статье в связи с необходимостью дальнейшего комплексного многостороннего изучения данной проблемы.

Проблемы хореографического искусства затрагивают труды Г. И. Гильбурда, Е. Г. Гуренко, Б. Я. Землянского. Исследованиями, связанными с балетным театром, занимались Е. П. Белова, В. Ванслов, Н. И. Воронина, М. С. Каган, П. М. Карп. Изучению выразительных средств балета посвящены работы Б. В. Асафьева, К. Я. Голейзовского, Ф. В. Лопухова и других. Однако анализ литературы показывает, что освещены не все аспекты проблемы. Поэтому **цель данной статьи** – рассмотреть роль языка изобразительных искусств в балете, степень и многогранность его влияния на хореографию в XX – начале XXI века. Для достижения этой цели поставлены **следующие задачи:** определить значимость изобразительного ряда в балетном театре на примере балетов «Русских сезонов» С. П. Дягилева; выделить аспекты влияния графики, живописи, скульптуры в постановке тем, жанров хореографии, создании сценографического и хореографического образов;

охарактеризовать новый этап развития изобразительного ряда в связи с привлечением в сценографию инновационных компьютерных разработок.

Для современного социокультурного знания характерна заинтересованность в изучении проблемы диалога искусств. XX век ознаменовался интеграцией искусств, появляются новые формы синтеза: лазерные инсталляции, светоконцерты, цветомузыкальные фонтаны. Появляется жанр «симфонии» в поэзии, жанр «сонаты» в живописи, которая при этом активно влияет на театр. Новые формы синтеза возникают и в балете, который сам по себе является синтетичным по форме и синкретичным по содержанию. Таким образом, есть основания полагать, что важной частью общей темы синтеза искусств является вопрос взаимодействия пластического искусства и хореографии в балетном спектакле.

Рассматриваемые в статье составляющие имеют общую зрительную координату, но временной характер искусства хореографии создаёт ряд таких нюансов их синтетического взаимодействия, от которых во многом зависит степень художественного воздействия спектакля. Зачастую исследование проблемы синтеза искусств касается законченного художественного произведения. Между тем, диалог изобразительного искусства и хореографии происходит на всех этапах создания балетного спектакля – от первоначального замысла до завершённого произведения, выносимого на публику. В истории балетного театра наблюдалось изменение характера взаимодействия его составляющих. В статье рассмотрены тенденции, которые повлияли на развитие балетного театра на протяжении XX – начала XXI столетия. Визуальное искусство в балете становится не только декоративным элементом, но и подчеркивает замысел постановщика. Художники «Русских сезонов» (А. Н. Бенуа, Л. Бакст, А. Я. Головин, Н. Н. Рерих, Н. С. Гончарова и др.) создавали новую сценическую реальность, в которой зрительный образ как бы срастался с тканью спектакля.

В качестве примера могут служить балеты М. М. Фокина. Балетмейстер в соавторстве с художником-постановщиком скрупулезно изучали материалы по истории искусства, пытались постичь живописно-пластическую сущность эпохи, в рамках которой ставился балетный спектакль; в соответствии с этим подвергались хореографической стилизации позы и движения актеров, рисунок их танцев. Высокой выразительностью отличалось сценографическое оформление Н. К. Рериха к «Половецким пляскам». Закатное с красноватыми отблесками небо, раскинувшиеся шатры в бескрайнем раздолье степи создали замечательную картину южной русской земли, откуда началось наше шествие половцев. Хореография половецких воинов была пронизана дикой необузданной силой и находилась в органическом единстве с изобразительным стилем и новой техникой письма декораций, что вкупе создавало

незабываемое впечатление. В балете «Шехерезада» на музыку Н. Римского-Корсакова формообразующим становилось оформление Л. Бакста. Пряный дух сказочного Востока воссоздавали роскошные декорации и костюмы: великолепие ярких цветов, пышность тюрбанов с перьями и затканых золотом тканей, изобилие орнаментов и украшений. На этом богатейшем фоне Фокин создал свою неповторимую хореографию с подчеркнутой картинностью поз, свободной пластикой, с бешеным темпераментом плясок.

Изучение результатов плодотворного соединения усилий других художников и хореографов «Русских сезонов» Дягилева – чрезвычайно обширная тема, требующая отдельного внимания, выходящая за рамки данной статьи.

Сценография балетного спектакля – очевидная сфера проявления влияния изобразительного искусства в балете, но не единственная. Появляются новые принципы создания хореографического образа под воздействием авангардных направлений в живописи, которые подсказывали особые приемы и техники в композиционном построении балетного спектакля. Например, под влиянием кубизма в хореографической лексике стали использоваться угловатые движения и острые углы в графическом рисунке пластики (хореографы М. Вигман, Л. Фуллер). На создание абстрактных танцевальных композиций хореографов вдохновил абстракционизм, который подал идею вызывать ассоциативный ряд у зрителя без четко заданной сюжетной линии, одним лишь определенным сочетанием цвета и формы. Современный балетный театр переплавил в своем творческом горниле и такой принцип сюрреализма, как аллюзии и парадоксальное сочетание форм («Мутации» М. Бежара, «Сон в летнюю ночь» Дж. Ноймайера, «Красная Жизель» Б. Эйфмана).

Из живописи взят в арсенал других искусств и художественный прием коллажа. Коллаж – «метод (техника) волевой деструкции зримого мира для последующего конструирования нового образа этого мира из частей, осколков, обломков, из изображений и материальных предметов» [1, с. 471]. Впервые в балете в качестве сценографического оформления коллаж был использован П. Пикассо в балете «Парад» «Русских сезонов» Дягилева. Музыкальные коллажи часто практиковались балетмейстерами М. Бежаром и Б. Эйфманом.

Скульптуру и балет роднит характерное для обоих выразительное средство – пластика, объединяющая их общей целью: соединять и располагать элементы композиции (в скульптуре) и фигуры (в балете) так, чтобы они гармонично согласовывались друг с другом, преобразовываясь в эстетически стройное художественное произведение. К. Блазис писал: «Хороший танцовщик, разумный, точный и безупречный в танце, блестящий и лёгкий в своих па, естественный и изящный в позах, в любое мгновение должен быть натурой для художника или ваятеля» [2, с. 99].

«Ваши танцы – это скульптура в движении», – так отзывался Роден о Нижинском, позировавшим ему в Париже во время «Русских сезонов».

Для Айседоры Дункан творческий импульс был заключен в изучении скульптуры и чернофигурной живописи Древней Греции. При этом сама Айседора, исполнявшая

естественный танец, стала музой для многих скульпторов и художников того времени.

Многочисленность примеров взаимопроникновения образных средств скульптуры и хореографии в культуре XX века актуализирует проблематику взаимодействия их художественных языков.

Особого внимания заслуживают балеты, посвященные Огюсту Родену и основанные на его пластических экспериментах, поскольку этот великий мастер более, чем любой другой скульптор мирового уровня, был близок к пониманию балетмейстера как скульптора в хореографии и скульптуры как зафиксированной хореографической пластики.

В частности, Л. Якобсон, вдохновленный скульптурами Родена, в 1958 году поставил балетный спектакль, состоящий из трех номеров на музыку Клода Дебюсси: «Вечная весна», «Поцелуй», «Вечный идол». «Скульптуры Родена» – ранний хореографический триптих, в котором словно оживают произведения французского скульптора-импрессиониста. Это песнь любви, от нежного ростка пробуждающихся чувств до чувственных объятий бешеной страсти.

Кроме Якобсона образы Родена запечатлел на балетной сцене Борис Эйфман. И про скульптора, и про хореографа можно сказать, что оба посредством языка тела передали с помощью пластических решений запутанный клубок человеческих эмоций. Б. Эйфман в балете «Роден» (на музыку Равеля, Дебюсси, Массне и др.), в отличие от Якобсона, не «оживляет» скульптуры ваятеля, но в его хореографическом тексте прослеживаются ассоциации с некоторыми работами скульптора. Например, эффектна и глубоко реалистична чудотворная метаморфоза огромной живой массы, находящейся на вращающемся столе скульптора. По воле Родена (исполняет Олег Габышев) из этой массы слившихся тел вначале появляется человеческая рука, потом голова, нога, затем тело, другое и, наконец, возникает целая композиция «Граждане Кале». Эйфман создал психологический балет об удивительной силе гения, используя артистов как инструмент для выражения эмоциональных состояний, формируя и лепя скульптуры из человеческого тела. Его хореография пластична, как глина, величественна, как бронза, обтекаема, как мрамор.

С хореографией соотносятся некоторые виды графики. Например, само понятие рисунка танца заключается в графически зафиксированном расположении и передвижении танцующих на сцене. Танец и по архитектурной композиции и по хореографической лексике строится на принципах хореографической геометрии. В качестве ярчайшего примера графического аспекта танца приведем «Графический балет» (хореография Г. Песчаного), в котором артисты создают абстрактную графику музыки в сценическом пространстве со свойственной любой графике контрастностью, строгостью линий и несколько прямолинейной выразительностью.

Главным выразительным средством в характерном танце часто становится гротеск, корни которого происходят из разновидностей графики – карикатуры и шаржа. Им присуще преувеличение и заострение характерных черт, максимальная эмоциональность, условность сценического решения. Элементы гротеска использовались И. Моисеевым в балете «Три толстяка» на музыку В. Оранского, Ф. Лопуховым в постановке «Болт» на музыку Д. Шостаковича.

Художественными особенностями еще одной разновидности графики – плаката – продуктивно пользуется балетный театр, где позволительны метафоричность, яркие вызывающие цвета в оформлении. Из этого вытекают их названия: балеты-плакаты, балеты сатирического жанра. Например, балет «Клоп» Л. Якобсона, балет «Анюта» В. Васильева на музыку В. Гаврилина и т. д. В этих балетных спектаклях хореографические образы воплощены через основной выразительный приём пластического гротеска.

Современные хореографы используют также и принцип карикатуры. Иржи Киллиан в «Шести танцах» на музыку Моцарта каламбурит, иронизирует, в его балете-шутке отрезаются головы, надкусываются яблоки, из средневековых париков сыплется пудра, мужчины гарцуют в подштанниках, а женщины в нижних юбках. Хореограф Матс Эк своим девизом провозгласил: «Гротеск – мой путь к прекрасному», в его редакциях балеты «Лебединое озеро» и «Спящая красавица» наполнены пластической иронией и аллегориями.

Наш век информационных технологий существенно меняет образ мышления и интеллектуально-мировоззренческие представления человека, в том числе и относительно удовлетворения эстетических и развлекательных потребностей. Спрос рождает предложение, поэтому театральные продюсеры завоевывают интерес зрителей применением мультимедийных средств в сценографии. Синтез балетного театра и передовых методов компьютерной графики в театральной «визуальной эпохе» – теперь самый распространённый прием в сценографии. Проецирование декорационных росписей на экраны-задники со всей тождественностью передает цветное изображение эскизов декораций и авторский почерк сценографа. Использование таких технологий привело к появлению новой профессии режиссера мультимедиа, который создает новую виртуальную среду для полного погружения зрителя в балетную действительность. Такое виртуальное сценографическое оформление, помимо высокой зрелищности, обладает мобильностью, вариативностью, возможностью создания объемно-пространственной структуры с передачей различных фактур (от пушистого снега до твердого металла с характерным блеском), способностью мгновенной смены декорационного фона. Среди технологий мультимедиа, используемых в балетных постановках, стоит упомянуть следующие инновации: туманный экран (транслирует изображение на авансцену, позволяет исполнителям проходить через него), интерактивное стекло (исполнитель своим касанием к медиа-платформе вызывает различные спецэффекты).

А. А. Рубб, размышляя о сценическом оформлении театральных спектаклей, подчеркивает: «Правил, а тем более законов организации сценического пространства, насколько мне известно, не существует» [3, с. 387]. «Каждый спектакль – открытие новой системы закономерностей», – вторит ему О. Ремез [4, с. 103]. Эти высказывания относятся к самому зрелищному, идущему в ногу со временем российскому балетному театру «Talarium et lux» под руководством Михаила Лавровского. Чтобы не выходить за рамки данной статьи, кратко обозначим принципы данного балетного театра. Его название переводится с латыни как «Балет и свет», что отражает суть данного театра, объединившего компьютерную графику и классический танец на

сцене. В репертуаре «Talarium et lux» есть спектакли «Щелкунчик», «Лебединое озеро», сцены из балетов «Спящая красавица», «Дон Кихот» и других. Их первозданная музыка и хореография остались неизменными. Новизна – в видеоинсталляциях, создающих эффект киноприсутствия. Зрителя завораживают спецэффекты: туман, летающие бабочки, сгущающиеся сумерки, момент, когда злой чародей Ротбарт превращает Одетту (балерину) в лебедя (изображение на экране).

Сама идея синтеза столь различных по своему направлению искусств не может не вызывать восторга у искушенной публики XXI века. Но у постановщиков подобных проектов на пути могут оказаться «подводные камни» – погоня за зрелищностью может привести к утрате единства, целостности впечатления. Перед ними стоит тяжелейшая задача: чтобы изобразительный ряд в своей динамике и монументальности не отвлекал внимание зрителя от артистов балета.

Также важно отметить еще один аспект внедрения новых технологий в балетный театр: взаимопроникновения кинематографа и балета. В 2013 году Мариинский театр беспрецедентно транслировал балет «Лебединое озеро» в 3D. Во многих странах мира зрители могли стать ближе к российскому балету, воочию насладиться им в режиме он-лайн.

Автор статьи присоединяется к мнению Г. А. Праздникова: «Искусство безгранично, но не беспредельно. Его границы подвижны, хотя бы уже потому, что художественность диалектически сочетает в себе dulce и utile – наслаждение и пользу... Самодостаточность искусства означает только то, что для осуществления в культуре своей роли ему необходимо быть искусством, а не чем-нибудь еще» [5, с. 13].

Выводы. Суть синтетизма балетного театра заключается отнюдь не в механической сумме элементов других видов искусств. Балетмейстер-постановщик пользуется средствами выразительности других видов искусств не с оформительской целью, не суммируя их, а синтезируя, преобразовывая и трансформируя в единое художественное произведение, которое само по природе своей изобразительно, по сути, является чередой оживших картин, слаженных по законам изобразительного искусства.

В балетном театре в эпоху постмодерна произошли значительные изменения, связанные с применением информационных технологий. Использование инновационных мультимедийных технологий в театре – не только дань моде, это еще и шаг к новому, «информационному» зрителю. В частности, появляются особые формы спектаклей, новые театральные специальности (режиссер мультимедиа), специфические сценографические технологии.

Современные технологические решения в свете, механизмах, декорациях углубляют и подчеркивают изобразительный ряд. Но помимо зрелищности они создают и поддерживают эмоциональную атмосферу спектакля, которая органично вплетена в канву сценического действия. При этом стоит учитывать неоднозначность использования IT-технологий в балетном театре, эта тема представляет собой широкое поле для научно-исследовательской деятельности.

Сегодня можно говорить об актуальности дальнейшего исследования проблемы взаимодействия изобразительных искусств и хореографии в балете в рамках

обширной темы диалога искусств и главных тенденций, характерных для современного балетного театра.

Список литературы

1. Батракова С. П. Признаки, знаки и символы театра в творчестве Пикассо / С. П. Батракова // Западное искусство. XX век. Судьбы классики в европейском искусстве [сборник статей]. – М., 2010. – 60 с.
2. Блазис К. Искусство танца: извлечение из кн. "Manuel complet de la tanse" [пер. с фр. О. Н. Брошниковской] / К. Блазис. – Л.; М., 1937. – 86 с.
3. Рубб А. А. Размышления о нетрадиционном театре, или нетрадиционный театр как он есть / А. А. Рубб. – М., 2004. – 604 с.
4. Ремез С. Я. Мизансцена и сценическое действие / С. Я. Ремез. – М., 1982.
5. Праздников Г. А. Многообразие искусства: безграничность или беспредельность? Глобализация как тенденция культурного развития современности. Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок [материалы II всероссийской научно-практической конференции] / Г. А. Праздников. – СПбГУП, 2009. – 184 с.

Shepotenko Ju. I. Influence of the Graphic Beginning at Ballet Theatre of the XX – XXI Centuries // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 2. – P. 68–74.

In article the community of means of expression of choreography and fine arts is considered, nuances of interaction of these arts at ballet theater of the XX – XXI century are revealed. In article the attention how painting, the graphics, a sculpture influence not only ballet scenography, but also the principles of creation of a choreographic image is focused. This article makes an attempt of research of similar synthesis of arts, considering features of penetration of the fine arts into choreography on the example of ballets of the XX – XXI century that helps to capture the graphic essence of the ballet.

The choreographer uses means of expression other arts not with the purpose of decoration, not summarize them, and synthesizes and transforms them into a work of art, which is itself inherently pictorial, essentially a series of animated paintings, coordinated by the laws of art.

In the ballet theater in the postmodern era there have been significant changes associated with the use of information technology. The use of innovative multimedia technologies in the theater – not just a fad, it is also a step toward a new "information" to the viewer. In particular, there are special forms of performances, new theatrical profession (media director), specific scenographic technology. But in addition to entertainment, they create and maintain an emotional performance environment that organically woven into the fabric of the stage action. It should take into account the ambiguity of the use of IT-technologies in the ballet theater, this topic is a broad field for scientific research.

Keywords: ballet theater, fine arts, synthesis of arts, graphic number of scenic space, choreographic image.

References

1. Batrakova S. P. Priznaki znaki i simvolj teatra v tvorcestve Pikasso / S. P. Batrakova // Zapadnoe iskusstvo. XX vek. Sud'by klassiki v evropejskom iskusstve [sbornik statej]. – M., 2010. – 60 s.
2. Blazis K. Iskusstvo tanca: izvlechenie iz kn. "Manuel complet de la tanse" [per. s fr. O. N. Broshnikovskoj] / K. Blazis. – L.; M., 1937. – 86 s.
3. Rubb A. A. Razmyshleniya o netradicijnom teatre, ili netradicijnyj teatr kak on est' / A. A. Rubb. – M., 2004. – 604 s.
4. Remez S. Ya. Mizanscena i scenicheskoe dejstvie / S. Ya. Remez. – M., 1982.

СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КУЛЬТУРЫ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 2. С. 75–99.

УДК 008:373(477.75)“19/20”

КУЛЬТУРНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГИМНАЗИЙ КРЫМА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А. А. Шелягова

В статье рассматривается опыт деятельности мужских и женских, казенных и частных гимназических учебных заведений Крыма XIX – начала XX века. Опыт деятельности крымских гимназий свидетельствует, что эти учебные заведения не только передавали знания учащимся, но и воспитывали умного, активного, любознательного человека, знающего и любящего свою культуру, уважающего исторические традиции своей страны. Содержание и формы культурно-воспитательной работы гимназий Крыма способствовали гармоничному развитию гимназической молодежи и были направлены на формирование физически здоровой и культурно развитой личности, гражданина государства. Становление и развитие гимназических учебных заведений Крыма в XIX – начале XX века, несомненно, влекло за собой распространение грамотности, что в целом позитивно влияло на всеобщий культурный уровень населения.

Выявлены формы и методы гражданско-патриотического воспитания и повышения уровня культуры из опыта работы гимназий исследуемого периода. Значительное внимание уделяется роли гимназий в формировании и развитии личности, обладающей качествами гражданина - патриота России.

Ключевые слова: Крым, культура, образование, гимназии, патриотическое воспитание.

Постановка проблемы. Актуальность темы обусловлена необходимостью реализации ценностных оснований образования, среди которых основополагающими, на наш взгляд, являются нравственное и гражданско-патриотическое воспитание. Отечество, история, культура – это ценности, которые мы должны сохранить и передать нашим детям. Патриотическое воспитание подрастающего поколения всегда являлось одной из важнейших задач школы, ведь именно в этом возрасте есть все предпосылки для привития священного чувства любви к Родине.

В период развития современной системы образования особое значение приобретает сохранение исторического и культурного наследия России и отдельных регионов. Крым – край удивительной природы, богатой событиями истории и достойных внимания традиций. Опыт воспитания патриотизма в российских дореволюционных гимназиях Крыма, неотделимый от развития культурного уровня

учащихся, актуален для использования в современной Республике Крым в составе России.

Особой страницей в истории образования и культуры Крыма является процесс становления и развития гимназий Крыма в XIX – начале XX века. Одним из приоритетных направлений работы этих учебных заведений было нравственное, духовное, религиозное, патриотическое воспитание в целях повышения уровня образования и культуры.

Тенденции развития гимназического образования Российской империи в историческом аспекте изучали И. Алешинцев, В. Григорьев, Ш. Ганелин, Э. Днепров, А. Джуринский, С. Егоров, М. Константинов, Д. Латышина, Е. Медынский, А. Пискунов, С. Рождественский, А. Фальборк, М. Чехов, Г. Шмид. Культурологическая, гуманитарная, психолого-педагогическая, образовательная и организационная деятельность гимназий XIX – начала XX века представлена в диссертациях российских ученых М. Васильевой, Г. Ветчиновой, Т. Калгановой, Г. Савина, А. Саурбаевой, И. Смотровой, А. Стрельцова. Отдельные аспекты становления и развития народных училищ Крыма конца XIX века, в том числе и гимназий, исследовали историки, педагоги, этнографы: О. Грива, А. Глузман, В. Дюличев, Д. Журавлев, Л. Маршалл, Л. Моисеенкова Л. Москаленко, А. Попов, Д. Прохоров, Л. Редькина, Г. Рудницкий, В. Широков, Т. Шушара.

Вместе с тем анализ проблематики этих исследований даёт основания утверждать, что они недостаточно раскрывают деятельность крымских гимназий XIX – начала XX века в культурно-патриотическом аспекте.

Цель статьи – выявить формы и методы патриотического воспитания и повышения уровня культуры в Крыму в XIX – начале XX века на примере гимназических учебных заведений.

Изложение основного материала статьи. Воссоединение Крыма с Россией (1783 г.) и официальное административное оформление Таврической губернии (1802 г.) способствовали изменениям в системе образования, что привело к созданию учебных заведений разных типов, среди которых были и гимназии. Для населения Крымского полуострова развитие гимназического образования в составе Российской империи стало не только историко-педагогическим явлением, но и фактором социально-культурного развития.

В дореволюционный период гимназия выступала основным типом среднего общеобразовательного учебного заведения с углубленным изучением отдельных предметов, она предоставляла полноценное, фундаментальное среднее образование и приоритетное право поступления в высшее учебное заведение (преимущественно в университет). Обобщая исторические материалы по развитию системы образования на территории Крыма, можно утверждать, что её становление и развитие в XIX – начале XX века проходило на базе гимназических учебных заведений. Среди них наиболее известны: Евпаторийская, Карасубазарская, Керченская, Симферопольская, Феодосийская, Ялтинская мужские гимназии, Симферопольская частная мужская гимназия М. Волошенко, Симферопольская частная мужская гимназия Е. Свищева, Евпаторийская, Карасубазарская, Керченская, Симферопольская, Ялтинская, Феодосийская женские гимназии, Евпаторийская

частная женская гимназия А. Руцинской и А. Миронович, Керченская частная гимназия Э. фон Таубе, Симферопольская частная женская гимназия Е. Оливер, Симферопольская частная женская гимназия В. Станищевой. Всего в Крыму на первое января 1914 года насчитывалось 23 гимназии, из них мужских – 9, женских – 14, в том числе государственных – 14 и частных – 9. Они стали важнейшими научными, культурными, образовательными и организационно-методическими центрами не только Крыма, но и всей Таврической губернии [25].

Главной задачей становления гимназического образования Крыма в XIX – начале XX века было повышение интеллектуального и культурного уровня населения. Содержание образования в гимназических учебных заведениях Крыма исследуемого периода носило гуманитарно-языковую направленность: латинский и древнегреческий, французский и немецкий языки, словесность, начальный курс философии, логика и мораль, география и математика, физика, история, естественная математика и др. Развитию художественно-эстетических вкусов содействовало изучение пения, музыки и танцев [25].

Рассмотрим культурно-патриотическую составляющую внеурочной деятельности гимназий Крыма в этот период. В Симферопольской мужской гимназии, одной из первых, с целью воспитания уважения и любви к отечеству, его истории и культуре в разное время проводились торжества, посвящённые юбилейным датам, а именно: Н. М. Карамзина (1866 г.), И. С. Крылова (1867 г.), В. А. Жуковского (1883 г.), И. С. Тургенева (1883 г.), С. Т. Аксакова (1886 г.), А. С. Пушкина (1887 г.). Кроме того, 8 апреля 1883 года гимназия в полном составе принимала участие в закладке памятника императрице Екатерине II и в праздновании 100-летия присоединения Крыма. В 1885 году гимназия праздновала память святых славянских первоучителей Кирилла и Мефодия [15, с. 35, 67].

В гимназии постоянно устраивались литературно-музыкальные вечера, на которые приглашались все желающие жители Симферополя. Как правило, эти вечера были благотворительными, а средства, собранные на них, шли, к примеру, в помощь малоимущим гимназистам (на покупку формы и учебников) или на улучшение питания больных военного госпиталя, а также на другие конкретные и полезные дела, о чем свидетельствуют программы литературно-музыкальных вечеров [15].

С целью пробуждения патриотизма и национального самосознания в Керченской мужской гимназии устраивались литературные вечера с популярными чтениями отрывков из отечественной истории (преподавателем истории П. М. Федотовым). Глубокое воспитательное значение имели праздники, торжества, посвящённые важнейшим моментам отечественной истории (100-летие Отечественной войны, 300-летие царствования дома Романовых), а также чествования выдающихся русских и иностранных деятелей с участием гимназического хора и оркестра, о чём свидетельствуют их программы [27, с. 72]. Эти торжественные мероприятия, как правило, состояли из речей преподавателей, исполнения учащимися вокально-музыкальных номеров, чтения стихотворений, соответствующих теме. Такие торжественные акты устраивались в гимназии по следующим случаям: открытие памятника А. С. Пушкину в Москве (1880 г.), столетний юбилей В. А. Жуковского (1883 г.), столетие присоединения к России Крыма (1883 г.), 900-летие крещения Руси

(1888 г.) и 500-летие кончины св. Сергия Радонежского (1892 г.), столетний юбилей А. С. Пушкина (1899 г.), столетие со дня смерти А. В. Суворова (1910 г.), столетие со дня рождения Н. В. Гоголя (1909 г.), двухсотлетие Полтавской победы (1909 г.) и столетие со дня рождения А. В. Кольцова (1910 г.) В 1888 году (6 декабря) состоялся торжественный акт по случаю 25-летия существования Керченской Александровской гимназии [27, с. 114].

С октября 1893 года, по инициативе А. Ж. Вержиковского, исполнявшего обязанности инспектора, в воскресные дни проводились литературные и вокально-музыкальные вечера, на которых по заранее составленной программе и под руководством преподавателей словесности, а также учителей пения и музыки, в присутствии педагогического персонала, почетных гостей и всех желающих учеников исполнялись отдельные сцены из лучших произведений русских драматургов, читались стихотворения и басни в лицах, исполнялись музыкальные пьесы, а также хоровые песни, дуэты, сольные номера. Всё это содействовало развитию эстетического вкуса и повышению уровня культуры гимназистов [27, с. 72].

Под руководством преподавателя истории и географии для учеников старших классов по праздничным дням проводились учебные экскурсии с целью ознакомления учащихся с местными историческими памятниками, предметами древности, хранящимися в местном музее. Экскурсии совершались в окрестности города и по южному берегу Крыма под руководством преподавателя Ю. Ю. Марти.

А в 1896 году под руководством преподавателя истории Х. Х. Зенкевича была совершена дальняя экскурсия в Нижний Новгород на Всероссийскую художественно-промышленную выставку с остановками в городах Феодосии, Харькове и Москве [27, с. 74–75].

Благодаря любезности морского ведомства ученикам предоставлялись катера, на которых совершались морские прогулки. Одна из таких морских прогулок предпринята была в Киз-Аул, в 40 верстах от Керчи, для ознакомления с водолазными работами, при которых было поднято со дна около 300 пудов затонувших вещей. Во время пути Н. Н. Вурнашев знакомил учеников с вопросами мореплавания, морскими картами, маяками.

Весною и осенью ученики гимназии занимались древонасаждением и проведением дорожек на горе Митридат. Все вышеуказанные мероприятия предоставляли возможность гимназистам приобщиться к историко-культурным ценностям своего народа, узнать о различных событиях истории родного края и государства в целом [27, с. 104].

Педагогический коллектив и ученики Евпаторийской мужской гимназии различными способами оказывали помощь бойцам и раненым в начавшейся Первой мировой войне, что содействовало воспитанию патриотического духа и преданности государству.

Все служащие гимназии ежемесячно отчисляли из получаемого содержания в пользу борцов за Родину от 2% до 4% жалованья. Преподаватель В. Н. Тациевский издал брошюру своих стихотворений «Война 1914 года», а чистый доход от её издания перечислил в пользу пострадавших на войне солдат и их семей. Он также организовал сбор денег среди педагогического персонала для приобретения

50 купонов благотворительной лотереи. Преподаватель А. С. Зосимович демонстрировал картины при помощи волшебного фонаря на платной основе в пользу Красного креста [26, с. 103–109].

Евпаторийской мужской гимназией также была учреждена именная койка в лазарете № 3 Одесского учебного округа, на содержание которой ежемесячно вносилось по 60 рублей.

Согласно желаниям учеников, удостоенных наград I степени (в виде книг), стоимость этих книг переводилась в пользу воинов, защищавших Родину. Воспитанниками гимназии также было пожертвовано и отправлено в действующую армию: сахар, чай, табак, ложки, карандаши, почтовая бумага, материал, рождественские подарки и книги для чтения раненым [26, с. 102].

В городском театре учащимися мужской и женской гимназий устраивались патриотические вечера, доход от которых шёл в пользу раненых. Например, при проведении такого вечера 29 января 1915 года было заработано 914 рублей 55 копеек [26, с. 128]. Гимназическим оркестром под руководством П. М. Политова исполнялись музыкальные номера в местном земском лазарете [26, с. 104]. Это служило ярким примером благотворительности и поддержки морального духа раненых.

Учащимися обеих гимназий под руководством А. К. Самко 10 июля 1914 года был проведён сбор денег в сумме 703 рублей 11 копеек на постройку санатория на южном берегу Крыма для больных и раненых воинов и их детей.

Кружечный сбор в пользу различных комитетов составил:

- Комитета помощи борцам за Родину – 24 руб. 49 коп.;
 - Красного Креста – 18 руб. 64 коп.;
 - Комитета княжны Татьяны Николаевны – 1417 руб. 29 коп. (обеими гимназиями);
 - Комитета княгини Мишицы Николаевны – 18 руб. 98 коп. [26, с. 107].
- Утверждена Комиссия педагогическо-ученицкой, основанная при преподавательской была местных учебных заведений и возглавляемая директором мужской гимназии А. К. Самко. Основная цель работы данной комиссии заключалась в оказании бесплатной профессиональной помощи нуждающимся в ней детям лиц, призванных на военную службу. Эта комиссия занималась подготовкой детей школьного и дошкольного возраста к поступлению в учебные заведения, заботилась о бесплатном снабжении их учебными пособиями, следила за учебными занятиями и занималась репетиторством с малоуспевающими учащимися [26, с. 139].

Значительная часть проводимых мероприятий в Ялтинской мужской гимназии также содействовала воспитанию патриотизма. Так, 9 учеников восьмого класса гимназии выразили желание поступить в военные училища или отправиться добровольцами на фронт, тем самым проявив заботу о своём Отечестве [17, л. 111].

В пользу больных и раненых в Японской войне 22 февраля 1904 года был устроен концерт силами учителей и учащихся Ялтинской мужской гимназии, сбор от которого в сумме 1712 руб. 37 коп. был переведён в местную общину Российского общества Красного креста. За это мероприятие коллектив гимназии был удостоен

благодарности от Министра народного просвещения: «Искренне всех благодарю», напечатанной в «Правительственном вестнике» (№ 80. 1904 г.) [16, л. 25].

Заседанием педагогического совета 15 декабря 1914 года (протокол № 51) было принято решение: 1) устраивать в здании гимназии платные вечера (в частности, литературное утро – литературно-музыкальное зрелище в первой половине дня); 2) устроить еженедельно сбор пожертвований после праздника Рождества; 3) устроить платный ученический спектакль с постановкой одного из произведений русских классиков (А. Н. Островского, Н. В. Гоголя). Все собранные деньги от проведения вечеров и лекций перечислялись в Комитет помощи борцам за Родину [20, л.141].

Для учреждения особого фонда Ялтинской мужской гимназии на средства, собираемые учащимися, родителями, местными земскими и городскими организациями, решено было:

1. Провести кружечный сбор.

2. Устроить бесплатный концерт на добровольные пожертвования для учреждения стипендий и нужд оркестра гимназии, с условием, что 2/3 – употребить на нужды оркестра и 1/3 на обеспечение детей защитников Отечества.

3. Устроить морские гоночные состязания с кружечным сбором.

4. Провести спортивные праздники во дворе гимназии с кружечным сбором [18, л. 26].

Небезразличными к данному вопросу были и частные гимназии. Заметную роль в культурной жизни города играла Симферопольская мужская частная прогимназия им. Е. Свищева. Так, 29 ноября 1909 года здесь состоялось литературное утро в память Полтавской победы, была устроена выставка в память 1812 года [8, л. 85].

С разрешения Попечителя Одесского учебного округа на первом этаже выделены 2 комнаты на 8 кроватей под лазарет для больных и раненых воинов, присмотр за которыми осуществляли учащиеся и педагогический персонал гимназии. В этом же доме находился и пансион из 8 комнат, рассчитанный на 10 воспитанников гимназии. Плата за содержание в пансионе взималась в размере 550 рублей в год [9, л. 33–34].

Будучи ученым-археологом, Е. Свищев в гимназии продолжал придавать большое значение экскурсиям, о чем свидетельствуют материалы «Дела о проведении ученических экскурсий по Крыму» [3]. В «Справочной книге по г. Симферополю на 1913 год» упоминается Общество ученических общеобразовательных экскурсий при гимназии Е. Свищева, которое на тот момент находилось в стадии организации [24, с.107].

И в Симферопольской частной мужской гимназии М. А. Волощенко учащимися германскими и французскими, и славянскими языками, а также историей, географией, патриотических чувств, интереса к изучению истории и культуры родного края [1, л.19].

Неотъемлемым компонентом деятельности женских гимназий также являлось культурное и патриотическое воспитание. В 1878 году, во время русско-турецкой войны за независимость славян, Симферопольская женская гимназия не оставалась

безучастной к народному бедствию и своим посильным трудом принимала участие в судьбе раненых и больных воинов, тем самым воспитывая у учениц патриотизм, милосердие и трудолюбие. По инициативе начальницы гимназии А. Н. Мунт и с разрешения попечителя учебного округа тайного советника С. П. Голубцова от 15 сентября 1877 г. за № 6384 при гимназии была открыта 1-го сентября того же года «воскресная мастерская». Каждое воскресенье после церковной службы с 12 до 16 часов дня, под руководством Елены Ивановны Калмыковой, начальницы и учительницы рукоделия, ученицы гимназии занимались изготовлением теплых вещей и белья для раненных и больных воинов. Изготовление одежды и белья осуществлялось на добровольные пожертвования частных лиц и учреждений в виде материала и денежных средств. Мастерская существовала один год, в течение которого было собрано 1617 рублей, из них 127 рублей выдано на руки больным солдатам, возвращавшимся на родину, а остальные деньги использованы на покупку материала для изготовления вещей. Сделанные в мастерской вещи передавались больным и раненым солдатам при выписке из военных госпиталей и барачков Красного Креста, находившихся в военное время в Симферополе [31, с. 40].

В связи с военными действиями преподаватели и гимназистки Ялтинской женской гимназии также не остались в стороне от патриотического движения в помощь фронту:

– ученицы под руководством начальницы участвовали в совершении кружечных сборов: а) в пользу Татьянинского комитета, б) в сборах на подарки воинам, организованных Ялтинским временным комитетом, в) в пользу беженцев для Польского благотворительного общества, г) в пользу Лиги труда при Ялтинском временном комитете;

– по инициативе начальницы ученицы восьмого класса взяли на себя продажу чая, булочек и молока во время ученических завтраков и под руководством классной надзирательницы Л. Д. Кузьминой собрали на нужды воинов 207 рублей 27 копеек;

– ученицы гимназии в течение учебного года под руководством учительницы рукоделия А. М. Поповой и классной надзирательницы шили бельё воинам, вязали различные шерстяные вещи;

– от гимназии отправлено 146 мешков пасхальных подарков, за что получили благодарность;

– педагогический персонал Ялтинской женской гимназии отчислял 3% своего жалованья на нужды воинам, в том числе 2% в пользу Ялтинского временного комитета и 1% – в комитет помощи борцам за Родину при Одесском учебном округе;

– все ученицы восьмого класса во главе с начальницей слушали лекции на курсах сестёр милосердия, проходивших в здании Ялтинской женской гимназии. Практические работы ученицы выполняли в летний период, и 4 из них окончили курс со званием сестёр милосердия, а одна – Софья Прусакова – работала в одном из отрядов Всероссийского земского союза [10, л. 45–46].

Культурно-воспитательная часть в Ялтинской женской гимназии также была поставлена с самых первых пор надлежащим образом. Начиная с 1877 года ежегодно по несколько раз устраивались литературно-музыкальные вечера, елки, прогулки, высаживание ученицами деревьев в садике женской гимназии под наблюдением

городского садовника Мануенко. На большой перемене между третьим и четвертым уроками проводились гимнастические упражнения и общие игры на воздухе. Обучение рукоделию, танцам и рисованию было обязательным для всех учениц, исключения допускались только для слабых здоровьем.

О сближении школы и семьи и об усилении воспитательной работы свидетельствует совместное совещание педагогов и родителей, состоявшееся 17 октября 1905 года, на котором были предложены меры по реформированию средней школы, среди них были – открытие для пользования учащихся библиотек фундаментальной и Тупиковской (Н. М. Тупиков – российский филолог, исследователь русского языка и культуры, преподаватель гимназии завещал свою библиотеку учебному заведению), расширение состава книг по мере надобности и сообразуясь с желаниями учениц, учреждение в гимназии читальни с выпиской газет и журналов по выбору педагогов и учащихся [13, л. 36].

Со времени создания гимназии ее гостями становились видные деятели литературы: А. Чехов, М. Горький, М. Волошин И. Бунин и А. Куприн – эти люди в разное время посещали гимназию и оставляли здесь часть своей души.

Документы свидетельствуют о вовлечении женщин в культурную и литературную жизнь губернии. В Евпаторийской женской гимназии, наряду с заботой о высокой нравственности, серьезное значение придавалось патриотическому воспитанию девушек. Это выражалось, как правило, в проведении торжественных мероприятий в честь различных исторических событий. Например, празднование 900-летия Крещения Руси и проведение торжественного акта в честь юбилейного события [22, л. 58], а также 100-летний юбилей Александровского комитета о раненых [2, л. 63]. А 2 октября 1918 года во всех крымских гимназиях был отпразднован день памяти русского поэта М. Ю. Лермонтова, «...дабы во время юбилейных торжеств сильнее запечатлеть в умах и сердцах подрастающего поколения, обучающихся в низшей и средней школе Одесского учебного округа, светлую память Лермонтова, произведения которого дороги нам теплотою религиозных мотивов, искренностью патриотического настроения, интересом содержания и возвышенностью чувств» [21, л. 43].

В связи с военными обстоятельствами учащиеся и преподаватели оказывали помощь раненым, нуждающимся семьям воинов в виде денежных взносов, подарков, изготовления одежды и шерстяных изделий [21, л. 54]. В 1915 году от гимназии в действующую армию было отправлено 12 ящиков весом 35 пудов [2, л. 38]. Ученицами гимназии было куплено 300 пасхальных открыток на 15 рублей, которые отправлены защитникам Отечества [2, л. 67].

Как и в других гимназиях, учебно-воспитательский персонал изъявил желание делать ежемесячные отчисления из получаемого жалованья и передавать их в распоряжение Комитета борцам за Родину, учрежденного Одесским округом [21, л. 64].

На период летних каникул в Евпаторийской женской гимназии был временно устроен санаторий на 80 коек для пострадавших на войне лиц педагогического персонала и служащих ведомства Министерства народного просвещения,

нуждающихся в восстановлении здоровья [2, л. 35]. В октябре 1915 года в 10 классных комнатах гимназии предполагалось разместить лазарет [2, л. 133].

Всё это содействовало развитию высокой социальной активности, гражданской ответственности и воспитанию чуткости и отзывчивости у гимназисток, способных своим созидательным трудом проявить преданность и любовь к Отечеству.

Аналогичные формы и методы использовались и в частных женских гимназиях Крыма. Так, в Симферопольской женской гимназии, учреждённой Е. Оливер, в целях патриотического воспитания проводились торжества, приуроченные, к примеру, к 100-летию Отечественной войны 1812 года, к 50-летию великого акта освобождения крестьян от крепостной зависимости и другим знаменательным событиям. Общая программа празднования была, как правило, однотипной и включала: богослужение, исторический очерк, изложенный учащимися, декламирование учащимися стихотворений, посвящённых событию, а также исполнение юбилейных песен [4, л. 4, 70]. В годы первой мировой войны национально-патриотическое воспитание также выражалось в сборе и отправке подарков, одежды на фронт для доблестных воинов.

Воспитанию художественного вкуса были посвящены литературно-музыкальные мероприятия, устраиваемые к юбилеям писателей, например, к 100-летию со дня рождения Н. В. Гоголя, к 50-летию со дня смерти С. Т. Аксакова. В такой день учащиеся освобождались от классных занятий и проводили «литературное утро», посвящённое памяти писателя, неотъемлемой частью которого были торжественные речи, произнесённые преподавателями, чтение-декламация, музыка, пение и участие оркестра (при наличии такового) [28, л. 12, 66].

Организация выставок по графическим искусствам в стенах гимназии содействовала не только овладению навыками и методами рисования, но и развитию эстетического вкуса гимназисток и повышению их культуры [4, л. 5].

Большое внимание уделялось проведению учебных экскурсий в культурных, познавательных и воспитательных целях. В июне 1909 года была организована четырёхдневная экскурсия по Южному берегу Крыма через Бахчисарай, Коккозы, Ай-Петри, Ялту, Массандру, Алушту, Перевальное и Симферополь. В экскурсии принимали участие 26 учениц старших курсов с участием преподавателей гимназии [14, л. 138]. Проводились экскурсии в Севастополь, Феодосию, Керчь, по историческим памятникам полуострова, а также в горно-лесные районы, как правило, в летнее время.

С целью более углублённого знакомства с творчеством писателей, как и в других гимназиях, в Симферопольской женской гимназии В. Станишевской устраивались бесплатные литературные вечера. Так, например, 23–24 января 1910 года для учениц старших классов был проведён вечер в память 50-летия со дня рождения А. П. Чехова, на котором преподаватель словесности К. А. Тренёв рассказал о жизни и творчестве писателя, а две ученицы прочитали отрывки из произведений классика [5, л. 118].

На воспитание патриотических чувств были направлены празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны [23, л. 120] и чтения в память 300-летия со дня освобождения Свято-Троицкой Сергиевской Лавры [5, л. 120]. Учителя гимназии ежемесячно отправляли денежные отчисления из своего жалованья для оказания

помощи бойцам, находящимся в рядах действующей армии, а также раненым и больным воинам. Следует отметить, что своим личным примером педагогические коллективы этой и других гимназий демонстрировали проявление любви и преданности своему государству и народу [7, л. 239, 249].

В декабре 1911 года воспитанницами гимназии была совершена экскурсия в Москву и в январе 1912 года – в Петербург [30, л. 240].

В Евпаторийской частной женской гимназии А. П. Руцинской и А. А. Миронович проводились мероприятия, направленные на воспитание патриотических чувств. Так, 26 сентября 1914 года отмечалась 200-летняя годовщина Гангутского сражения в связи с победой в 1714 году Петром I над шведами у мыса Гангут. Учащиеся и учителя посильными вложениями оказывали помощь воинам и раненым во время войны. Например, для раненых и воинов учителя Евпаторийской частной женской гимназии отчисляли 2% из своего жалованья, а ученицы на уроках рукоделия шили тёплые вещи [19, л. 6]. В городском театре председателем педагогического совета Евпаторийской частной женской гимназии К. А. Иващенко проводились лекции, а вырученные деньги шли в пользу Комитета помощи борцам за Родину [11, л. 2].

Ввиду важного образовательного значения экскурсий ученицами и учителями гимназии с первого года основания учебного заведения были совершены экскурсии в окрестности города Евпатории, по Южному берегу Крыма, в район Херсонеса, Севастополя, Инкермана, Бахчисарая, Пещерного города, Георгиевского монастыря, Балаклавы [19, л. 42 об].

В 1917 году в Евпаторийской гимназии совместного обучения А. П. Руцинской и А. А. Миронович практиковалось проведение выставок работ учащихся с шестого по 11 классы – по географии, естествоведению, истории, а в восьмом классе – по рукоделию и ручному труду. Особо хотелось бы отметить выставку ученических работ по рисованию, открытую 24 июня 1919 года. Анализ отзывов о выставке свидетельствует не только о достаточно высоком уровне преподавания рисования, но и о развитии наблюдательности и творческого воображения учащихся гимназии. Посетительница выставки В. А. Острословская так писала о ней: «Дай бог, чтобы таких выставок было побольше» [6, л. 12 об].

Кроме учебной деятельности, в Керченской частной женской гимназии Э. Фон-Таубе занимались и воспитательной работой. Так, в 1918 году были устроены праздники в честь юбилеев И. С. Тургенева и Т. Г. Шевченко. Программа включала: 1) панихиду по писателю, 2) изложение биографии и характеристику деятельности персоны одним из учащихся, 3) чтение отрывков из произведений писателя [12; 29]. В феврале 1919 года в Английском клубе гимназистами был проведён бал-маскарад и литературно-музыкальный вечер в пользу неимущих учениц гимназии.

В своей структуре практически все гимназии имели фундаментальную и ученическую библиотеки, учебные кабинеты, метеорологические станции, музеи, одной из задач которых являлось повышение культуры, воспитание патриотизма и уважения к великим свершениям и достойным страницам прошлого Родины и своего народа. Более детальное изучение данного материала является предметом перспективных исследований.

Выводы. Во время исследовательского периода в гимназиях крымского региона, наряду с традиционной урочной системой, использовались различные формы и методы обучения и воспитания, направленные на приобщение подрастающего поколения к ценностям культуры, литературы, искусства, истории Отечества: 1) дополнительные занятия по предметам во внеурочное время (лекции и беседы учителей, популярные чтения отрывков из отечественной истории и русской литературы, 2) экскурсии (естественно-географические, исторические и производственные), 3) посещение местных достопримечательностей, высаживание деревьев, 4) организация праздников, торжеств, посвященных важнейшим моментам отечественной истории, чествования русских деятелей, 5) проведение концертов, спектаклей, литературных и вокально-музыкальных вечеров, которые способствовали обогащению знаниями, эстетическому развитию учащихся гимназий, а также повышению культурного уровня.

Многие мероприятия сопровождались сбором денег, которые в дальнейшем использовались для оказания помощи пострадавшим в различных военных действиях. Педагоги тоже не оставались в стороне: делали ежемесячные отчисления из своего жалования, издавали книги и брошюры, а также совместно с учащимися проводили кружечные сборы денег на нужды воинов.

Во время Первой мировой войны наибольшее распространение получили благотворительные мероприятия, лотереи, спектакли, сбор и отправка пожертвований (продукты, канцелярские товары, книги, подарки, одежда) на фронт для доблестных воинов, что способствовало формированию морально-этических ценностей гимназиста: патриотизм, сострадание и сопереживание к судьбе Родины и своего народа, честность, порядочность, обязательность. Значительная часть мальчиков-гимназистов поступали в военные училища или уходили добровольцами на фронт, а девочки-гимназистки посещали лекции на курсах сестер милосердия. При женских гимназиях открывались мастерские по изготовлению одежды для воинов и раненых. Во многих гимназиях во время военных действий в разное время устраивались санатории и лазареты.

Тем самым гимназии содействовали:

- изучению истории и культуры своего края и России в целом;
- созданию необходимых условий для воспитания патриотизма как духовной составляющей личности гражданина, воспитанию чувства любви, гордости за свою Родину, готовности ее защищать;
- развитию у гимназистов уважения, милосердия и сочувствия не только к воинам и раненым, к семьям погибших защитников Отечества, но и ко всем соотечественникам.

Опыт деятельности крымских гимназий свидетельствует, что эти учебные заведения не только передавали знания учащимся, но и воспитывали умного, активного, любознательного человека, знающего и любящего свою культуру, уважающего исторические традиции своей страны. Содержание и формы культурно-воспитательной работы гимназий Крыма способствовали гармоничному развитию гимназической молодежи и были направлены на формирование физически здоровой, культурно развитой личности, гражданина государства. Становление и развитие

гимназических учебных заведений Крыма в XIX – начале XX века, несомненно, влекло за собой распространение грамотности, что в целом позитивно влияло на всеобщий культурный уровень населения. Созданные гимназии становились культурно-просветительскими центрами, неотъемлемой частью которых являлось патриотическое воспитание и повышение всеобщего уровня грамотности населения и его культурного уровня.

Список литературы

1. Ведомости и отчёты о состоянии гимназии. Переписка с инспекцией, другими учреждениями о работе гимназии. Послужной список. Протоколы заседаний классных комиссий // Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», г. Симферополь (ГКУ РК «ГАРК»). Ф. 105 (Симферопольская частная мужская гимназия М. А. Волошенко). Оп. 1. Д. 6. – 645 л.
2. Годовой отчёт с донесениями и о распределении недельных уроков за 1915 год // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 725 (Евпаторийская женская гимназия). Оп. 1. Д. 96. – 165 л.
3. Дело о проведении ученических экскурсий по Крыму // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 154 (Симферопольская частная мужская гимназия Е. Свищева). Оп. 1. Д. 25. – 6 л.
4. Дело Симферопольской женской гимназии, учреждённой Е. И. Оливер // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 153 (Частная женская гимназия Е. И. Оливер). Оп. 1. Д. 31. – 280 л.
5. Журнал протоколов педагогического совета гимназии // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 106 (Симферопольская частная женская гимназия В. А. Станишевской). Оп. 1. Д. 2. – 122 л.
6. Книга посещений выставки работ учащихся гимназии, май 1915 года // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 726 (Евпаторийская частная женская гимназия А. П. Руцинской и А. А. Миронович). Оп. 1. Д. 17. – 164 л.
7. Копии циркуляров и распоряжений попечителя Одесского учебного округа о комплектовании школьных библиотек книжками религиозного содержания, постановке физического воспитания в школах // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 106 (Симферопольская частная женская гимназия В. А. Станишевской). Оп. 1. Д. 32. – 304 л.
8. Об успехах и поведении учащихся, распределении числа недельных уроков и причитающегося за них содержания. Со списками выбывших из мужской гимназии и сметами на содержание интерната для детей татар // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 154 (Симферопольская частная мужская гимназия Е. Свищева). Оп. 1. Д. 2. – 102 л.
9. Об успешности занятий, распределении уроков, медицинском осмотре учеников с удостоверениями о пребывании в гимназии // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 154 (Симферопольская частная мужская гимназия Е. Свищева). Оп. 1. Д. 18. – 329 л.
10. Отчет Ялтинской женской гимназии // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 623 (Ялтинская женская гимназия). Оп. 2. Д. 12. – 61 л.
11. Переписка с Евпаторийской городской управой, городским головой, попечителем совета женской гимназии о предоставлении театра для устройства лекций, назначении единовременного пособия гимназии, отводе участка городской земли для постройки здания гимназии // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 726 (Евпаторийская частная женская гимназия А. П. Руцинской и А. А. Миронович). Оп. 1. Д. 8. – 55 л.
12. Переписка с Министерством просвещения Крымского Краевого Правительства по вопросу личного состава учащихся и учащихся женской гимназии, педагогического совета женской гимназии, о подготовке и ремонту помещений к новому учебному году // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 779 (Керченская частная женская гимназия Фон-Таубе Э. А.). Оп. 1. Д. 5. – 110 л.
13. Переписка с попечителем Одесского учебного округа о стипендиях, о поступлении в высшие учебные заведения, о личном составе // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 623 (Ялтинская женская гимназия). Оп. 2. Д. 11. – 51 л.
14. Письма и циркуляры Попечителя Одесского учебного округа о самоубийствах учащихся, о выписке и приобретении «полезных» изданий книг и портретов, о выпускных испытаниях, об

- экскурсиях в Болгарию и Константинополь к памятникам старины, о борьбе с холерой и чумой // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 153 (Частная женская гимназия Е. И. Оливер). Оп. 1. Д. 23. – 244 л.
15. Празднование семидесятипятилетнего юбилея Симферопольской мужской гимназии и отчёт о состоянии гимназии от 1812 по 1887 год. – Симферополь: Таврическая губернская типография, 1887. – 68 с.
 16. Протоколы заседаний педагогического совета Ялтинской Александровской гимназии за 1904 год // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 624 (Ялтинская мужская гимназия). Оп. 1. Д. 2. – 111 л.
 17. Протоколы заседаний педагогического совета Ялтинской Александровской гимназии за 1915 год // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 624 (Ялтинская мужская гимназия). Оп. 1. Д. 13. – 113 л.
 18. Протоколы заседаний педагогического совета Ялтинской Александровской гимназии за 1915–1916 годы // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 624 (Ялтинская мужская гимназия). Оп. 1. Д. 16. – 98 л.
 19. Протоколы педагогического совета гимназии А. П. Рущинской и А. А. Миронович в г. Евпатории // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 726 (Евпаторийская частная женская гимназия А. П. Рущинской и А. А. Миронович). Оп. 1. Д. 7. – 48 л.
 20. Протоколы педагогического совета Ялтинской Александровской гимназии за 1914 год // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 624 (Ялтинская мужская гимназия). Оп. 1. Д. 11. – 146 л.
 21. Распоряжения попечителя Одесского учебного округа о порядке проведения экзаменов, добровольных пожертвований, изменениях в работе гимназий в связи с войной // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 725 (Евпаторийская женская гимназия). Оп. 1. Д. 86. – 102 л.
 22. Сведения о числе недельных уроков, требовательные ведомости на выдачу зарплаты по личному составу гимназии // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 725 (Евпаторийская женская гимназия). Оп. 1. Д. 4. – 81 л.
 23. Списки личного состава // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 106 (Симферопольская частная женская гимназия В. А. Станишевской). Оп. 1. Д. 28. – 147 л.
 24. Справочная книга по Симферополю на 1913 год / Издание Симферопольской городской управы. – Симферополь: Типография Г. М. Эпеля и Ф. Т. Коршунова, 1913. – 203 с.
 25. Становление и развитие гимназического образования в Крыму (XIX – начало XX века). [монография; под общ. ред. А. В. Глузмана, Л. И. Редькиной, А. А. Шеляговой]. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 336 с.
 26. Тациевский В. Н. Отчёт о состоянии Евпаторийской гимназии за 1914–1915 учебный год / В. Н. Тациевский. – Евпатория: Типография И. Ф. Райхельсона, 1916. – 139 с.
 27. Федотов П. М. Пятидесятилетие Керченской Александровской гимназии (1863–1913): историческая записка / П. М. Федотов. – Керчь: Тип. Лаго, 1914. – 163 с.
 28. Циркуляры и письма Попечителя Одесского учебного округа о взносе денежных сумм в казначейство, о праздновании 100 летнего юбилея со дня рождения Гоголя и 50 лет со дня смерти Аксакова, о приобретении книг для ученических библиотек, о внешкольном поведении учениц, о выдаче медалей окончившим курс ученицам // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 153 (Частная женская гимназия Е. И. Оливер). Оп. 1. Д. 24. – 264 л.
 29. Циркуляры о предельном количестве недельных часов для директоров, инспекторов, классных руководителей, рядовых учителей, о борьбе с эпидемией гриппа-испанки. Списки кандидатов на вакансии в учебном заведении // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 779 (Керченская частная женская гимназия Фон-Таубе Э. А.). Оп. 1. Д. 4. – 66 л.
 30. Циркуляры попечителя Одесского учебного округа по учебно-хозяйственной части // ГКУ РК «ГАРК». Ф. 106 (Симферопольская частная женская гимназия В. А. Станишевской). Оп. 1. Д. 19. – 263 л.
 31. Щербина Н. К. Историческая записка о Симферопольской женской гимназии со времени её основания по 1-е июля 1881 года / Н. К. Щербина. – Симферополь, Таврическая губернская типография, 1881. – 40 с.

Shelyagova A. A. Cultural and Patriotic Component of Activity of Gymnasiums of the Crimea in XIX – the Beginning of the XX Century // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 2. – P. 84–99.

In the article the experience of activity of men's and women's, state and private gymnasiums educational institutions XIX – the beginning of the XX century of the Crimea is considered. The cultural and patriotic component of extracurricular activities of specific gymnasiums of the Crimea in 19th– the beginning of 20th century is shown: Simferopol, Kerch, Yevpatoria, Yalta men's state gymnasiums, Simferopol men's private gymnasium of E. Svishcheva, Simferopol men's private gymnasium of M. Voloshenko; Simferopol, Yalta, Yevpatoria female state gymnasiums, Simferopol female gymnasium founded by E. Oliver, Simferopol female gymnasium of V. Stanishevskaya, the Yevpatoria private female gymnasium of A. Rushchinskoy and A. Mironovich, the Kerch private female gymnasium of E. Fon-Taube. The moral, spiritual, religious, patriotic ways of work of these educational institutions are characterized.

Forms and methods of civil and patriotic education and increase of level of culture from experience of gymnasiums of the studied period are revealed: additional classes in objects after hours (lectures and conversations of teachers, popular readings fragments from national history and Russian literature; excursions (natural and geographical, historical and industrial); visiting of local sights, planting trees; the organization of holidays, the celebrations devoted to the most important moments of national history, celebration of the Russian public figures; organizing concerts, performances, literary and vocal musicales parties; whip-rounds for needs of soldiers; charitable actions, lotteries, performances, collecting and sending donations (products, stationery, books, gifts, clothes) to the front for valorous soldiers; boys students were enrolled in military schools or went to the front as volunteers, and girls-the girls attended lectures at the courses of sisters of mercy; opening of workshops on production of clothes for soldiers and wounded; making of sanatoria and infirmaries in gymnasiums during military operations.

The considerable attention is paid to the role of gymnasiums in formation and development of the personality possessing qualities of the citizen Patriot of Russia.

Key words: Crimea, culture, education, gymnasiums, patriotic education.

References

1. Vedomosti i otchyoty o sostoyanii gimnazii. Perepiska s inspekciej, drugimi uchrezhdeniyami o rabote gimnazii. Posluzhnoj spisok. Protokoly zasedanij klassnyh komissij // Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Krym «Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym», g. Simferopol' (GKU RK «GARK»). F. 105 (Simferopol'skaya chastnaya muzhskaya gimnaziya M. A. Voloshenko) Op. 1. D. 6. – 645 l.
2. Godovoj otchyot s donesenyami i o raspredelenii nedel'nyh urokov za 1915 god // GKU RK «GARK». F. 725 (Evpatorijskaya zhenskaya gimnaziya). Op. 1. D. 96. – 165 l.
3. Delo o provedenii uchenicheskikh ehkskursij po Krymu // GKU RK «GARK». F. 154 (Simferopol'skaya chastnaya muzhskaya gimnaziya E. Svishcheva). Op. 1. D. 25. – 6 l.
4. Delo Simferopol'skoj zhenskoj gimnazii, uchrezhdyonnoj E. I. Oliver // GKU RK «GARK». F. 153 (Chastnaya zhenskaya gimnaziya E. I. Oliver). Op. 1. D. 31. – 280 l.
5. Zhurnal protokolov pedagogicheskogo soveta gimnazii // GKU RK «GARK». F. 106 (Simferopol'skaya chastnaya zhenskaya gimnaziya V. A. Stanishevskoj). Op. 1. D. 2. – 122 l.
6. Kniga poseshchenij vystavki rabot uchashchihsya gimnazii, maj 1915 goda // GKU RK «GARK». F. 726 (Evpatorijskaya chastnaya zhenskaya gimnaziya A. P. Rushchinskoy i A. A. Mironovich). Op. 1. D. 17. – 164 l.
7. Kopii cirkulyarov i rasporyazhenij popechitelya Odesskogo uchebnogo okruga o komplektovanii shkol'nyh bibliotek knizhkami religioznogo sodержaniya, postanovke fizicheskogo vospitaniya v shkolah // GKU RK «GARK». F. 106 (Simferopol'skaya chastnaya zhenskaya gimnaziya V. A. Stanishevskoj). Op. 1. D. 32. – 304 l.
8. Ob uspekhah i povedenii uchashchihsya, raspredelenii chisla nedel'nyh urokov i prichitayushchegosya za nih sodержaniya. So spiskami vybyvshih iz muzhskoj gimnazii i smetami na sodержanie internata dlya detej tatar // GKU RK «GARK». F. 154 (Simferopol'skaya chastnaya muzhskaya gimnaziya E. Svishcheva). Op. 1. D. 2. – 102 l.

9. Ob uspešnosti zanyatij, raspredelenii urokov, medicinskom osmotre učenikov s udostovereniyami o prebyvanii v gimnazii // GKU RK «GARK». F. 154 (Simferopol'skaya chastnaya mužskaya gimnaziya E. Svishcheva). Op. 1. D. 18. – 329 l.
10. Otchet Yaltinskoj ženskoy gimnazii // GKU RK «GARK». F. 623 (Yaltinskaya ženskaya gimnaziya). Op. 2. D. 12. – 61 l.
11. Perepiska s Evpatorijskoj gorodskoj upravoj, gorodskim golovoj, popechitelem soveta ženskoy gimnazii o predostavlenii teatra dlya ustrojstva lekcij, naznachenii edinovremennogo posobiya gimnazii, otvode uchastka gorodskoj zemli dlya postrojki zdaniya gimnazii // GKU RK «GARK». F. 726 (Evpatorijskaya chastnaya ženskaya gimnaziya A. P. Rushchinskoj i A. A. Mironovich). Op. 1. D. 8. – 55 l.
12. Perepiska s Ministerstvom prosveshcheniya Krymskogo Kraevogo Pravitel'stva po voprosu lichnogo sostava uchashchih i uchashchihsya ženskoy gimnazii, pedagogičeskogo soveta ženskoy gimnazii, o podgotovke i remontu pomeshchenij k novomu uchebnomu godu // GKU RK «GARK». F. 779 (Kerchenskaya chastnaya ženskaya gimnaziya Fon-Taube Eh. A.). Op. 1. D. 5. – 110 l.
13. Perepiska s popechitelem Odesskogo uchebnogo okruga o stipendiyah, o postuplenii v vysshie uchebnye zavedeniya, o lichnom sostave // GKU RK «GARK». F. 623 (Yaltinskaya ženskaya gimnaziya). Op. 2. D. 11. – 51 l.
14. Pis'ma i cirkulyary Popechatelya Odesskogo uchebnogo okruga o samoubijstvah uchashchihsya, o vypiske i priobretenii «poleznych» izdaniy knig i portretov, o vypusnyh ispytaniyah, ob ehkursiyah v Bolgariyu i Konstantinopol' k pamyatnikam stariny, o bor'be s holeroj i chumoj // GKU RK «GARK». F. 153 (Chastnaya ženskaya gimnaziya E. I. Oliver). Op. 1. D. 23. – 244 l.
15. Prazdnovanie semidesyatyatiletnego yubileya Simferopol'skoj mužskoj gimnazii i otchyot o sostoyanii gimnazii ot 1812 po 1887 god. – Simferopol': Tavricheskaya gubernskaya tipografiya, 1887. – 68 s.
16. Protokoly zasedanij pedagogičeskogo soveta Yaltinskoj Aleksandrovskoj gimnazii za 1904 god // GKU RK «GARK». F. 624 (Yaltinskaya mužskaya gimnaziya). Op. 1. D. 2. – 111 l.
17. Protokoly zasedanij pedagogičeskogo soveta Yaltinskoj Aleksandrovskoj gimnazii za 1915 god // GKU RK «GARK». F. 624 (Yaltinskaya mužskaya gimnaziya). Op. 1. D. 13. – 113 l.
18. Protokoly zasedanij pedagogičeskogo soveta Yaltinskoj Aleksandrovskoj gimnazii za 1915–1916 gody // GKU RK «GARK». F. 624 (Yaltinskaya mužskaya gimnaziya). Op. 1. D. 16. – 98 l.
19. Protokoly pedagogičeskogo soveta gimnazii A. P. Rushchinskoj i A. A. Mironovich v g. Evpatorii // GKU RK «GARK». F. 726 (Evpatorijskaya chastnaya ženskaya gimnaziya A. P. Rushchinskoj i A. A. Mironovich). Op. 1. D. 7. – 48 l.
20. Protokoly pedagogičeskogo soveta Yaltinskoj Aleksandrovskoj gimnazii za 1914 god // GKU RK «GARK». F. 624 (Yaltinskaya mužskaya gimnaziya). Op. 1. D. 11. – 146 l.
21. Rasporyazheniya popechatelya Odesskogo uchebnogo okruga o poryadke provedeniya ehzamenov, dobrovol'nyh pozhertvovanij, izmeneniyah v rabote gimnazij v svyazi s vojnoj // GKU RK «GARK». F. 725 (Evpatorijskaya ženskaya gimnaziya). Op. 1. D. 86. – 102 l.
22. Svedeniya o chisle nedel'nyh urokov, trebovatel'nye vedomosti na vydachu zarplaty po lichnomu sostavu gimnazii // GKU RK «GARK». F. 725 (Evpatorijskaya ženskaya gimnaziya). Op. 1. D. 4. – 81 l.
23. Spiski lichnogo sostava // GKU RK «GARK». F. 106 (Simferopol'skaya chastnaya ženskaya gimnaziya V. A. Stanishevskoj). Op. 1. D. 28. – 147 l.
24. Spravochnaya kniga po Simferopolju na 1913 god / Izdanie Simferopol'skoj gorodskoj upravyy. – Simferopol': Tipografiya G. M. Ehpelya i F. T. Korshunova, 1913. – 203 s.
25. Stanovlenie i razvitiye gimnazicheskogo obrazovaniya v Krymu (XIX – nachalo XX veka). [monografiya; pod obshch. red. A. V. Gluzmana, L. I. Red'kinoj, A. A. SHelyagovoj]. – Simferopol': IT «ARIAL», 2012. – 336 s.
26. Tacievskij V. N. Otchyot o sostoyanii Evpatorijskoj gimnazii za 1914–1915 uchebnyj god / V. N. Tacievskij. – Evpatoriya: Tipografiya I. F. Rajhel'sona, 1916. – 139 s.
27. Fedotov P. M. Pyatidesyatiletie Kerchenskoj Aleksandrovskoj gimnazii (1863–1913): istoricheskaya zapiska / P. M. Fedotov. – Kerch': Tip. Lago, 1914. – 163 s.
28. Cirkulyary i pis'ma Popechatelya Odesskogo uchebnogo okruga o vnzose denezhnyh summ v kaznachejstvo, o prazdnovanii 100 letnego yubileya so dnya rozhdeniya Gogolya i 50 let so dnya smerti

- Aksakova, o priobrenenii knig dlya uchenicheskikh bibliotek, o vneshkol'nom povedenii uchenic, o vydache medalej, okonchivshih kurs uchenicam // GKU RK «GARK». F. 153 (Chastnaya zhenskaya gimnaziya E. I. Oliver). Op. 1. D. 24. – 264 l.
29. Cirkulyary o predel'nom kolichestve nedel'nyh chasov dlya direktorov, inspektorov, klassnyh rukovoditelej, ryadovyh uchitelej, o bor'be s ehpidemiej gripa-isparki. Spiski kandidatov na vakansii v uchebnom zavedenii // GKU RK «GARK». F. 779 (Kerchenskaya chastnaya zhenskaya gimnaziya Fon-Taube Eh. A.). Op. 1. D. 4. – 66 l.
30. Cirkulyary popечitelya Odesskogo uchebnogo okruga po uchebno-hozyajstvennoj chasti // GKU RK «GARK». F. 106 (Simferopol'skaya chastnaya zhenskaya gimnaziya V. A. Stanishevskoj). Op. 1. D. 19. – 263 l.
31. Shcherbina N. K. Istoricheskaya zapiska o Simferopol'skoj zhenskoj gimnazii so vremeni eyo osnovaniya po 1-e iyulya 1881 goda / N. K. Shcherbina. – Simferopol', Tavricheskaya gubernskaya tipografiya, 1881. – 40 s.

Сведения об авторах

Акчурина-Муфтиева Н. М. – д. искусств., профессор кафедры декоративного искусства факультета истории, искусства, крымскотатарского языка и литературы Крымского инженерно-педагогического университета. E-mail: akchurina_05@mail.ru.

Берестовская Д. С. – д. филос. н., профессор, заведующая кафедрой культурологии и религиоведения философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: verynya.58@gmail.com.

Грива О. А. – д. филос. н., профессор кафедры культурологии и религиоведения философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: ogriva@yandex.ru.

Ишин А. В. – д. и. н., профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: a.ischin@yandex.ua.

Кузюшева А. Ю. – аспирант кафедры культурологии и религиоведения философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: pantarba@mail.ru.

Кузьячкина М. В. – аспирант кафедры культурологии и религиоведения философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: chiffa12@yandex.ru.

Никулина Е. А. – аспирант, преподаватель кафедры хореографии Крымского университета культуры, искусств и туризма. E-mail: elenaanatolyewna@mail.ru

Петренко А. П. – аспирант кафедры культурологии и религиоведения философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: petrenko.ap@mail.ru.

Синичкин А. В. – к. культур., доцент кафедры культурологии и религиоведения философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: cu78@mail.ru.

Шелягова А. А. – к. пед. н., доцент кафедры музеологии и библиотечно-информационной деятельности Крымского университета культуры, искусств и туризма. E-mail: shelyagova@meta.ua.

Шепотенко Ю. И. – преподаватель кафедры хореографии, аспирант кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма. E-mail: kukiit2005@gmail.com.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КУЛЬТУРОЛОГИИ

<i>Д. С. Берестовская</i> Аристотель о специфике и нравственных проблемах искусства	3
<i>А. В. Синичкин</i> Научное творчество и синергетический подход в ноосферной концепции В. И. Вернадского	10

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В КУЛЬТУРЕ

<i>О. А. Грива</i> Религиозный фактор становления личности в поликультурной и поликонфессиональной среде	18
<i>А. В. Ишин</i> Наследие архиепископа Таврического Гурия (Карпова) в пространстве отечественной культуры	27
<i>М. В. Кузячкина</i> Межкультурный диалог как фактор развития культуры «русских мусульман» (по материалам трудов И. Гаспринского).....	33

ИСКУССТВО КАК ФОРМА КУЛЬТУРЫ

<i>Н. М. Акчурина-Муфтиева</i> Приемственность традиций	39
<i>А. Ю. Кугушева</i> Семиозис художественного образа в искусстве: к постановке проблемы	48
<i>Е. А. Никулина</i> Танец как предмет культурологического исследования.....	55
<i>А. П. Петренко</i> Музыкальность архитектуры в контексте синтеза искусств	62
<i>Ю. И. Шепотенко</i> Роль изобразительного начала в балетном театре XX–XXI в...68	

СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КУЛЬТУРЫ

<i>А. А. Шелягова</i> Культурно-патриотическая составляющая деятельности гимназий Крыма в XIX - начале XX века	75
Сведения об авторах	100
Содержание.....	101

About the Authors

Akchurina-Muftieva N. M. – Doctor of Fine Arts, Professor of the Decorative Arts Department of the Faculty of History, Arts, Crimean Tatar language and literature, Crimean Engineering and Pedagogical University. E-mail: akchurina_05@mail.ru.

Berestovskaya D. S. – Doctor of Philosophy, Professor and the Head of the Culturology and Religious Studies Department of the Faculty of Philosophy, Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: verynya.58@gmail.com.

Griva O. A. – Doctor of Philosophy, Professor of the Culturology and Religious Studies Department of the Faculty of Philosophy, Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: ogriva@yandex.ru.

Ishin A. V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian History Department, Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: a.ischin@yandex.ua.

Kugusheva A. Ju. – Postgraduate Student of the Culturology and Religious Studies Department of Faculty of Philosophy, Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: pantarba@mail.ru.

Kuzjachkina M. V. – Postgraduate Student of the Culturology and Religious Studies Department of Faculty of Philosophy, Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: chiffa12@yandex.ru.

Nikulina E. A. – Lecturer of Choreography Department, Postgraduate Student of the Philosophy, Culturology and Humanitarian Disciplines Department, Crimean University of Culture, Arts and Tourism. E-mail: elenaanatolyewna@mail.ru

Petrenko A. P. – Postgraduate Student of the Culturology and Religious Studies Department of Faculty of Philosophy, Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: petrenko.ap@mail.ru.

Sinichkin A. V. – Candidate of Culturology, Associate Professor of the Culturology and Religious Studies Department of Faculty of Philosophy, Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: cu78@mail.ru.

Shelyagova A. A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Museology and Library information activities Department, Crimean University of Culture, Arts and Tourism. E-mail: shelyagova@meta.ua.

Shepotenko Ju. I. – Lecturer of Choreography Department, Postgraduate Student of the Philosophy, Culturology and Humanitarian Disciplines Department, Crimean University of Culture, Arts and Tourism. E-mail: kukiit2005@gmail.com.

CONTENT

PHILOSOPHICAL ISSUES IN CULTUROLOGY

<i>D. S. Berestovskaya</i> Aristotle about the Specifics and Moral Problems of Art.....	3
<i>A. V. Sinichkin</i> Scientific Creativity and Synergetic Approach to the Concept of the Noosphere V. Vernadsky	10

RELIGIOUS MOTIVES IN CULTURE

<i>O. A. Griva</i> Religious factor in the formation of the personality in a multicultural environment	18
<i>A. V. Ishin</i> A Legacy of Archbishop Tavricheskiy Guriy (Karpov) is in Space of Domestic Culture	27
<i>M. V. Kuzjachkina</i> Cross-Cultural Dialogue as a Factor in Development of “Russian Muslims” Culture (Based on the Work of I. Gasprinsky)	33

ART AS A FORM OF CULTURE

<i>N. M. Akchurina-Muftieva</i> The Continuity of Traditions	39
<i>A. Ju. Kugusheva</i> Semiosis of the Artistic Image in the Art	48
<i>E. A. Nikulina</i> Dance as a Subject Cultural Studies	55
<i>A. P. Petrenko</i> The Musicality of Architecture in the Context of Synthesis of Arts	62
<i>Ju. I. Shepotenko</i> Influence of the Graphic Beginning at Ballet Theatre of the XX – XXI Centuries	68

CULTURAL SPACE OF THE CRIMEA

<i>A. A. Shelyagova</i> Cultural and Patriotic Component of Activity of Gymnasiums of the Crimea in XIX – the Beginning of the XX Century	75
About the Authors	100
Content	101